

Министерство образования Российской Федерации
Нижегородский государственный университет
им. Н.И.Лобачевского

Ю.П. Зарецкий

**РЕНЕССАНСНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ
И САМОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ:
ЭНЕЙ СИЛЬВИЙ ПИККОЛОМИНИ (ПИЙ II)**

Нижний Новгород
Изд-во ННГУ
2000

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	1
ВВЕДЕНИЕ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	6
ГЛАВА I. "ТИПИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК РАННЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ"	17
1. Пий II в биографических исследованиях	14
2. Вехи жизненного пути	20
3. Литературные труды	23
ГЛАВА 2. "ЗАПИСКИ О ДОСТОПАМЯТНЫХ ДЕЯНИЯХ"	33
1. Общая характеристика источника	30
2. Предисловие. Основные автобиографические темы и сюжеты 1-й книги	32
3. Основные автобиографические темы и сюжеты книг II-XII	42
4. Личность автора в "Записках": проблемы и исследования	48
ГЛАВА 3. ПОДРАЖАНИЕ БИОГРАФИЧЕСКИМ МОДЕЛЯМ	56
1. Древние герои (Цезарь, Эней)	52
2. Святые (христианский воин, мученик, Иисус)	57
3. Цезарь или Христос?	61
ГЛАВА 4. МИФ О САМОМ СЕБЕ	72
1. Сокровенный смысл рассказа о встрече с пастухом	68
2. Творение мифа	70
3. Особенности самосознания и творческая манера автора "Записок"	80
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. НА ПУТИ К НОВОЕВРОПЕЙСКОМУ САМОСОЗНАНИЮ	96
ПРИЛОЖЕНИЕ. ЗАПИСКИ О ДОСТОПАМЯТНЫХ ДЕЯНИЯХ ПИЯ II	105
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	126

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книжка – попытка несколько приподнять завесу над вопросами, интересующими как историков и психологов, так и, надо думать, самых “обыкновенных” читателей, небезразлично относящихся к возможности заглянуть в потаенные уголки личности человека, жившего за столетия до нас. Как, по каким “правилам” складывался в его сознании образ собственного “Я”? Каким он виделся самому себе? В чем состоят различия в восприятии себя им и человеком Нового времени? Примерно так выглядят главные из них.

Совершенно очевидно, что найти ответы на эти вопросы непросто, но также совершенно очевидно и то, что без уяснения их наши представления о прошлом остаются обедненными, урезанными, лишенными важного индивидуально-личностного измерения. Ведь в психологии давно доказано, что образ “Я” во многом определяет и направляет жизненную активность человека, его дела и поступки, и это вполне справедливо и в отношении человеческого прошлого. Возьмем для примера хотя бы традиционные сюжеты политической истории. Что заставляло королей, полководцев, церковных прелатов в различных конкретных ситуациях поступать так, а не иначе? Чем руководствовался исторический деятель, объявляя войну или заключая мир, казня врагов или милуя, устраивая дворцовый переворот или проводя реформы? Разве знать это не важно? Не интересно? Конечно, мы никогда не сможем ответить на эти вопросы “до конца”. Сегодня, как никогда раньше, ясно, что человеческая деятельность бывает далеко не всегда осознанной, что она слишком часто диктуется иррациональными мотивами. Но можно ли из-за этого вовсе отказаться от попытки увидеть поведение индивида “изнутри”? Правильно ли объяснять это поведение исключительно внешними обстоятельствами, не учитывая то, как эти обстоятельства преломлялись в его сознании/самосознании? Увы, даже так называемые научные биографии обычно мало говорят о личных мотивах поступков протагонистов. Там же, где без объяснения их все же не обойтись, историк чаще всего либо экстраполирует в прошлое свои собственные представления о должном поведении в данной ситуации, либо, в лучшем случае, выводит некий императив, исходя из “духа эпохи”, средневеково-христианской или рыцарской этики, или каких-то еще общих правил, не решаясь поглубже заглянуть “внутрь” своего героя.

Причины такой осторожности в целом достаточно очевидны – в распоряжении исследователей чаще всего бывает крайне мало документов личного характера, в особенности таких, которые могли бы пролить свет на ту часть внутреннего мира индивида, которая обращена к его собственному “Я”. К тому же историки, привыкшие чаще иметь дело с событиями, фактами, датами, цифрами, обычно относятся крайне скептически вообще к самой

возможности разглядеть “внутреннего человека”, жившего сто, двести, а то и тысячу лет назад. Тут как бы само собой подразумевается, что нам его никогда не дано постичь, что поговорка “чужая душа – потемки” в исторической перспективе аксиоматична вдвойне. Все существующие на этот счет сомнения, в конечном счете, можно свести к двум главным трудностям. Первая – где взять достаточно убедительные “факты” для такого рода личностного исследования. Вторая – как, с помощью каких средств извлечь из них нужные сведения (если такие средства вообще существуют в нашем распоряжении).

Речь в этой книге пойдет об одном из счастливых исключений – поэте и гуманисте XVв., который, сделав стремительную церковную карьеру и став в конце жизни Римским папой, оставил богатые документальные материалы для понимания его индивидуального самосознания и одновременно самосознания его современников. Главный из них – его автобиография, в которой он не только подробно рассказал о самом себе, но и запечатлел собственное видение самого себя, как говорят в таких случаях применительно к писателям Нового времени, создал яркий литературный автопортрет. Этот документ, по моему мнению, лучше других подходит для поисков ответов на сформулированные выше вопросы. И не только потому, что “Записки” Пия II – наиболее полный отчет автора о собственной жизни из всех, известных в Италии до Челлини и Кардано. Пожалуй, еще более важно, что это автопортрет самый ренессансный и гуманистический из существующих, то есть наиболее прочно “встроенный” в культуру эпохи.

Теперь о способах, с помощью которых предполагается разглядеть образ “Я” нашего героя. Подход к задаче исследования можно обозначить одновременно как историко-культурный (в значительной степени обязанный методологии анализа биографических типов в работах М.М.Бахтина¹), культурно-психологический (в духе взглядов Джерома Брюнера) и герменевтический (в заключительной части работы широко применяется не прямое прочтение текста, когда ему задаются вопросы, на которые Пий в своем труде как бы вовсе не собирался отвечать). Несколько слов следует особо сказать о “культурной психологии” Брюнера. Главный тезис этого ученого – “культура придает форму сознанию, она снабжает нас набором инструментов, с помощью которых мы конструируем не только наши миры, но и представления о самих себе и наших возможностях”² – выглядит как новая и весьма привлекательная перспектива для исторических исследований, связанных с проблемами

---

¹ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С.280-296; Он же. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.121-145.

² Bruner J. The Culture of Education. Cambridge (Mass.), 1996. P.X.

личности, в частности ренессансной³. Такая позиция, заметим, в определенной степени противостоит большинству традиционных подходов, согласно которым личность формируется почти исключительно в силу экономических и социальных обстоятельств⁴. Не менее важен и другой вывод исследователя: “Я” индивида никогда не формируется ни исключительно вне, ни исключительно внутри его культурного окружения; процесс происходит через диалогическое взаимодействие с этим окружением (воображаемым или действительным). Имплицитно оба тезиса постоянно присутствуют в моей работе как некие исходные посылки, на которых основывается ее “вопросник”.

Книга состоит из четырех глав, каждая из которых является как бы шагом, приближающим читателя к намеченной цели. Первая, “Типичный человек раннего Возрождения”, очерчивает контуры исторической фигуры Пикколомини-Пия; вторая, “Записки о достопамятных деяниях”, дает общую характеристику литературного автопортрета папы; третья, “Подражание биографическим моделям античной и христианской традиций”, прослеживает главную конструктивную особенность его автобиографического рассказа; наконец, четвертая, “Миф о самом себе”, делает попытку заглянуть внутрь его “Я”, понять, что скрывается за некоторыми странностями текста, рисующего образ папы, а также за некоторыми из деяний Пия на посту главы Римской церкви.

Большая часть работы над книгой была выполнена в Институте всеобщей истории РАН. Без заинтересованного участия и дружеской поддержки его сотрудников она едва ли состоялась бы. Мне особенно приятно выразить искреннюю признательность всем им.

ВВЕДЕНИЕ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

---

³ См. об этом, в частности: Gouwens K. Perceiving the Past: Renaissance Humanism after the “Cognitive Turn” // *The American Historical Review*. 1998. No 1. P.55-56, 77.

⁴ См. напр. статью Натали Земон Дэвис об индивиде в XVI в., где в качестве определяющих факторов его самоидентификации называются социальные институты: семья, род, монашеский орден, религиозная община, сословие, цех, государство и т.д. — Davis N.Z. Boundaries and the Sense of Self in Sixteenth-Century France // *Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality and the Self in Western Thought*. Stanford, 1986. P.53-63.

Изучение ренессансных представлений о человеке, имеющее давнюю историю и богатые традиции, в том числе и в отечественной науке⁵, тесно связано с вопросом гораздо менее исследованным: что и как думали люди этой эпохи сами о себе, каким виделся им их собственный человеческий облик, другими словами, с проблемой ренессансного самосознания. Обращение к этой проблеме сегодня представляется вполне назревшим — современная историческая наука уже на протяжении нескольких десятилетий⁶ настойчиво выдвигает на передний план изучение вопросов личностного порядка, всякий раз переосмысливая их по-новому⁷. Добавим к этому, что серьезный разговор о ренессансном самосознании в отечественной историографии уже начат и успешно ведётся, так что в этой области, несомненно, имеется определённый "задел"⁸.

Нельзя, однако, не заметить, что до сих пор существует целая группа произведений, явно обделенных вниманием современных учёных, занятых проблемами ренессансной личности - автобиографические сочинения XIV - XVI вв.⁹. Причины подобного положения вещей, очевидно, кроются в определенном скепсисе в отношении достоверности сообщаемых ими сведений и связанных с особым характером автобиографических текстов трудностях методологического порядка. Действительно, как найти адекватные вопросы к такому

---

⁵ Укажем здесь лишь на некоторые монографические исследования: Абрамсон М.Л. От Данте к Альберти. М., 1979; Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М., 1978; он же. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989; он же. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М., 1990; Брагина Л.М. Итальянский гуманизм: Этические учения XIV-XV вв. М., 1977; она же. Социально-этические взгляды гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983; Горфункель А.Х. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М., 1977; он же. Философия эпохи Возрождения. М., 1980; Ревякина Н.В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV - первой половины XV в. М., 1977; Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. Л., 1976.

⁶

⁷ См.: Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С.501-541.

⁸ Особо отметим в этой связи большую серию работ Л.М.Баткина, из которой основные указаны в прим. 1, а также статью Н.В. Ревякиной: Франческо Петрарка и формирование самосознания новой личности (По трактату "Об уединенной жизни") // Средние века. М., 1986. Вып.49. С.82-103.

⁹ Исключение составляют, пожалуй, лишь автобиографические сочинения купцов и деловых людей, впервые тщательно проанализированные в известном труде Кристиана Бека (Bes Chr. Les marchands écrivains. Affaires et humanisme a Florence 1375-1434. Paris, 1967. P.49-95) и до сегодняшнего времени привлекающие живой интерес историков (см. в частности: Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV-XV вв. Москва; Ставрополь, 1995. Ч.1-2; Mercanti scrittori. Ricordi nella Firenze tra Medioevo e Rinascimento / A cura di Vittore Branca. Milano, 1986; Weiland Ch. "Libri di famiglia" und Autobiographie in Italien zwischen Tre- und Cinquecento (Studien zur Entwicklung des Schreibens über sich selbst). Tübingen, 1993). Укажем в качестве редкого исключения также на две новые работы о знаменитых автобиографиях Дж. Кардано и Б. Челлини: Брагина Л.М. Гуманистические традиции в этико-философской концепции Джироламо Кардано // Культура Возрождения XVI века. М., 1997. С.144-157; Подземская Н.П. "Жизнь Бенвенуто Челлини" как литературный памятник позднего итальянского Возрождения // Там же. С.157-163.

своеобразному роду документов? Да и в состоянии ли он вообще служить надёжным историческим источником?

1. Историческая достоверность автобиографии

Хотя автобиографические сочинения и использовались в трудах историков ещё в глубокой древности, ни в античную эпоху, ни в средние века, ни ещё долгое время после они не воспринимались как особый, отличный от всех прочих, вид документального свидетельства. Проблема была впервые отчётливо сформулирована лишь в XIX в., представ в виде довольно прямолинейно заданного вопроса о том, насколько достоверно автобиография отображает историческую действительность¹⁰. Вопрос этот вызвал жаркие споры. Защитники автобиографии указывали на её уникальность, способность передать "дух эпохи", возможность с её помощью проникнуть в глубины личности. Наиболее последовательным сторонником этой точки зрения выступил В.Дильтей. "Автобиография, -- писал он, -- высшая и наиболее поучительная форма, в которой находит выражение понимание жизни..."¹¹ Идея изначальной правдивости автобиографии *per se* была поднята на щит Артуром Шопенгауэром, сделавшим заявление, откровенно вызывающе звучащее для большинства историков: "Притворяться в автобиографическом сочинении, - утверждал философ, - так трудно, что, вероятно, нет ни одной автобиографии, которая в целом не была бы правдивее, чем любое другое историческое произведение"¹².

Противники же говорили о ненадёжности автобиографии - субъективизме, неизбежных неточностях, порождённых несовершенством человеческой памяти, и прочих трудностях, ожидающих ее исследователя. Один из них, Ян Ромейн, крайне безапелляционно заявил даже, что "автобиография – самый опасный вид источника"¹³. Как бы там ни было, но во всех случаях реальность и содержательность каждого элемента триады *autos-bios-grapho* в конце прошлого века не подвергалась сомнению, причем почти все внимание было сосредоточено на втором ее элементе, на достоверности или, наоборот, недостоверности сведений о своей жизни, сообщаемых автором.

К середине XX в. эти споры постепенно утратили остроту, но проблема правдивости автобиографии и возможности с ее помощью глубже понять прошлое не перестала инте-

---

¹⁰ См.: Хубач В. Биография и автобиография: проблемы источника и изложения. М., 1970.

¹¹ Цит. По: Хубач В. Указ. соч. С.5.

¹² Цит. По: Хубач В. Указ. соч. С.6.

¹³ См. там же. С.5.

ресовать учёных. Возвращение к ней второго поколения исследователей в 60-е - 70-е гг. в значительной степени обязано книге Роя Пэскала с характерным названием: "Замысел и правда в автобиографии"¹⁴, в которой учёный предлагает новые подходы. "Правдивость" автобиографии превращается у него в гораздо более сложное понятие, включающее помимо фактического и морального также и психологическое измерение. Пэскал особо подчёркивает, что автобиография – это не только реконструкция автором своего прошлого, но одновременно и его интерпретация, обусловленная в конечном счёте задачей самопознания. В ходе этой интерпретации, обнажая факты и связи, ранее скрытые от постороннего глаза, автор демонстрирует систему своих жизненных ценностей и, что особенно важно, идеальный образ собственного "Я"¹⁵. При таком взгляде на содержание автобиографического сочинения "лобовые" вопросы к нему, вроде того, правду или неправду говорит автор, часто оказываются неприемлемыми. Подходить к нему надо ещё и с "позиции нашего интуитивного знания жизни, полученного в результате индивидуального опыта"¹⁶. Лишь тогда автобиография будет в состоянии раскрыть ту "единую правду жизни", которая видима только изнутри, и явиться читателю как уникальный человеческий документ¹⁷.

Сегодня в связи с общими изменениями, происшедшими в гуманитарном знании в результате признания огромной роли бессознательного в человеческой жизни и "лингвистического поворота", подход к проблеме правды в автобиографии Пэскала выглядит уже весьма архаично. Третьим поколением критиков принципиально по-новому понимается сам феномен автобиографии (в качестве одного из "дискурсивных типов"), соответственно иначе формулируются и вопросы. Авторское "Я" (autos) становится в ней все более эфемерным. Проблема "смерти автора", о которой сначала говорили применительно к литературным произведениям вообще¹⁸, теперь вплотную подбирается и к сочинениям автобиографического жанра¹⁹. В новой ситуации сам процесс создания автобиографии начинает пониматься одновременно как процесс письма и чтения²⁰, акцент переносится на изучение особенностей автобиографического дискурса (grapho) или смещается в сторону

---

¹⁴ Pascal R. Design and Truth in Autobiography. London, 1960.

¹⁵ Ibid. P.193.

¹⁶ Ibid. P.194.

¹⁷ Ibid. P.195.

¹⁸ Barthes R. La mort de l'auteur // Manteia. 1968. № 5. (См. рус. пер. в сборнике: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994); Foucault M. What is an Author? // Textual Strategies / Ed. J.V.Harari. Ithaca, 1979. P.141-160.

¹⁹ Sprinker M. Fictions of the Self: The End of Autobiography // Some Versions of Memory – Some Versions of Bios: The Ontology of Autobiography (Essays Theoretical and Critical) / Ed. by J.Olney. Princeton, 1980.

²⁰ Lejeune Ph. Moi aussi. Paris, 1986.

изучения восприятия автобиографического текста читателем. Понятие же “истины”, содержащейся (или не содержащейся) в тексте, становится почти бессмысленным.

С другой стороны, историкам культуры, не разуверившимся в возможности установить диалог с людьми других эпох, сегодня становится все более и более очевидным, что говорить об автобиографии вообще как историческом источнике едва ли целесообразно с практической точки зрения. Историк имеет дело не с абстракциями, а со вполне конкретными текстами и группами текстов, которые не только имеют формальный общий признак (совпадение героя и автора), но и принципиально различаются своими культурными параметрами. Именно эти различия/особенности и должны быть доминирующими при формулировке вопросов историка к автобиографическим текстам.

2. Индивид и личность в обобщающих исследованиях ренессансной автобиографии

Помимо работ общетеоретического характера проблема достоверности автобиографии и адекватных подходов к её изучению продолжает иногда ставиться в конкретных историко-культурных и историко-антропологических исследованиях. "Правда", которую содержит автобиография в таком исследовании, -- это, по выражению П.Бёрка, "взгляд изнутри культуры", обусловленный особенностями сознания эпохи²¹. Автобиографическое сочинение, считает он, всегда в той или иной степени формализовано, наполнено общими местами, но это обстоятельство не является непреодолимой преградой для исследователя, пытающегося разглядеть личность его автора. Нужно только помнить, что в каждом случае он "играл свою роль - возможно, довольно напыщенно - в соответствии со сценарием, которым его снабдила культура"²².

Говоря обо всём этом, П.Бёрк имеет в виду произведения одного периода, одной культуры - итальянские автобиографии начала Нового времени. И такая историческая определённости делает его суждения гораздо более убедительными в сравнении с размышлениями об автобиографии "вообще" и попытками искать единые подходы для сочинений Исократа, Августина, Челлини и Руссо. Более понятен и взгляд учёного на автобиографию как на индикатор самосознания индивида, группы людей или эпохи в целом, в отличие от абстрактной постановки вопроса о достоверности сочинений этого рода в принципе. Но даже при таком конкретизирующем подходе к проблеме многочисленные

---

²¹ Burke P. Historical Antropology of Early Modern Italy: Essays in Perception and Communication. Cambridge (Mass.), 1987. P.20.

методологические трудности, встающие перед исследователем автобиографических текстов, часто оказываются серьёзной преградой. Свидетельства этому можно легко обнаружить в тех немногих обобщающих работах по ренессансной автобиографии, где авторов интересует её "личностное измерение".

Возрождение, считает вслед за Я.Буркхардтом Г.Миш²³, характеризует новое понимание человека и его места в мире, а, следовательно, и новая функция автобиографии - говорить не столько об отношении человека к Богу, сколько о человеке как таковом. В этом состоит главная особенность ренессансной автобиографии, которая начинается с Петрарки и сочинений, родившихся в пополанско-купеческой среде (Морелли, Питти, Веллутти и др.), и заканчивается Кампанеллой. Все ренессансные автобиографии, чрезвычайно разнообразные по своей форме, в отношении содержания делятся на две большие группы: те, которые отображают внешнюю сторону жизни (*Lebenswirklichkeit*), и те, в которых автор обращает свой взор внутрь самого себя (*reflektierter Selbstdarstellung*). К первым относятся, в частности, произведения Пикколомини и Челлини, ко вторым - Гвиччардини, Лоренцо Медичи и Кардано, книга которого сыграла особую роль в развитии "рефлектирующей автобиографии", оказав заметное влияние на Руссо и Гёте²⁴. Заметим, что анализ всех этих произведений у Г.Миша не отличается оригинальностью и глубиной - иного, впрочем, трудно было бы и ожидать в столь всеобъемлющем труде. Его достоинство в другом: немецкому учёному удалось создать уникальную энциклопедию мировой автобиографии, уже долгие годы успешно служащую исследователям личности и её самосознания в самых разных аспектах.

В отличие от монументального творения Миша, насыщенного богатым конкретным материалом, небольшая работа Дж.Ийсевины²⁵ почти целиком состоит из готовых выводов и логических умозаключений о природе гуманистической автобиографии. По Ийсевины, она, прежде всего, - произведение поэтическое, что вытекает из хорошо известного всем стремления гуманистов к славе (поэзия - кратчайший путь к ней)²⁶. Композиционно такая автобиография обычно делится на шесть составляющих - топосов, предписанных правилами античной риторики: вступление, рассказ о происхождении автора (*genus*), его воспитании и учении (*educatio*), деяниях (*res gestae*), его сравнение с окружающими (*comparatio*), эпилог²⁷. Что касается конкретно её содержательной стороны и её личностного начала, то эти моменты

---

²² Ibid. P.21.

²³ Misch G. Geschichte der Autobiographie. Bd. 3. Frankfurt a/M, 1979 (2 Aufl.).

²⁴ Ibid. Bd.4. Half.2. S.732.

²⁵ Ijsewijn J. Humanistic autobiography // Studia humanitatis. Munich, 1973. P.209-219.

²⁶ Ibid. P.210-211.

²⁷ Ibid. P.214.

явно ускользают от внимания учёного, занятого поисками "основных признаков" явления. Из его построений можно, пожалуй, заключить лишь, что гуманистическая автобиография - это сочинение автоапологетическое, целиком проникнутое желанием его создателя увековечить своё имя и свой человеческий облик.

В подтверждение своих суждений автор приводит в конце работы весьма примечательный список текстов. Кроме нескольких известных итальянских автобиографий ("Моей тайны" и "Письма к потомкам" Петрарки, "Записок" Пия II, "Элегии" Саннадзаро и "О моей жизни" Кардано) в него входят самые разнообразные произведения западно- и восточно-европейских авторов, причём даже такие, сведения о которых можно обнаружить далеко не во всяком литературном справочнике. Это заставляет задуматься над тем, какое содержание вкладывает Дж. Ийсевиин в понятие "гуманизм", и вообще о чём написана его работа. Скорее всего, тут можно допустить расширительное толкование термина. Но в таком случае отчего в его списке не упоминается, например, "Жизнь" Челлини, самое известное автобиографическое сочинение Возрождения, и приводятся записки Христофора Колумба, которые из всех современных исследователей, кажется, только он один зачисляет в разряд автобиографий? Ответов ни на этот, ни на многие другие недоуменные вопросы в статье, увы, не найти.

Обойдённая вниманием датского учёного "Жизнь" Бенвенуто Челлини оказывается в центре рассуждений об "общих признаках" (conventions) ренессансной автобиографии Джона-тана Голдберга²⁸. Пафос его работы в значительной мере направлен на выявление моментов, отличающих ренессансную и шире - "раннюю автобиографию" от современной. Если авторы Нового времени, считает Голдберг, раскрывают собственный образ, обращаясь к своей внутренней жизни, ренессансные писатели осознают себя через некие "типологические модели". Другими словами, "в то время, как современная автобиография обнаруживает единое, индивидуальное и приватное "Я", ранняя автобиография представляет собой всеобщую, деперсонализированную и публичную версию "Я"²⁹. Что касается сочинения Челлини и ренессансных автобиографий вообще, авторы изображают в них себя, в целом следуя идее святости, заданной "Исповедью" Августина, когда собственная земная жизнь представляется человеку житием, а любое несчастье - испытанием, уготованным свыше³⁰. Интересно заметить, что некоторые выводы статьи Дж. Голдберга оказываются удивительно схожими с теми, к которым приходит, основываясь на почти совершенно ином материале,

---

²⁸ Goldberg J. Cellini's "Vita" and the conventions of the early autobiography // Modern Language Notes. 1974. N 89. P.71-83.

²⁹ Ibid. P.71.

³⁰ Ibid. P.75-76.

Дж.Ийсевиин. Особенно это относится к утверждению о том, что наиболее типичной для ренессансной эпохи была поэтическая автобиография. По Голдбергу это тоже "самая характерная форма изображения самого себя" - не случайно ведь Челлини в рассказе о наиболее критических периодах своей жизни обращается к поэзии³¹.

Ещё одна из имеющихся на эту тему работ, Томаса Циммерманна³², посвящена анализу ренессансной автобиографии и исповеди как генетически связанных явлений. Он исходит из в общем-то не новой идеи о том, что исповедь в средние века являлась главным способом осознания человеком самого себя. Мощный дополнительный импульс этому процессу был дан в начале XIII в. решением Латеранского собора, установившим её обязательность для каждого христианина не реже одного раза в году. В итоге к началу Возрождения исповедальная практика достигла высокого уровня развития, но параллельно во взаимодействии с ней возникли новые типы самосознания, вызванные обращением к античному наследию - литературе, философии, истории. В результате "старый институт исповеди был приспособлен для того, чтобы служить новым целям во всё более развивающемся гуманистическом контексте"³³. Автобиографические сочинения Петрарки, в особенности "Моя тайна", могут служить иллюстрацией "сплава" этих двух традиций самосознания в литературе раннего Возрождения - их автор использовал исповедальный тип интроспекции, модифицировав его и обогатив значениями, почерпнутыми из классической литературы. Адаптацию исповеди в античный культурный контекст продолжил своим "Счётом жизни" Джованни Конверсини да Равенна; оба же они в итоге синтезировали основу, из которой родилась современная автобиография.

Так вкратце выглядит попытка Т.Циммерманна сконструировать модель ренессансного жанра автобиографии как "метаморфозы средневековой исповедальной практики" - опыт, успех которого признаётся далеко не всеми. Один из наиболее авторитетных исследователей ренессансной автобиографии Марциано Гульельминетти, например, указывает на один не вполне ясный момент в построениях учёного. Что имеет в виду автор, иронически вопрошает он, говоря о "новых способах самосознания, открытых возрождением древности"?³⁴ Существовали ли они вообще?³⁵

---

³¹ Ibid. P.72.

³² Zimmermann T.C.P. Confessions and Autobiography in the Early Renaissance // Renaissance Studies in Honor of Hans Baron. Firenze, 1971.

³³ Ibid. P.127.

³⁴ Ibid. P.121, 127.

³⁵ Guglielminetti M. Memoria e scrittura: L'autobiografia da Dante a Cellini. Torino, 1977. P.XIV.

Книга самого М.Гульельминетти, пожалуй, - наиболее основательное и глубокое обобщающее исследование по автобиографии Возрождения. Впрочем, если быть точным, её предмет выглядит несколько иначе. Дело в том, что автор не видит в материале своего анализа какой-то особый историко-культурный тип произведений. Для него это просто ряд сочинений начального этапа развития итальянской литературы, в значительной степени продолжавших то, что уже имело место в латинском средневековье. Не являясь сторонником жёстких концепций и слишком категоричных суждений, учёный пытается лишь развить гипотезу о существовании автобиографической традиции, восходящей к "Исповеди" Августина. Традиции, которая долгое время была приглушена, пока с новой силой не заявила о себе у Петрарки и Челлини. "Исповедь", таким образом, стала "мостом между античностью и средневековьем, по которому должны были пройти те, кто вновь начал беседу с самим собой: сначала Ратерий, Абеляр, Гвиберт Ножанский, а затем Данте и Петрарка"³⁶.

Недавняя работа Кристофа Ваянда ""Семейные книги" и автобиографии в Италии от Треченто до Чинквеченто: Исследование эволюции сочинений о себе"³⁷ (показательно, что в ее названии тоже отсутствует понятие "Возрождение") в отличие от книги Гульельминетти не имеет претензий на то, чтобы воссоздать общую картину ранней итальянской автобиографии. Ваянд сосредотачивает внимание фактически на одной проблеме – развития автобиографизма и трансформации его функций. Он выстраивает три смысловых ряда, делая четкое различие между "семейными книгами" и собственно автобиографиями: первый – сочинения купцов и "деловых людей" XIV - XVI вв. (от Корсини и Дати до Гвиччардини и Альберини), второй – авторов Треченто (Петрарка, Карл IV), третий – писателей Чинквеченто (Челлини, Кардано, кардиналы Сантори и Беллармин). Цель такого построения материала состоит в том, чтобы показать, что между "scrittura domestica" и "scrittura autobiografica" существует очевидная преемственность: автобиографии являются прямым продолжением традиции написания "семейных книг"³⁸. При этом автор не сводит свою задачу, как большинство его предшественников, к историко-литературному аспекту проблемы. Его подход к ней можно обозначить скорее как социально-исторический, не игнорирующий и особо интересующий нас вопрос об особенностях индивидуального самосознания создателей автобиографических

---

³⁶ Ibid. P.XI-XII.

³⁷ См. прим.4.

³⁸ Ibid. P. 319-320.

сочинений XIV - XVI вв. О последнем, впрочем, говорится не слишком много нового по сравнению с уже известными общими суждениями Г.Миша и К.Вайнтрауба³⁹.

Подведём некоторые итоги сказанному. Прежде всего, нельзя не заметить, что некоторые современные исследователи предпочитают не говорить об автобиографии XIV-XVI вв. как о ренессансной, т.е. как об обусловленной определенными историко-культурными особенностями эпохи⁴⁰. Но даже те, которые все-таки это делают, т.е. признают прямую культурную детерминированность анализируемых ими текстов, часто говорят, в сущности, о разном. Одни — о "Жизни" Челлини как главном автобиографическом сочинении эпохи, другие, наоборот, склонны её игнорировать; для одних "ренессансная автобиография" - произведение поэтическое, для других - прозаическое. И причина тут заключается, похоже, не столько в различиях их подходов в концептуальном плане, сколько в отсутствии каких-либо концепций вовсе. Просто одни авторы в понимании смысловых границ исследуемого феномена исходят из сложившегося в историко-литературных штудиях крайне аморфного ряда "автобиографических" сочинений в целом (М.Гульельминетти, Дж. Ийсевийн), другие склонны выделить из него одно или два с их точки зрения наиболее "типичных" явления, даже не пытаясь при этом объяснить, в чем состоит природа их "типичности" (Дж. Голдберг, Т.Циммерманн). В итоге словосочетание "ренессансная автобиография" остается настолько размытым, что становится вполне понятным не только его игнорирование в названии работ Гульельминетти и Вянды, но и сомнения в его содержательности вообще.⁴¹ Наличие серьезных

---

³⁹Misch G. Op. cit.; Weintraub K.J. Autobiography and Historical Consciousness // Critical inquiry. 1975. Vol.1. No 4. P.821-848; Idem. The Value of the Individual: Self and Circumstance in Autobiography. Chicago; London, 1978.

⁴⁰ Такое положение вещей, совершенно очевидно, связано острыми дискуссиями о смысловом наполнении понятия "эпоха Возрождения", которые имели место в последние десятилетия в западной историографии. См. обсуждение этого вопроса ведущими американскими ренессансистами: The American Historical Review. 1998. No 1. P. 51-124.

⁴¹ В последние годы получил распространение взгляд на автобиографию как на явление, непосредственно связанное с новоевропейской идеей самоценности личности, стало быть, сравнительно недавнее. Только с конца XVIII века, считает известный французский теоретик автобиографии Ф.Лежен, она полноправно заявляет о себе, включаясь в систему жанров западноевропейских литератур (обычная точка отсчета здесь - "Исповедь" Ж.-Ж.Руссо). Сочинения, появившиеся до этого времени, следовательно, в строгом смысле слова автобиографиями не являются (Lejeune Ph. Le pacte autobiographique. Paris, 1975; Idem. Moi aussi. Paris, 1986). Против такого подхода, фактически игнорирующего многие известные произведения средних веков и Возрождения, правда, категорически возражает Ж.Гюсдорф. Здесь не может являться достаточным аргументом, говорит он, ни то, что рассказ о себе не был широко распространен в то время, ни то, что сам термин "автобиография" появился значительно позже. И иронично добавляет: "Руссо, Августин, Джироламо Кардано и многие другие не употребляли неологизм "автобиография", что нисколько не мешало им ее

теоретических и методологических проблем очевидно и при попытке разглядеть в ренессансных автобиографических сочинениях какие-то черты индивидуального самосознания их авторов. В какой мере они содержат следы действительного восприятия человеком самого себя? Как найти к нему ключ? И как отличить это действительное самовосприятие от выдумок, иллюзий, литературных условностей?

3. Общие задачи исследования

Разумеется, настоящая работа не ставит своей целью разрешить все многообразные проблемы, связанные с темой самосознания ренессансного индивида в автобиографических сочинениях - просто автор посчитал необходимым предварительно дать краткий отчет о некоторых из них. Задачи исследования вполне конкретны. Во-первых, - сосредоточить внимание на одной известной исторической фигуре и одном ярком автобиографическом сочинении, по каким-то причинам почти совершенно выпавшим из поля зрения отечественной историографии. Конкретный выбор фигуры обусловлен, однако, не столько этим обстоятельством, сколько необычайной выразительностью оставленного папой-гуманистом человеческого документа, вполне сравнимого со знаменитой "Жизнью" Челлини. Во-вторых, - на основании анализа текста этого документа, но привлекая также и другие биографические материалы, реконструировать некоторые стороны образа "Я" его автора и некоторые черты его индивидуально-личностного самосознания. При этом подразумевается, что само это самосознание в своей сущностной основе, будучи определено культурно-исторически, в той или иной мере характерно и для других ренессансных создателей автобиографий. Наконец, следует сказать и еще об одном ограничении - речь пойдет преимущественно о тех особенностях ренессансного самосознания, которые наиболее заметны нам, в первую очередь тех, которые отличают авторов XIV-XVI вв. от авторов Нового и Новейшего времени.

писать" (Gusdorf G. De l'autobiographie initiatique a l'autobiographie genre litteraire // Revue d'Histoire litteraire de la France. 1975. No 6. P.963).

ГЛАВА I. "ТИПИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК РАННЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ"

Имя гуманиста Энея Сильвия Пикколомини (1405-1464), ставшего в 1458 г. римским папой Пием II, уже давно привлекает внимание исследователей ренессансной культуры. Начиная с середины прошлого века оно обязательно присутствует, кажется, во всех без исключения обобщающих трудах по истории Возрождения, ему посвящается значительное число отдельных биографических работ - гораздо больше, чем кому-либо из ренессансных пап. Причины особого внимания к этой фигуре нетрудно угадать. Они кроются прежде всего в определении "папа-гуманист".

История изучения жизни и литературного наследия Пикколомини-Пия всегда была самым непосредственным образом связана с одной из концептуальных проблем Ренессанса -

проблемой соотношения в нем языческой и христианской культур⁴². Ученые обнаружили, что в этом человеке - известном ораторе, писателе и поэте и в то же время церковном деятеле, ставшем в конце концов "преемником святого Петра", - сошлись и каким-то образом соединились наследия двух цивилизаций. Но как именно? Вопрос этот вызывал и продолжает вызывать особый интерес, порой даже жаркие споры⁴³.

1. Пий II в биографических исследованиях

"Открытие" Энея Пикколомини произошло одновременно с "открытием" самого феномена Возрождения в середине прошлого века⁴⁴. Оно обычно связывается с именами трех его выдающихся историков: Г.Фойгта, Л.Пастора и в несколько меньшей степени Я.Буркхардта. Первому из них принадлежит монументальный трехтомный труд "Энео Сильвио Пикколомини - папа Пий Второй и его время"⁴⁵ и заслуга выявления и систематизации большинства биографических источников, включая многочисленные литературные произведения своего героя и его обширное эпистолярное наследие. Кроме того, Г.Фойгту удалось создать вполне законченный портрет папы-гуманиста, окрасить его в определенные тона. И хотя впоследствии этот портрет не раз подвергался серьезной и часто справедливой критике за излишнюю резкость, именно он явился отправной точкой для обстоятельного разговора о личности Энея Сильвия.

Строгой документированностью и широтой охвата материала отличается также история понтификата Пия, составленная Людвигом фон Пастором⁴⁶. Начав с событий, предшествующих избранию Энея папой, он затем подробно рассматривает всю его

---

⁴² См.: Ferguson W.K. The Renaissance in Historical Thought: Five Centuries of Interpretation. New York., 1948.

⁴³ Помимо сказанного, сугубый интерес к фигуре Пикколомини, очевидно, кроется и в том, что о его жизни (об этом постарался он сам) сохранились довольно подробные сведения, дающие возможность не только проследить шаг за шагом ее событийную сторону, но и подкрепить суждения о духовном мире этого человека богатым и разнообразным материалом личностного характера.

⁴⁴ Строго говоря, о Пикколомини-Пие достаточно писалось и раньше - первые биографии папы появились вскоре после его кончины. Автором одной из них был Бартоломео Платина, составитель не раз переиздававшихся в конце XV - начале XVI вв. жизнеописаний римских пап от Иисуса Христа до Сикста IV. Пий значится здесь под номером 217 (Platina B. De vitis pontificarum historia. Venezia, 1511. F.152v.-157v.). Другую создал Джанантонио Кампано, исполнявший при дворе Пия обязанности историографа (Campanus I. Vita Pii II Pontificis Maximi // Rerum Italicorum Scriptores. Milano, 1734. T.3, Pars 2. Col.969-992). В XVI-XVII вв. появились еще новые биографии Пикколомини, в основном в предисловиях к изданиям его сочинений, однако в силу некоторых своих особенностей, прежде всего, излишней риторичности и выраженного апологетического характера, в XIX в. они уже казались устаревшими.

⁴⁵ Voigt G. Enea Silvio dei Piccolomini als Papst Pius der Zweite und sein Zeitalter. Berlin, 1856-1863. Bd.1-3.

разностороннюю деятельность на посту Римского первосвященника: внешнеполитические акции, планы реформы церкви, борьбу с врагами папства внутри и за пределами Италии, причем делает это с явным стремлением воздержаться от личных симпатий и антипатий - и это выгодно отличает его работу от исследования Г.Фойгта, не сумевшего избежать слишком категоричных оценок. К числу достоинств исследования австрийского ученого, несомненно, относится и публикация им целого ряда ценных документов, связанных с римским периодом жизни Энея Пикколомини.

Что касается Я.Буркхардта, то он не оставил специальных работ о Пикколомини, однако фигура гуманиста, названного им "типичным человеком раннего Возрождения" (*Normalmensch der Fruhrenaissance*⁴⁷), цитаты из его сочинений все время то там, то здесь появляются на страницах "Культуры Италии в эпоху Возрождения"⁴⁸, служа одним из прочных оснований знаменитой концепции Ренессанса.

Ответы этих ученых на вопрос, как в душе их героя соотносились гуманистические и христианские ценности, хотя и исходили из некоторых общих представлений о сущности ренессансной культуры, не были одинаковыми. Все три автора соглашались с тем, что сущность эта состоит в возрождении наследия языческой древности, и соответственно спрашивали: были ли ее носители гуманисты язычниками или христианами? Г.Фойгт утверждал, что после Петрарки по-настоящему верующих христиан среди них не было, что их увлечение античностью заводило порой слишком далеко - многие становились "отъявленными язычниками", даже особенно не утруждая себя скрывать это⁴⁹. Биография же Энея-Пия давала ему предостаточно оснований для подобного рода обвинений. Л.Пастор считал, что в гуманизме следует различать два направления. Первое изучало древность в "истинно христианском духе" и по своим результатам было исключительно плодотворным. Второе, развивавшееся параллельно с ним, как бы аккумулировало все негативные стороны духовной жизни эпохи - его ученый признал "ложным Возрождением", по своей природе языческим. К нему-то и был причислен Эней Пикколомини. Наконец Я.Буркхардт увидел в своем "любимце" (*Liebling*)⁵⁰ предтечу Нового времени. Дитя своей эпохи, он был лишен глубокого религиозного чувства и, может быть, в душе был даже больше язычником, чем христианином.

---

⁴⁶ Pastor L. Geschichte der Papste seit dem Ausgang des Mittelalters. Freiburg, 1894. Bd.2.

⁴⁷ Burckhardt J. Die Cultur der Renaissance in Italien. Leipzig, 1885. Bd.2. S.21.

⁴⁸ Буркгард Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Спб., 1904-1906. Т.1-2.

⁴⁹ Фойгт Г. Возрождение классической древности или первый век гуманизма. М., 1884-1885. Т.1-2.

⁵⁰ Будучи убежден, что в этом человеке как мало в ком еще отразился дух ренессансной эпохи, Я.Буркхардт посвятил ему наиболее проникновенные страницы своей знаменитой книги. Кроме того, в

Эти первые суждения о личности папы-гуманиста в XX в. мало-помалу стали оспариваться учеными самых разных школ и направлений. Сначала о своей неудовлетворенности тем, что было сделано до него, и необходимости переосмысления собранных за десятилетия документов заявил В.Боултинг. "Я обнаружил, - писал он в предисловии к созданной им биографии Пикколомини, - что старательный Фойгт пристрастен и резок; Григоровий показался мне грубоватым; я не был абсолютно уверен в том, что Вайс и Пастор, и даже одаренный и вызывающий симпатию Крайтон, не были, хотя бы немного, сбиты с пути предубеждениями. Поэтому я имел смелость взяться за дело сам"⁵¹.

Английскому историку, однако, не удалось в полной мере выполнить свою задачу и создать новый, более убедительный по сравнению с уже существовавшими, образ Энея-Пия. Нарисованный им портрет не отличался ни оригинальностью, ни глубиной - в нем слишком много внимания оказалось уделено "историческому фону" и слишком мало внутреннему миру героя.

Более успешную попытку оживить фигуру ренессансного папы через несколько лет предприняла Сесилия Эди⁵². Исходя в целом из идей Я.Буркхардта, она нарисовала выразительный образ поэта и гуманиста, поклонника Вергилия и Цицерона, который не изменил своим взглядам и пристрастиям, взойдя на папский престол. Одно из бесспорных доказательств этого, по ее мнению, - принятие им имени "Пий", свидетельствующее о его преклонении перед образом вергилиевого "благочестивого Энея" (*pius Aeneas*)⁵³.

Утвердившиеся в последние десятилетия представления об итальянском Возрождении как о явлении куда более сложном и противоречивом, чем оно казалось историкам XIX-начала XX вв., новое понимание его религиозности, соотношения в нем античного и христианского начал⁵⁴ самым непосредственным образом отразились на изучении жизни Пикколомини-Пия.

одном из своих частных писем ученый признался, что испытывает к нему особую симпатию (см. об этом: Ceserani R. Pio II. Roma; Milano, 1966. P.140).

⁵¹ Boulting W. Aeneas Silvius (Enea Silvio de'Piccolomini - Pius II): Orator, Man of Letters, Statesman and Pope. London, 1908, P.V. Боултинг здесь имеет в виду следующие работы (кроме названных выше трудов Г.Фойгта и Л.Пастора): Gregorovius F. Le Tombe dei Papi. Roma, 1871; Weiss A. Aeneas Silvius als Papst Pius II. Sein Leben und Einfluss auf die literarische Kultur Deutschlands. Graz, 1897 и Creighton M. History of the Papacy During the Period of the Reformation. London, 1882. V.1-2.

⁵² Ady C.M. Pius II (Aeneas Silvius Piccolomini) the Humanist Pope. London, 1913.

⁵³ Ibid. P.151. Заметим, что С.Эди повторяет здесь точку зрения, некогда высказанную Г.Фойгтом (Voigt G. Op.cit. Bd.3. S.11), который, в свою очередь, опирался на еще более раннее суждение (см.: Piccolomini A.S. Opera inedita / A cura di G.Cugnoni. Roma, 1883. P.345).

⁵⁴ См.: Toffanin G. La religione degli umanisti. Bologna, 1950; Cantimori D. Umanesimo e religione nel Rinascimento. Torino, 1975; Hay D. The Church in Italy in the Fifteenth. Century. L., 1977; Kristeller P.O. Renaissance Thought and its Sources. N.Y., 1979; Il Rinascimento: Interpretazioni e problemi. Bari, 1979;

Примером сказанному могут послужить два исследования Берты Видмер, вышедшие в начале 60-х гг.⁵⁵ Первое представляет собой антологию избранных сочинений Энея Пикколомини, которую предваряет обстоятельное биографическое вступление; второе - смелую попытку автора реконструировать духовный мир своего героя, выявить его религиозно-нравственные принципы и соотнести их с его поступками. Остановимся на этом втором исследовании особо⁵⁶.

Формально работа Видмер охватывает период жизни Пикколомини, начиная с его участия в работе Базельского собора и до принятия им духовного сана, но в действительности, поскольку речь в ней идет о важнейших характеристиках его личности, ее содержание далеко выходит за очерченные хронологические рамки. В первой части исследования, посвященной анализу гуманистического мировоззрения Энея Сильвия, автор вновь обращается к старому вопросу о его типичности - в чем эта типичность состоит? Если под оригинальностью понимать богатство новыми идеями, то употреблять этот термин по отношению к Пикколомини, считает Видмер, следует с большой осторожностью. Но если иметь в виду выразительность, одухотворенность и цельность литературного творчества, то тогда есть все основания считать его исключительным, несмотря на то, что с содержательной стороны гуманизму Энея присущи многие типические черты.

Вторая часть работы рассматривает религиозно-нравственный облик Энея, уделяя значительное место опровержению целого ряда суждений Г.Фойгта. Главный недостаток его основополагающего труда, считает автор, состоит в нехватке чувства историзма - нельзя рассматривать действительность XV в. глазами строгого лютеранина XIX в. и тем более судить ее по своим законам. Религиозность гуманиста Энея имела особый ренессансный характер. Бог понимался здесь как высшая сила, вершащая судьбы людей, как источник искупления и отпущения грехов, а вера в значительной мере подчинялась личным и политическим интересам. Причем эта религиозность, как и вообще моральные установки Энея, испытывала сильнейшее влияние стоицизма.

В заключительной части книги анализируется крутой поворот в политической деятельности Пикколомини: от горячей поддержки на Базельском соборе "антипапы" Феликса

D'Amico J. Renaissance Humanism in Papal Rome: Humanists and Chirchmen on the Eve of the Reformation. Baltimore; London, 1983.

⁵⁵ Widmer B. Enea Silvio Piccolomini Papst Pius II. Biographie und ausgewahlte Texte aus seine Schriften. Basel; Stuttgart, 1960; eadem, Enea Silvio Piccolomini in der Sittlichen und politischen Entscheidung. Basel; Stuttgart, 1963.

V до признания законным наследником Римского престола Евгения IV, столь же горячего раскаяния и полного перехода на позиции своих бывших противников. По мнению автора, этот поворот не был чисто политическим шагом, так хорошо знакомой ренессансной "беспринципностью", но явился результатом глубокого переосмысления Энеем представлений о сущности политической власти, эволюции от признания преимуществ демократии до превознесения монархии как единственной формы правления, способной обеспечить мир, покой и свободу.

Почти одновременно с работой Б.Видмер, по праву претендующей на особое положение в обширной литературе о папе-гуманисте в силу своей глубины и строгой научности, в Англии вышло популярное исследование ученицы С.Эди Розамонд Митчелл "Лавры и тиара. Папа Пий II"⁵⁷. Как следует из предисловия, эта биография тоже имеет своей целью открыть перед читателем внутренний мир папы-гуманиста. Главный ее замысел, по словам автора, - "представить Энея Сильвия как личность, вместо того, чтобы надоедливо толковать о политических событиях, уже исчерпывающе описанных Фойгтом, Вайсом и Пастором"⁵⁸. По Митчелл, ее герой - цельная жизнелюбивая натура и в нем нельзя отделить, как это раньше делал Фойгт и некоторые другие ученые, Пикколомини-гуманиста от Пикколомини-папы. Он, несомненно, был религиозен, но религиозен по ренессансному, и поэтому "канонизация радостей земной жизни" в его сочинениях вовсе не противоречит его вере. Больше того, он был, вне всякого сомнения, "великим церковным деятелем и истинным христианином"⁵⁹.

Энергичный стиль изложения и образность языка во многом определили популярность книги Р.Митчелл⁶⁰, с лихвой перекрыв ее недостатки: некоторую легковесность и, по-видимому, недопустимые даже в популярной работе неточности⁶¹. Что касается самой фигуры Пикколомини, то она, может быть, и предстала в ней в сравнении с другими биографиями более живой, но никак не более глубокой.

Гораздо успешней удалось соединить тщательный анализ разнообразных биографических документов с выразительной манерой изложения Джоаккино Папарелли, работа которого выдержала в Италии два издания, причем второе - спустя почти тридцать

---

⁵⁶ Эта работа осталась мне недоступной. Ее содержание передается по подробной рецензии Р.Чезерани: Ceserani R. Rassegna bibliografica // *Giornale storico della letteratura italiana*. Torino, 1965. P.268-271.

⁵⁷ Mitchell R.J. *The Luarels and the Tiara. Pope Pius II*. London, 1962.

⁵⁸ Ibid. P.7.

⁵⁹ Ibid. P.7.

⁶⁰ Книга переведена на итальянский: Mitchell R.J. *Il lauro e la tiara. Vita di Pio II*. Napoli, 1967.

лет⁶². Проследивая события жизни своего героя, автор все время пытается взглянуть на них его глазами, и лучшими страницами книги оказываются именно те, которые содержат этот "взгляд изнутри". "Поэт! - Описывает он душевное состояние Энея, только что награжденного лавровым веком. - Человеком, на которого все гуманисты смотрели как на образец доблести и символ их устремлений, был Франческо Петрарка. Кроме того, Пикколомини имел свежий пример своего старого университетского товарища Антонио Беккаделли, увенчанного императором Сигизмундом. Как воспрепятствовать чарам такого славного обычая? Но наш герой не был лишь на мгновение опьянен. С этого дня и до того времени, когда, приняв церковный сан, он попрощался (в определенном смысле) с мирскими почестями, никакой иной титул не был ему мил: Eneas Silvius Poeta - так обычно выглядела его подпись"⁶³.

Папарелли не обходит "вечных вопросов" биографии Пикколомини, как это делают некоторые другие авторы, например, вопрос о том, что имел в виду папа, заявив в своей "Булле отречений": "Отвергните Энея, примите Пия", или с какой целью он написал знаменитое послание к Мехмеду II⁶⁴. В каждом случае ученый дает на них свои собственные ответы - иногда более убедительные, иногда менее, но всегда исходящие не из абстрактных, заранее заданных представлений, а из осмысления имеющегося в его распоряжении конкретного материала. Кроме этого, среди достоинств книги Папарелли есть еще, по крайней мере, два весьма важных: непредвзятость по отношению к объекту исследования и острое чувство историзма - те самые, которых обычно больше всего недостает в работах официальных церковных биографов папы.

Наиболее значительная из такого рода работ - монография римского профессора церковной истории Л.Вейта, посвященная изучению отношения к религии и шире - образа мыслей Энея Пикколомини до принятия им сана епископа⁶⁵. В предисловии она представляется как "тщательное историческое и психологическое исследование личности и той обстановки, в которой она развивалась"⁶⁶. И, действительно, книга обращает на себя внимание аналитическим подходом, стремлением "расставить по своим местам" различные движения души ее героя, в особенности те, которые обращены к Богу. С содержательной стороны главный ее пафос направлен против обвинений в религиозном индифферентизме, со

---

⁶¹ См. о них: Ceserani R. Rassegna bibliografica. P.266-267.

⁶² Paparelli G. Enea Silvio Piccolomini Papst Pius II. Bari, 1950 (2-ed. - Ravenna, 1978).

⁶³ Paparelli G. Op.cit. 1950. P.85.

⁶⁴ Ibid. P.152, 323 et al.

⁶⁵ Veit L.M. Pensiero e vita religiosa di E.S.Piccolomini prima della sua consacrazione episcopale / Pref. di S.G.Villoslada. Roma, 1964. Работа, очевидно, была приурочена к 500-летию со дня смерти папы.

времен Г.Фойгта постоянно звучащих в адрес Пикколомини. Вопреки всем им автор, привлекая разнообразный исторический материал, конструирует образ, максимально приближенный к идеалу "истинного христианина". "Эней Сильвий Пикколомини, - заключает он, - имел душу чувствительную и набожную, ассимилировавшую христианское воспитание, полученное в детстве и юности. Наделенный ясной верой, он всегда видел в ней высшую цель человеческого существования". В отношении же дел и писаний Энея, не вполне подобающих христианину, автор замечает, что причина их - "особые обстоятельства", в которых он оказался. К тому же, без совершенных в молодости "моральных уступок" были бы невозможны его искреннее раскаяние и последующая "жизнь в согласии со своей верой"⁶⁷.

Характеризуя духовные устремления Энея Пикколомини, ученый говорит, что тот искренне стремился гармонизировать в своем гуманизме веру и общечеловеческую культуру, но не достиг синтеза ни в теоретической, ни в практической области⁶⁸. В итоге этих поисков присущее будущему папе глубокое религиозное чувство произвело в его душе трансформацию религиозно-нравственных принципов и привело их в соответствие с нормами традиционного христианского вероучения⁶⁹.

Вполне понятно, что позиция Л.Вейта, представляющего Энея Сильвия воплощением вечных христианских идеалов, не встречает поддержки у большинства современных историков Возрождения. Даже Дж.Тоффанин, назвавший его "борцом за веру" (*un atleta della fede*), признает, что религиозность Пия, как и религиозность гуманистов Кватроченто вообще, имела вполне определенные исторические особенности⁷⁰.

Личность папы-гуманиста не мог обойти вниманием и один из крупнейших современных исследователей итальянского Возрождения Эуженио Гарэн, посвятивший Пикколомини одну из своих самых ярких биографических работ⁷¹. Эта сравнительно небольшая статья - одухотворенный портрет, уверенно начертанный рукою мастера. Эпоха, герой, его литературные, политические, религиозные интересы, все итальянское общество, в

---

⁶⁶ Ibid. P.VI.

⁶⁷ Ibid. P.213.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ В работе Л.Вейта мы, по-видимому, сталкиваемся с той хорошо знакомой ситуацией, когда автор, принимаясь за исследование, заранее прекрасно знает, какой результат ему надлежит получить. Это подтверждает, в частности, заметная тенденция в подборе источников. Например, один из важнейших, "Записки о достопамятных деяниях", цитируются автором по сильно урезанному изданию 1614 г., т.н. *edizione castrata*, хотя историку, судя по приведенной в книге библиографии, хорошо известно о возможности использовать их полный текст.

⁷⁰ Toffanin G. Introduzione // Pio II (Enea Silvio Piccolomini). Lettera a Maometto II (Epistola ad mahumetem). Napoli, 1953. P.LV.

том числе и папство, окрашены здесь неповторимыми ренессансными тонами. Пикколомини, считает Гарэн, всегда был убежден в том, что "новая культура, возникшая из изучения древних, имеет главное значение в политической жизни"⁷². И не только политической. Ученый охотно разделяет мнение о том, что, принимая имя "Пий", новоизбранный папа не столько отдает дань уважения одному из своих предшественников на Римском престоле, сколько помнит о Вергилии и его Энее. И отмечает, что, став во главе церкви, он вовсе не перестает быть гуманистом, наоборот, продолжает свою прежнюю деятельность писателя и оратора.

Большое внимание уделяет Э.Гарэн анализу литературного творчества Энея-Пия, указывая на особое место в нем эпистолярного жанра как "выразительного средства, наиболее соответствовавшего новой манере жить и чувствовать"⁷³. "Образованнейший" Пикколомини обильно насыщает свои письма цитатами из древних писателей и скрытыми намеками на современных, превращая тем самым их в изысканную ученую прозу; создает несколько сочинений, принесших ему известность, среди которых особое место занимают географические труды - "Он родился "географом" в самом широком смысле этого слова"⁷⁴.

Заключительные страницы очерка рассказывают о "деле жизни" Пия: его борьбе за сохранение единства христианского мира и организации антитурецкого крестового похода, который трагически оборвался в самом начале из-за кончины его главного инициатора. "... И гуманист Энео Сильвио, - ставит точку Э.Гарэн, - который перед угрозой краха Европы вышел на поле сражения один на один с неверными, становится теперь уже поэтическим образом, более близким Ариосто, чем торжественным ритмам "Песни о Роланде"⁷⁵.

2. Вехи жизненного пути

При всех существующих различиях в оценке личности Энея Пикколомини, трактовки отдельных эпизодов его биографии, то, что можно назвать фактической канвой жизни этого человека, на сегодня известно достаточно подробно и не вызывает принципиальных споров⁷⁶.

---

⁷¹ Впервые опубликована: Garin E. Ritratto di E.S.Piccolomini // *Bulletino Senese di Storia Patria*, 1958. N 18. S.III. Далее цит. по: Garin E. *Ritratti di umanisti*. Firenze, 1967.

⁷² Ibid. P.10.

⁷³ Ibid. P.15.

⁷⁴ Ibid. P.19.

⁷⁵ Ibid. P.35.

⁷⁶ При составлении настоящего обзора помимо указанных выше работ использована также хронологическая таблица в изд.: Pio P. I "Commentarii" / A cura di G.Bernetti. Siena, 1972-1976. V.1-5. Важнейшие события биографии папы красочно изображены Пинтуриккьо в серии фресок съенской

Энео Сильвио Пикколомини (по латыни его имя звучит как Эней Сильвий), будущий гуманист и папа, родился 18 октября 1405 г.⁷⁷ в местечке Корсиньяно в семье знатного, но небогатого сиенского изгнанника Сильвио Пикколомини и Виктории Фортегвери. Детство провел в бедности в доме отца, помогая ему вести хозяйство, и лишь в 19 лет, перебравшись к родне в Сиену, принялся серьезно учиться. В здешнем университете он посещает лекции разных преподавателей, выбирая предмет по душе, - "... стал слушать грамматиков, - расскажет он позднее, - потом жадно внимал поэтам и ораторам и, наконец, посвятил себя изучению гражданского права" (1,2)⁷⁸. Тогда же в нем открывается поэтический талант и из-под пера юного Энея выходят первые литературные творения, одно из которых, "К Кинфии", он адресует своей возлюбленной Анджеле Акеризи.

Потом он продолжает ученые занятия во Флоренции, совершает путешествия в Болонью, Феррару, Падую, Милан и вновь возвращается в Сиену. Эней постепенно входит в круг известных гуманистов. Среди его учителей значатся Андреа Боля, Грегорио да Сполето, Мариано Соццини и, по-видимому, Франческо Филельфо; среди друзей - Панормита, Поджо, Бруни, Ауриспа. Он погружается в чтение древних, особенно Цицерона, Вергилия и Тита Ливия, ставших с тех пор любимыми авторами Энея. Имеются также свидетельства, что в это же время на него сильное воздействие оказывают страстные проповеди Бернардино да Сиена.

В 1431 году Пикколомини поступает в должность секретаря кардинала Доменико Караника и отправляется вместе с ним в Базель, где в это время начинается свою работу раскольнический церковный собор. Здесь он меняет нескольких покровителей и, наконец, оказывается на службе у Никколо Альбергати, кардинала Санта Кроче. Ему приходится много путешествовать с различными дипломатическими миссиями по Германии, Италии, Франции, по Британским островам. Вернувшись в Базель, Эней, благодаря своим литературным и ораторским способностям, вскоре становится одной из заметных фигур на Соборе. Он получает известность как энергичный защитник его решений, автор инвектив против Евгения IV, претендовавшего на то, чтобы единолично вершить церковные дела.

Заслуги Пикколомини отмечаются пожалованием ему почетных должностей. Сначала он становится секретарем и аббревиатором Собора, потом входит в число восьми представителей от Италии при выборах "антипапы" и еще некоторое время спустя назначается

Библиотеки Пикколомини - см.: Kitchin G.W. The Life of Pope Pius as illustrated by Pinturicchio's frescoes in the Piccolomini library at Siena. S.L., 1881.

⁷⁷ О дате рождения Пия см. особо в гл.4.

⁷⁸ Здесь и далее цитаты из "Записок о достопамятных деяниях" даются по ватиканскому изданию: Pius II. Commentarii rerum memorabilium quae temporibus suis contingerunt / Ed. ab A. van Heck. Vaticano, 1984. V.1-2. Римская цифра указывает номер книги, арабская - главы.

личным доверенным секретарем Феликса V. На службе у Феликса (1439-1442) он привлекает к себе внимание европейских государей и, дождавшись приглашения от одного из них, императора Фридриха III, надолго уезжает в Германию, где его знания и литературные таланты встречают горячий отклик (историки часто называют его "апостолом гуманизма" в Германии)⁷⁹. Здесь же 27 июля 1442 г. из рук императора он получает высшие поэтические награды - лавровый венок и диплом с перечнем его заслуг. В дипломе Фридрих помимо прочего благодарил Господа за то, что "его времена не лишены умов, равных умам древних", называл Энея "преданным слугой Священной Империи" и восхвалял его "глубокую культуру", "благородство характера" и "исключительнейшие природные дарования"⁸⁰. За долгие годы придворной жизни Эней, однако, не только одерживает победы, но и сталкивается с необходимостью искать средства к существованию, с враждебным отношением к себе лиц, облеченных властью, с интригами соперников. Такая жизнь, впрочем, не кажется ему особенно тягостной: его обязанности оставляют достаточно времени и для литературных занятий и для любовных приключений⁸¹.

В Германии на императорской службе у Энея складываются близкие отношения с одним из первых лиц государства - канцлером Гаспаром Шликом, неожиданная смерть которого явилась для него тяжелой утратой. Здесь же происходят важные перемены в его отношении к Риму: прежняя непримиримость сменяется сначала нейтралитетом, а потом и своей противоположностью - он приходит к осуждению решений Собора и поддержке Евгения IV.

В 1445 г., выполняя поручение Фридриха, Эней отправляется в Рим с посреднической миссией, цель которой состояла в примирении враждующих сторон и прекращении схизмы. К удивлению многих, покаянная речь, с которой он предстает перед папой, принимается им чрезвычайно благосклонно: посланник императора получает не только прощение, но и через некоторое время должность апостолического секретаря. Теперь перед ним открывался новый путь церковной карьеры, по которому он со свойственной ему решимостью и двинулся: в 1446 г. получил должность субдьякона, 4 марта 1447 г. принял таинства, а уже 19 апреля этого же года был рукоположен в сан епископа. Одновременно он продолжал находиться на службе у

---

⁷⁹ См.: Paparelli G. Op.cit. 1950. P.150.

⁸⁰ Ibid. P.84.

⁸¹ О перипетиях придворной жизни Энея см. в сборнике его писем: Piccolomini E.S. Der Briefwechsel / Ed. R.Wolkan // Fontes Rerum Austriacarum, II. Viena, 1909-1918. Bd.61,62,67,68. (далее: Wolkan...).

императора, добившись и здесь блестящих успехов: в 1453 году Энею были пожалованы многие почетные бенефиции и титулы.

В качестве то императорского, то папского посла он продолжает много путешествовать по Европе: увещевает германских князей во Франкфурте на Рейне подчиниться власти Рима, встречается с Франческо Сфорца, только что захватившим Милан, подготавливает все необходимое для бракосочетания Фридриха с Элеонорой Португальской: ведет переговоры в Неаполе, затем сопровождает невесту в ее путешествии по Италии и, наконец, участвует в торжественной церемонии в Риме, ассистируя Николаю V. Потом отправляется в Богемию для заключения договора о перемирии с гуситами, в Рим, где произносит в присутствии папы свою первую речь о необходимости крестового похода против турок, возвращается в Австрию, снова едет в Рим для того, чтобы предстать перед новоизбранным Калликстом III, и снова возвращается в Вену, откуда навсегда уезжает лишь получив известие о своем избрании в члены священной коллегии в декабре 1456 г. Меньше чем через два года кардинал сиенский Эней становится папой Пием II.

Его понтификат (1458-1464) отмечен важными начинаниями, принесшими ему известность одного из самых активных ренессансных пап-реформаторов XV в.⁸² Программа деятельности Пия включала достижение союза между всеми европейскими государями, организацию крестового похода против турок ради спасения христианского мира от нависшей над ним угрозы, проведение ряда внутрицерковных реформ, в своей доктринальной части подготовленных другом и соратником папы кардиналом Николаем Кузанским⁸³. Пий признавал бедственное положение современной ему церкви, погрязшей в грехе алчности, и предписывал ряд мер против финансовых злоупотреблений и симонии, он определил обязательные требования к форме папских булл, каллиграфии документов курии, нормы оплаты ее служащих. Главные реформационные планы папы, однако, не были реализованы. Подготовленная им летом 1464 г. большая булла, их формулирующая, *Pastor aeternus*, так и осталась неопубликованной⁸⁴.

Первым большим делом Пия на посту главы Римской церкви стала подготовка съезда христианских князей в Мантуе (1459г.) для обсуждения планов предстоящего крестового похода. На нем замысел папы не находит достаточной поддержки, но это несколько не

---

⁸² Hay D. Op.cit. P.86.

⁸³ Об отношениях Энея Пикколомини и Кузанца см. диссертацию: Gabel D. Nicolaus von Kues und Enea Silvio Piccolomini. Bilder der aussereuropaischen Welt als spiegelung europaischer Sozialverhaltnisse im 15.Jahrhundert. Hamburg, 1977.

⁸⁴ Hay D. Op.cit. P.86.

останавливает его и в последующие годы он упорно продолжает призывать глав христианских государств к войне с турками. Активно включившись в запутанные дела итальянской политики, он воюет за возвращение церковных земель, отторгнутых у Рима тираном Римини Сиджизмондо Малатестой, участвует на стороне Фердинанда I в борьбе за неаполитанскую корону. В Европе главным его противником оказывается Франция, имевшая особые интересы в Неаполе и Милане; Германия в лице его бывшего патрона Фридриха III, наоборот, - главным союзником.

Понтификат Пия отмечен также канонизацией Катерины Сиенской (1461 г.), двумя назначениями кардиналов (1461 и 1462 гг.), величественными постройками в родном городке Корсиньяно и переименованием его в свою честь в Пиенцу (1462 г.)⁸⁵, перенесением мощей св. Андрея в Рим (1463 г.), страстными призывами к единению христиан в борьбе с турецкой опасностью.

Летом 1464 года тяжело больной Пий, так и не получив необходимой поддержки от христианских государей, все-таки отправляется в поход и 18 июля прибывает в Анкону, где крестоносцев ожидали корабли, готовые отправиться к берегам Греции. Здоровье папы, однако, резко ухудшается и здесь же в Анконе в ночь с 14-го на 15-е августа его настигает смерть⁸⁶.

3. Литературные труды

Оставленное Пикколомини литературное наследство чрезвычайно обширно и разнообразно по содержанию - от юношеских эротических стихов и фривольных эпиграмм до папских булл⁸⁷. По единодушному мнению исследователей, оно обнаруживает многие характерные черты мировоззрения эпохи, ее литературного стиля (такие, например, как великолепное знакомство с сочинениями древних авторов, искусное владение языком Цицерона, предпочтение традиционных гуманистических жанров, излюбленных гуманистами

---

⁸⁵ См. об этом: Carli E. Pienza: La città di Pio II. Roma, 1967. 2-ed.; Mack Ch.R. Pienza: The Creation of a Renaissance City. London, 1987.

⁸⁶ См.: Инфессура С., Бурдах И. Дневники, документы по истории папства XV-XVI вв. М., 1939. С.54. Это событие, по свидетельству С.Инфессуры, сопровождалось страшной бурей и "сильнейшим ветром, каковых не было еще до того видано" (Там же. С.54-55).

⁸⁷ Литературное творчество Пикколомини, как правило, подробно анализируется в его биографиях. Из множества специальных работ особо отметим сборник Джузеппе Бернетти (Bernetti G. Saggi e studi sugli scritti di Enea Silvio Piccolomini, papa Pio II. Firenze, 1971 и три более ранних исследования: Christophe J.B. Pie II ecrivain. Lyon, 1865; Bargellini M. Della vita e degli scritti di Enea Silvio Piccolomini. Siena, 1970; Kalen G. Aeneas Silvio Piccolomini als Publizist in der "Epistola de ortu et autoritate imperii romani". Koln, 1939.

тем и сюжетов) и потому вполне может быть признано типичным⁸⁸. В этом отношении уже первые не лишённые грации, но ещё отмеченные печатью ученичества, поэтические опыты Энея: упоминавшийся выше сборник "К Кинфии", подражания Проперцию и не дошедшая до нас лирическая песнь "Нимфилексис", посвященная его другу медику Бенци Социно, оказываются весьма характерными⁸⁹. Но особенно - принесшие ему европейскую известность новелла "О двух влюбленных" (1444 г.)⁹⁰ и написанная в этом же году комедия "Хрисис"⁹¹.

История двух влюбленных предстает в виде переписки знатного рыцаря Эвриала и простой горожанки Лукреции. Нетрудно заметить ее сюжетное сходство с романом о Тристане и Изольде, хотя автор и заверяет читателя, что описывает действительные события, передавая рассказ, услышанный от своего друга, имперского канцлера Гаспара Шлика. Наполненная мифологическими аллегориями и заметно тронутая настроениями меланхолии новелла после перевода ее на немецкий становится одной из самых читаемых книг в Германии⁹².

Весьма отличной от нее оказывается далекая от изысканности (по оценке А.Гаспари - "в грубом вкусе римлян"⁹³) комедия "Хрисис" - произведение весьма и весьма фривольное, заставляющее вспомнить о дружбе Энея с Панормитой, автором наиболее скабрёзных сочинений Кватроченто⁹⁴. Исследователи отмечают автобиографичность некоторых ее эпизодов⁹⁵ и вообще говорят в этой связи об автобиографизме как одном из свойств Пикколомини-писателя⁹⁶.

В Базеле из-под пера Энея выходит немало речей в поддержку решений Собора, также снискавших ему известность, но иного рода - как убежденного сторонника схизматиков; и кроме того послания, записки, диалоги, в одном из которых он выводит фигуру Николая Кузанского. Собор в это время видится ему "мировым сенатом", избранный на нем папой

---

⁸⁸ Bernetti G. Op. cit. P.16-30.

⁸⁹ О поэтическом наследии Пикколомини см: Avesani R. Poesie latine edite e inedite di Enea Silvio Piccolomini // Miscellanea Augusto Campana I. Padova, 1981. P.1-26.

⁹⁰ Piccolomini E.S. Storia di due amanti e rimedio d'amore. Torino, 1973. Сочинение это известно также под названием "Эвриал и Лукреция" (Eurialus et Lucretia).

⁹¹ Piccolomini E.S. Chrysis / Intr. e testo critico di E.Cecchini. Firenze, 1968. О ней см.: Bernetti G. Op.cit. P.129-152.

⁹² Немилов А.Н. Немецкие гуманисты XV века. Л., 1979. С.91.

⁹³ Гаспари А. История итальянской литературы. М., 1897. Т.2. С.99.

⁹⁴ Garin E. Op.cit. P.14.

⁹⁵ Bernetti G. Op.cit. P.131.

⁹⁶ Garin E. Op.cit. P.14-16.

Амедей Савойский - законным наместником Христовым, а сидящий в Риме Евгений IV - узурпатором, согнувшим церковь "как ветер тростник"⁹⁷.

Признание завоевывают также его историко-географические сочинения, особенно в Германии, где местным гуманистам они долгое время служат образцом для подражания⁹⁸. Есть сведения, что одно из них, *Historia rerum ubique gestarum locorumque descriptio*⁹⁹, внимательно изучал Христофор Колумб¹⁰⁰. Написанные в манере Плиния и Страбона, авторов, особенно любимых гуманистами, они тем не менее несут в себе явные черты своей эпохи. Рассказы об исторических событиях, описания местностей, обычаев и нравов их жителей, сопровождаемые живыми наблюдениями очевидца, придают повествованию особый колорит, создают некое новое единство, отмеченное жаждой знаний и действия¹⁰¹.

В большинстве подобных сочинений рассказывается о странах, входящих в состав Германской империи, народах их населяющих, и их повелителе Фридрихе III. Таковы "История богемцев"¹⁰², "О местоположении, обычаях, нравах и природе Германии", "История Австрии", верноподданническая история деяний императора Фридриха III¹⁰³. Однако в момент важного для себя политического выбора Пикколомини обращается к великому прошлому своей родной Италии и именно здесь, в Древнем Риме, ищет нужные ответы¹⁰⁴. Потом, много позже, вновь возвращается к ее истории - став папой, несмотря на свою занятость делами церкви, он все же находит время для ученых занятий и перерабатывает знаменитый труд Флавио Бьондо¹⁰⁵.

---

⁹⁷ Ibid. P.17,18,22. Открытая антиримская направленность этих сочинений в XVI в. и позднее превратила их в оружие протестантов. Э.Гарэн указывает, что два базельских сочинения Пикколомини - *De gestis Basiliensis Concilii* и *De rebus Basileae gestis stante vel dissoluto Concilio* - были включены в протестантский сборник: *Fasciculus rerum expetendarum et fugiendarum*. Coloniae, 1535 (переизд.: Londini, 1690.) Наиболее полное собрание его антипапских сочинений, однако, вышло позднее: Piccolomini E.S. *Dicta et scripta pro concilio Basileensi contra Eugenium IV* / Ed. C.Fea. Roma, 1823. См. также новое издание самого обстоятельного из базельских сочинений Энея: Piccolomini E.S. *De gestis Concilii Basiliensis Commentariorum libri II* / Ed. D.Hay and W.K.Smith. Oxford, 1967.

⁹⁸ Немилов А.Н. Указ. соч. С.90.

⁹⁹ Сочинение это было задумано как грандиозный всемирный историко-географический обзор. Автор работал над ним несколько лет, но успел завершить лишь отдельные его части, которые позднее были опубликованы под разными названиями.

¹⁰⁰ Bernetti G. Op.cit. P.21. Его наиболее значительные исторические и географические сочинения вошли в сборник: Piccolomini E.S. *Opera geographica et historica*. Helmstadii, 1700. См. также: Piccolomini E.S. (Pius II). *Opera omnia*. Basileae, 1571.

¹⁰¹ См.: Garin E. Op.cit. P.19, 20.

¹⁰² Piccolomini E.S. (Pius II). *De Bohemorum et his imperatorum aliquot origine ac gestis historia*. Basileae, 1575.

¹⁰³ Idem. *Historia rerum Frederici III Imperatoris* / Ed. A.F.Kollar. V.1-2. Vindobonae, 1762.

¹⁰⁴ Idem. *De ortu et auctoritate Romani Imperii* // Wolkan. Bd.67. P.6-24.

¹⁰⁵ Pius II. *Decadum Blondi Epitome*. Basileae, 1533.

Ему принадлежит также одухотворенная пафосом новой учености галерея достославных мужей¹⁰⁶ и небезызвестный трактат "О воспитании детей"¹⁰⁷ в виде послания венгерскому королю Владиславу, утверждающий принципы гуманистической педагогики и гуманистического мировоззрения в целом. "Словесность, - провозглашает в нем Эней, - есть наш вожатый, он открывает истинное значение прошлого, верное знание настоящего и здоровое предсказание будущего. Если где словесность приходит в упадок, там землю покрывает мрак, и будущий государь, который не может читать уроки истории, может стать беззащитной жертвой лести и интриг"¹⁰⁸. Папа Пий II издает разнообразные церковные эдикты, написанные великолепной гуманистической латынью и словно доказывающие этим право *litterae* безраздельно господствовать в Римской курии. Среди них - "Буллу отречений" (*Bulla Retractationum*), в которой он публично отказывается от своих прежних легкомысленных писаний и базельских заблуждений и призывает "отвергнуть Энея, принять Пия"¹⁰⁹, а также буллу "О нравах курии" (*De moribus curialium*), строго осуждающую увлеченность его окружения земными благами. Он пишет множество речей, принесших ему славу первого оратора своего времени¹¹⁰, продолжает работать над историческими и географическими трудами, наконец, сочиняет блестящее по своим литературным достоинствам и удивительное по содержанию "Послание к Мехмеду II"¹¹¹, в котором – ни мало ни много – обращается к султану с призывом принять христианскую веру.

Помимо этих сочинений Пикколомини оставил еще обширное эпистолярное наследие, имеющее не только значительный литературный и биографический, но и сугубо исторический интерес¹¹². Активно участвуя в базельских делах, а потом находясь при дворе императора, он оказывается вовлеченным в важнейшие события европейской политики 30-х - 50-х гг. XV в. и о многом увиденном и услышанном сообщает в них своим друзьям¹¹³.

¹⁰⁶ Piccolomini E.S. (Pius II). *De viris illustribus*. Stuttgartiae, 1842.

¹⁰⁷ Idem. *De liberorum educatione*. Washington, 1940 (диссертация J.S.Nelson, включающая параллельные латинский и английский тексты сочинения).

¹⁰⁸ Пикколомини Э.С. Письмо Владиславу, королю Богемскому и Венгерскому / Пер. Р.Ратгауза // Идеи эстетического воспитания. М., 1973. Т.I. С.340. На русском языке имеется также и еще один фрагмент сочинения нашего автора: Пий II. Булла о сохранении памятников древнего Рима / Пер. Н.В.Ревякиной // Возрождение: культура, образование, общественная мысль. Иваново, 1985. С.127-129.

¹⁰⁹ Piccolomini E.S. (Pius II). *Opera omnia*. F.*+++2.

¹¹⁰ См.: Гаспари А. Указ. соч. Т.2. С.111.

¹¹¹ См. выше прим. 29 и дальше гл.4.

¹¹² Важнейший сборник писем см. в прим. 40. Из сборников сочинений других жанров, кроме уже указанных, следует назвать обстоятельное издание Д.Манси: Pius II (E.S. Piccolomini). *Orationes politicae et ecclesiasticae* / Ed. D.Mansi. Lucae, 1755-1759. V.1-3 и Дж.Куньони (см.выше прим. 12).

¹¹³ В отечественной литературе по истории итальянского Возрождения о Пикколомини-Пие сказано очень немного. Его имя упоминал Т.Н.Грановский в своих лекциях, читанных в Московском

ГЛАВА 2. "ЗАПИСКИ О ДОСТОПАМЯТНЫХ ДЕЯНИЯХ"

1. Общая характеристика источника

"Записки", несомненно, занимают особое место среди многочисленных и разнообразных творений Пикколомини-писателя - в этом единодушны все исследователи. Их называют произведением "выдающимся", "уникальным", "богатым"¹¹⁴. "Его литературный шедевр, - вторит Дж.Бернетти Э.Гарэн, - документ из числа наиболее волнующих в нашей литературе"¹¹⁵. "Один из наиболее выразительных документов Ренессанса", - утверждает Л.Гэбел¹¹⁶.

В жанровом отношении сочинение крайне трудно поддается однозначному определению, не совпадая целиком ни с одной из известных XV веку литературных форм¹¹⁷. Здесь содержится рассказ автора о своей жизни, описания важнейших политических событий¹¹⁸, виденных им достопримечательностей, церковных дел, природы¹¹⁹ - таков далеко

университете, отмечая вклад этого "исполненного любви к древним писателям" и "проникнутого нравственными идеями древних" человека в развитие немецкой культуры (Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С.64). Он считал будущего папу самой талантливой личностью на Базельском соборе, "явлением блестящим и трагическим, не выдержавшим той идеи, которую сначала так блестяще защищало" (там же, с.50). Несколько десятилетий спустя здесь же в университете об историческом смысле жизни Пия интересно рассуждал Н.И.Стороженко (Стороженко Н.И. История европейских литератур XV и XVI вв. Эпоха Возрождения // Лекции ординарного проф. Н.И.Стороженко. М., 1889. С.111-124.(Машинопись. Хранится в ГБЛ), на Высших женских курсах А.Н.Веселовский разбирал его "Эвриала и Лукрецию" (Веселовский А.Н. История всеобщей литературы в период Возрождения. Лекции / По запискам слушательниц Высших женских курсов. Читано в 1908/9 гг. С.57-60 (Машинопись, хранится там же), а М.Н.Розанов, вполне разделяя взгляды Я.Буркхардта, называл Пикколомини "великим гуманистом" и "одним из лучших выразителей своей эпохи" (Розанов М.Н. История литературы эпохи Возрождения / Записки слушательниц по лекциям, читанным на Высших женских курсах в 1912/1913 году. М., 1913. Ч.II. С.45-46, 48 (Машинопись. Хранится там же).

Примерно в это же время в Киеве выходит первая на русском языке самостоятельная работа о Пикколомини, точнее не столько о нем самом, сколько о переводе одного из его сочинений, сделанном А.Курбским (Соболевский А.И. Эней Сильвий и Курбский. Киев, б.г.), и лишь пятьдесят лет спустя следующая (Вялова С.О. Письма Энея Сильвия Пикколомини как источник социальной истории средневековой Словакии // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С.12-22). Самые подробные в нашей литературе сведения о Пикколомини (почти исключительно о германском периоде его жизни) содержатся в упоминавшейся выше монографии А.Н.Немилова (см. прим. 51).

¹¹⁴ Bernetti G. Introduzione // Pio II. I "Commentarii". Siena, 1972. V.I. P.X; Idem. Saggi e studi. P.19.

¹¹⁵ Garin E. Ritratti di umanisti. Firenze, 1967. P.11.

¹¹⁶ Gabel L.C. Introduction // Pius II. Memoirs of a Renaissance Pope. N.Y., 1959. P.17.

¹¹⁷ Еще менее убедительно выглядят неоднократно предпринимавшиеся попытки соотнести "Записки" с современными жанрами дневника (Фойгт, Пастор), автобиографии, мемуаров и всеми ими одновременно (Бернетти. Гэбел и др.), поскольку явно модернизируют восприятие произведения.

¹¹⁸ Полное название сочинения: "Записки о достопамятных деяниях Пия Второго, которые относятся к его временам" (Pii Secundi commentarii rerum memorabilium que temporibus suis contingerunt).

не полный перечень его тем. С уверенностью можно констатировать, пожалуй, лишь то, что "Записки" во многом обязаны античной историографической традиции и прежде всего одноименным сочинениям Цезаря¹²⁰. От автобиографической и мемуарной литературы более позднего времени их отличает не только обилие "посторонних" тем, но и крайне овнешненный характер самоизображения. Автор не раскрывает перед читателем свою душу, не подвергает дотошному анализу свои мысли и чувства, как это делают писатели более позднего времени (Монтень или Руссо), но предпочитает говорить преимущественно о своих поступках¹²¹.

Написанные великолепной гуманистической латынью¹²² "Записки о достопамятных деяниях" - это самое большое произведение Пия - состоят из 12-ти книг, разбитых на главы, и едва начатой 13-й. Создавалось оно, скорее всего, в период с лета 1462 по весну 1464 г.¹²³ Большую его часть Пий диктовал писцу, используя тексты своих речей, писем, булл, донесения послов, а также сочинения гуманистов и исторические труды древних авторов. Замысел сочинения в ходе работы над ним, по-видимому, изменился. Начальной основой "Записок" предположительно является так называемая "Андреида" - самостоятельный в сюжетном отношении рассказ о торжествах по случаю прибытия в Рим мощей св. Андрея, вошедший в восьмую книгу¹²⁴. Видимо, этот рассказ впоследствии трансформировался в историю понтификата и на последнем этапе был дополнен вступительной 1-й книгой.

Воссоздание картины того, как работал автор над своим сочинением, стало возможным благодаря тщательному изучению исследователями сохранившихся рукописей¹²⁵, среди которых две прижизненных, Cod. Reginense 1995 (Biblioteca Vaticana) и Cod. Corsiniano 147 (Biblioteca de'Lincci) имеют особое значение. Список Cod. Reg., как установлено, начальный, представляет собой частично автограф, но по преимуществу - запись, сделанную под диктовку папским секретарем и доверенным лицом Агостино Патрици. Он содержит следы многочисленных позднейших правок, в том числе сделанных рукою самого Пия. Известно,

---

¹¹⁹ Описания природы в "Записках" относятся к числу самых ярких в ренессансной литературе. Благодаря им Пия называют даже "отцом современного пейзажа" (Muntz E. *Historie de l'art pendant la Renaissance*. Parigi, 1889. Vol.I. P.95).

¹²⁰ Lesca G. *I "Commentarii rerum memorabilium" d'Enea Silvio de'Piccolomini (Pio II)*. Pisa, 1894. P.54.

¹²¹ Ibid. P.52.

¹²² Ibid. P.289. О языке "Записок" см. особо: Bernetti G. *Saggi e studi sugli scritti di Enea Silvio Piccolomini, papa Pio II (1405-1464)*. Firenze, 1971.

¹²³ Ceserani R. *Rassegna bibliografica // Giornale storico della letteratura italiana*. Torino, 1965. P.277.

¹²⁴ Bernetti G. *Saggi e studi*. P.32.

¹²⁵ Текстологический и исторический анализ рукописей см.: Lesca G. *Op. cit.* P.9-42; Bernetti G. *Saggi e studi*. P.31-32; Ceserani R. *Rassegna bibliografica*. P.273-275; Van Heck A. *Praefatio editoris // Pius II. Commentarii*. Vaticano, 1984. P.5-13.

что этот список передавался для редактирования Дж. Кампано и тот также внес в него исправления орфографического и синтаксического характера. Cod. Cors. - производный от первого беловой вариант сочинения, переписанный с "черновика" папским скриптором Иоанном Гобелином. Предназначавшийся для папской библиотеки, он являет собой замечательный образчик гуманистической каллиграфии.

После смерти Пия обе рукописи отошли к его наследникам, с них были сняты несколько копий, но широкого распространения "Записки", как и многие другие автобиографические сочинения Ренессанса, долгое время не имели. Первое их издание, подготовленное родственником папы архиепископом сиенским Франческо Бандини-Пикколомини по рукописи Cod. Cors., вышло лишь более чем через сто лет, в 1584 г., причем как сочинение Иоанна Гобелина¹²⁶. Гипотетически причиной ошибки могли оказаться неверное прочтение записи скриптора в начале и в конце кодекса¹²⁷, а также повествование "от третьего лица", обособляющее героя и автора. Но все же очень трудно допустить, что Ф. Бандини не знал, кому в действительности принадлежит авторство "Записок": на Пия, кроме всего прочего, прямо указывали в своих биографиях пап Платина и Кампано¹²⁸. Скорее всего, ошибка была вполне сознательной. Ренессансная автоапология, созданная Пием, резко диссонировала с идеологическими и моральными нормами, господствовавшими в эпоху Контрреформации. По этой же причине текст рукописи в издании Бандини был существенно укорочен за счет сомнительных с политической и этической точки зрения мест¹²⁹.

Через некоторое время во Франкфурте вышло второе издание "Записок", в основном воспроизводящее римское и также скрывающее имя их подлинного автора¹³⁰. Затем последовал более чем трехсотлетний перерыв, нарушенный появлением в 1937 г. английского

---

¹²⁶ (Pius II). *Commentarii*. Roma, 1584. (Факсимильное переизд.: Frankfurt am Main, 1974.) На титульном листе значится: *Pii secundi Pontificis Max. Commentarii Rerum memorabilium, quae temporibus suis contingerunt a R.D. Ioanne Gobellino Vicario Bonnen. iam diu compositi...*

¹²⁷ На колонтитуле Cod. Cors.: *Commentariorum Pii Papae II libri XII a Ioanne Gobellino de Lins Vicario Bonnensi excipsi anno 1464 Pio II Pont. Max. volente*. И в самом конце: *Divo Pio II Pont. Max. volente Ioannes Gobellini de Lins Vicarius Bonnensis Colonien. Diocesis hoc opus anno 1464 die XII mensis Iuni excipsi feliciter* (цит. по: Lesca G. *Op.cit.* P.23).

¹²⁸ У Платины: "...о своих деяниях написал двенадцать книг и начал тринадцатую" (...*de rebus a se gestis libros duodecim scripsit, tertiumdecim inchoavit*). У Кампано: "Двенадцать книг о событиях своего времени в Италии, труд, ее не законченный, вместе с жизнью оставил..." (*Rerum sui temporis in Italia gestarum libros duodecim, quod opus nondum absolutum, cum vita finivit...*) (*Ibid.* P.12).

¹²⁹ Общую характеристику сокращений см.: Chiari S. H. *L'edizione del 1584 dei "Commentarii" di Pio II e la duplice revisione di Francesco Bandini (Analisi del libro primo)* // *Archivio Storico Italiano*. 1991. Vol.3. и Garin E. *Ritratti di umanisti*. P.11.

¹³⁰ (Pius II). *Commentarii*. Frankfurt, 1614. На титульном листе повторяется формула: "...a R.D. Ioanne Gobellino Vicario Bonnen. iam diu compositi..."

перевода первой их книги, исполненного по начальной рукописи Cod. Reg.¹³¹. Несмотря на некоторые неточности и вольности стиля, допущенные переводчиком, это издание после его завершения в 1956 г. стало событием для исследователей, поскольку впервые полностью воспроизводило текст сочинения. Кроме того, оно сыграло важную роль в популяризации труда папы-гуманиста¹³² и, по-видимому, стимулировало появление его перевода на итальянский.

Результатом многолетнего труда известного исследователя творчества Пикколомини Джузеппе Бернетти стало первое итальянское издание "Записок", осуществленное на родине их автора в Сиене в 1972-1976 гг.¹³³ Ориентированное на широкую аудиторию читателей серии "Христианские классики", оно тем не менее содержит довольно подробные комментарии текстологического и историко-биографического характера.

На языке оригинала отдельные части сочинения, не включенные в издания 1584 и 1614 гг., стали публиковаться еще в прошлом веке¹³⁴, однако полностью оно увидело свет сравнительно недавно, в 1984 г., в ватиканском издании Cod. Cors. под редакцией Адриано ван Хека, снабженном иллюстрациями и факсимиле отдельных страниц текста. Вслед за ним вышло еще одно издание "Записок" по Cod. Reg. с параллельным итальянским переводом и подробными комментариями, выполненными Луиджо Тотаро.¹³⁵

2. Предисловие. Основные автобиографические темы и сюжеты 1-й книги

Автобиографический рассказ Пия предваряет небольшое вступление, разъясняющее читателю замысел "Записок". Начинается оно с весьма характерного для гуманистической литературы общего места - рассуждений о славе, точнее, оправдания стремления к ней всякого человека, в том числе, даже в большей степени, чем кого-либо другого, - римского папы. "Если со смертью погибает душа, как ошибочно полагал Эпикур, - довольно неожиданно

---

¹³¹ Pius II. The Commentaries / Transl. by F.A.Gragg, intr. & notes by L.C.Gabel // Smith College Studies in History. Northampton (Mass.), 1937-1956. Vol. XXII, XXV, XXX, XXXV, XLIII.

¹³² В 1959 г. в Нью-Йорке вышло первое массовое издание "Записок" (Memoirs of a Renaissance Pope. The "Commentaries" of Pius II (An abridgment). New York, 1959), следом за ним появилось второе, стереотипное (London, 1960).

¹³³ Pio II. I "Commentarii" / A cura di G.Bernetti. Siena, 1972-1976. V.I-5.

¹³⁴ Сначала Г.Фойгт включил в приложение к своему труду незаконченную 13-ю книгу "Записок", затем пропущенные первыми издателями места опубликовал Дж. Куньони, наконец, Франко Газтой было осуществлено издание I-й книги (по Cod.Reg.): Pio II. Commentarii. Il primo libro / Testo latino a cura di F.Gaeta. L'Aquila, 1966.

¹³⁵ Pius II. Commentarii rerum memorabilium que temporibus suis contingerunt / Ed. A. van Heck. Vaticano, 1984. Piccolomini, Enea Silvio (papa Pio II). I "Commentarii" / A cura di L.Totaro. Milano, 1984.V.1-2.

приступает к делу автор, - слава ничем не способна ей помочь. Если же живет, освобожденная от телесного бремени, что утверждают христиане и благороднейшие философы, то либо испытывает горестную участь, либо присоединяется к счастливым духам". Но "почему тогда мы так стремимся к славе доброго имени? - Риторически вопрошает он и тут же сам дает ответ. - Видимо, в чистилище души испытывают какую-то сладость от оставленной на земле доброй молвы". Именно эта молва является тем, что "питает величайшие умы и помимо надежды на загробную жизнь [...] согревает человека и укрепляет его душу, в особенности римского понтифика, которого при жизни обыкновенно всячески порицают, а после смерти превозносят". Такова была участь, замечает автор, многих предшественников Пия: Мартина V, Евгения IV, Калликста III и добавляет: "следуют наместники за своим господином: о Христе Спасителе при жизни люди говорили, что он одержим злым духом, принявшего же смерть на кресте признали сыном божьим". Не пощадит и этого папу "коварная молва, которая столь многочисленных наместников Христа и даже самого Христа не пощадила. Пока он жив, его всячески осуждают и порицают, но, отойдя в мир иной, он так же будет прославляем и восхваляем. Тогда о нем возродится правдивая молва и поставит Пия в число знаменитых первосвященников".

Таким образом, подытоживая сказанное, можно заключить, что, во-первых, герою "Записок" в полной мере присуще понятное и близкое каждому человеку стремление к славе и, во-вторых, несмотря на досужие слухи, он, подобно его предшественникам-папам и самому Иисусу, вполне достоин посмертной "славы доброго имени". В заключительных словах предисловия определяется замысел сочинения. Это история понтификата Пия, призванная донести потомкам правду о его славных деяниях. Однако в начале ее рассказывается о том, что было им совершено до избрания главой церкви - "дабы потомки уяснили, как тот, кто ранее назывался Энеем Сильвием, взошел на кафедру святого Петра и принял имя Пия II" (Praef.).

Начало пути: предки Энея, его появление на свет, опасности, которые он избежал в детстве, отрочество, годы учения. Рассказ о жизни Энея до его восшествия на Римский престол условно представляет собой первую сравнительно небольшую по объему и наиболее автобиографическую часть "Записок". Он начинается со сведений о роде героя, одном из "наиболее древних и знатных", прославленном "и ученостью и военной доблестью", некогда состоятельном ("многочисленными крепостями и замками владел") (1,1), но потом потерявшем почти все свои богатства, - когда к власти в городе пришел плебс, семья Пикколомини вместе с другими семьями знати была вынуждена покинуть Сиену и осесть в

местечке Корсиньяно. Здесь у Сильвио Пикколомини и Виктории Фортегвери рождается мальчик, нареченный Энеем и в честь отца вторым именем - Сильвий.

В детстве Эней не раз чудом избегает гибели - от чумы, унесшей всех его братьев, от тяжелой раны головы, полученной им при падении с высокой стены (вопреки самым худшим ожиданиям родителей, он необычайно быстро выздоровел благодаря лечению, предписанному крестным отцом), наконец, от разъяренного быка: "поднятый на рога и высоко подброшенный вверх", он "скорее благодаря божественной, чем человеческой силе избежал смертельной опасности" (1,2). Все эти чудесные спасения, вне всякого сомнения, происходят по воле Неба и служат знамением, указующим на его великую будущность.

Отрочество Энея проходит в доме отца, где он помогает ему вести хозяйство. Лишь в юношеском возрасте он приступает к серьезным занятиям науками, ход которых был прерван разразившейся между Флоренцией и Сиеной войной. И Эней "был вынужден землю возлюбленной родины покинуть", отправившись в качестве секретаря опального кардинала Доменико Капраника, "мужа возвышенного и ученостью и умом" в Базель, где в то время начиналась работа только что созванного собора (Ibid.).

Этими событиями, собственно, и заканчивается краткий рассказ о первых годах жизни героя "Записок" и начинается новый, о его пути к папскому трону. Дальнейшее повествование утрачивает начальный схематизм, становится более сложным композиционно и более многоплановым.

Странствия и приключения Энея. Особое место в первой книге, едва ли не большую ее часть, занимают описания многочисленных путешествий героя с различными дипломатическими поручениями, в ходе которых с ним происходит немало удивительных приключений.

Прибыв в Базель, он вскоре находит себе нового покровителя, епископа новарского Бартоломео, и возвращается с ним в Италию, потом с кардиналом Санта Кроче едет во Францию, откуда направляется им с важной миссией в Шотландию, снова возвращается в Базель, уезжает в Австрию, странствует с посольскими миссиями то императора, то папы по всей Европе, пока, наконец, уже став епископом Сиены и кардиналом, не приезжает в Рим на конклав, собравшийся после смерти Калликста III.

Многие из этих путешествий оказываются смертельно опасными и требуют от героя "Записок" проявлений "величайшего благоразумия" (*summa prudentia*), "скромности" (*modestia*), "воздержанности" (*continentia*), "необычайного терпения" (*summa patientia*) и великого множества других человеческих достоинств. Едва отправившись морем через Геную

в Базель, Эней попадает в жестокий шторм, который сначала относит его судно к берегам Африки, но потом, к величайшей радости мореплавателей (в Африке они неизбежно попали бы в руки варваров), снова пригоняет в Италию (1,3). Морская пучина едва не поглощает Энея во время двух его переправ в Шотландию (1,5) и на обратном пути на континент. В этом последнем случае он спасается исключительно благодаря своей рассудительности.

Когда будущий папа окончил свои дела в Шотландии и уже собирался в обратный путь, его разыскал тот самый капитан, с которым он сюда прибыл, и снова предложил свои услуги. Предложение его было заманчивым, поскольку пеший путь через Англию изобилует опасностями. Эней, однако, ответил ему отказом: "Не напрасно ли будет обвинять Нептуна тот, - рассудил он, - кто дважды попав в беду[...] в третий раз потерпит кораблекрушение. До каких пор я, несчастный, буду предпочитать испытывать милосердие моря?" (1,6). Вскоре после того, как Эней принял это решение, корабль отчалил и, едва выйдя из порта, захваченный бурей, был разбит и на глазах у всех утонул вместе с капитаном, который направлялся во Фландрию, чтобы справить свадьбу с молодой невестой.

Немного погодя с путешественником происходит еще один случай, который можно расценить как испытание его нравственных качеств. Перейдя границу Шотландии и Англии, Эней остановился на ночлег в одном сельском доме, где был радушно принят хозяином и здешним священником. Их обед был обильным и затянулся до глубокой ночи, и ничто, казалось, не предвещало беды. Но вдруг около двух часов хозяин и священник вместе со всеми мужчинами и детьми поднялись и поспешили уйти, объяснив на прощанье, что им необходимо удалиться в некую башню, поскольку шотландцы имеют обыкновение в это время переправляться через реку и заниматься грабежом. К удивлению Энея, они не пригласили присоединиться к ним ни его, ни кого-либо из женщин. "И так, - продолжает автор, - остался Эней один с двумя служанками и одним проводником среди сотни женщин, которые собрались вокруг огня". Ближе к рассвету две молоденькие девушки проводили странника, уже отяжелевшего ото сна, в комнату, устланную соломой, "чтобы по местному обычаю лечь с ним спать, если их об этом испросят". Однако тот, "погруженный в мысли не столько о женщинах, сколько о разбойниках, которые, как он опасался, вот-вот придут, ропщущих девушек отослал, страшась, что, совершив грех, тотчас [...] понесет наказание. И так, - дополняет картину новыми занятными деталями рассказчик, - остался он один среди коров и коз (комната оказалась хлевом - Ю.З.), которые тайком выхватывая солому из его подстилки, вовсе спать ему не давали". И тут неожиданно Эней услышал оглушительный шум, поднятый лаем собак и криком гусей, и увидел, как женщины бросились врассыпную. Казалось,

всеобщее смятение неоспоримо свидетельствовало о приближающейся опасности. Но вскоре все возвратились на свои прежние места и сообщили, что прибыли друзья, а не враги, и нет никаких оснований чего-либо опасаться. "И тогда, - кратко резюмирует автор, - Эней воспринял это как награду себе за воздержание [...]" (Ibid.)

Еще один сюжет первой книги, вполне определенно характеризующий героя, рассказывает о случае, произошедшем во время пребывания Энея в Австрии. Здесь ему пришлось какой-то срок находиться под началом некоего Вильгельма Таца, временно назначенного управляющим канцелярии, - "баварца и врага итальянской нации", - который жестоко его преследовал. Однако тот не стал затевать тяжбу, "решив, что зло побеждается добром", и хотя с ним обходились как с последним человеком, и он "ни за столом, ни в опочивальне не занимал подобающего ему места, а также, испытывая на себе неодобрительные взгляды, словно еретик или иудей был осмеян", с должным смирением все эти испытания вынес. И когда возвратился на свою должность начальник имперской канцелярии Гаспар Шлик и обнаружил в Энее "даровитого, прилежного и работающего человека", то стал его высоко ценить и особо выделять. Теперь уже Вильгельм был вынужден его опасаться и в итоге, снedaемый завистью, не нашел ничего лучшего, как оставить двор. Эней же, наоборот, "чем дальше, тем больше к великим и трудным делам привлекался и в конце концов был принят в тайный совет". Таким образом, заключает автор, "все поняли, что смирение легко повышает, гордыня еще легче увлекает вниз" (1,11).

Доблесть Энея. Всеобщее признание. Этапы на пути к Римскому престолу. В ходе странствий и приключений раскрываются многообразные достоинства Энея, ясно очерчиваются контуры его *virtu*. Он выступает как гражданин, горячо любящий свою родную Италию и особенно Сиену, для которых ему удастся сделать немало (1,22). Кроме того, он - стойкий заступник христианской религии и церкви. Да, в Базеле Эней заблуждался, но мотивы его заблуждений были чисты, он хотел блага Риму и искренне стремился к своей цели. Ни у кого не возникает сомнений в его правоверности, наоборот, его благочестие признается всеми исключительным. Когда во Франкфурте собирается съезд для обсуждения положения христианского мира после захвата турками Константинополя, император Фридрих назначает туда своим представителем именно Энея, поскольку "он казался единственным во дворце, кто проявлял величайшую заботу о религии и кто мог убедить своими речами" (1,27).

Он всегда полон решимости и бесстрашия, всегда готов "или исполнить порученное дело, или умереть" (1,13). Однажды во время опасного путешествия с дипломатической миссией, когда его спутники замешкались в страхе и нерешительности, Эней обратился к ним

с такими словами: "Не бойтесь. Пройдя по горным тропам, мы вышли на открытое место. Мы уже избежали опасности засад, которая имеется в узких проходах. Теперь перед нами тысяча дорог. Только несчастье может нас отдать в руки врагов. От него убережет доброта нашего бога. Следуйте за мной и этой же ночью я верну вас невредимыми в ваши дома" (1,19). И он, конечно, выполнил свое обещание - путники благополучно достигли Милана и были радостно встречены его жителями.

Однако сердцевину, самую суть доблести Энея составляет его ученость, *humanitas*, его заслуги как поэта, писателя и особенно оратора. Первые возводят его на поэтический Олимп - он награждается лавровым венком и с этого времени зовется именем служителя Муз¹³⁶. Получают известность и его исторические сочинения. Но настоящую славу приносит ему ораторское искусство, нередко служащее грозным оружием в отстаивании интересов родной Италии и родной христианской веры.

Первый ораторский успех поджидает Энея уже в самом начале его карьеры. Прибыв вместе с епископом новарским из Базеля в Милан, он участвует в споре за должность ректора Павийского университета между двумя членами ректорского совета: миланцем знатного рода, снискавшим расположение магистрата, да к тому же еще имевшим двух весьма влиятельных родственников (сторону его, понятно, держала большая часть университета) и новарцем "низкого рожденья", мало кому известным. Эней, не раздумывая, принял сторону последнего и так "сразился своей речью", что "достоинство, будучи отнятым у миланца, перешло к новарцу" (1,3).

Подлинное признание, однако, приходит к нему позже, в Базеле, когда на соборе начинает обсуждаться вопрос о переезде в другое место. Его участникам сначала было предложено четыре города на выбор: Флоренция, Удине, Павия и Авиньон. И когда в защиту каждого в самой просторной зале была произнесена речь и отсутствовала только поддержка Павии, Эней, побуждаемый и славой города и пренебрежением, публично выказанным его правителю, написав за ночь речь, на следующий день "при всеобщем особом внимании и восхищении" в течение двух часов ее держал. После чего все, кто присутствовал, по экземпляру ее "для того, чтобы потом размножить, себе приобрели". "Отныне, - завершает

---

¹³⁶ Когда было решено созвать совет для прекращения схизмы между Евгением IV и "антипапой" Феликсом V и каждый государь должен был послать на него своих представителей, император Фридрих назвал четверых: епископа, теолога, правоведа и "поэта Энея" (I, 11).

этот сюжет автор, - и Собор был в высшей степени благосклонен к Энею, и герцог миланцев оказывал величайшее расположение [...] (1,8)¹³⁷.

Потом неожиданный успех имеет страстная покаянная речь Энея перед Евгением IV, против которого он раньше так упорно боролся (1,13-14). Славы добавляет ему и речь в тайной консистории, "которую как папа, так и кардиналы удивительным образом хвалили" (1,16), и еще одна в Неаполе перед королем Альфонсом и высшими сановными особами - она "была переписана многими" (1,20). Позже особую известность Энею-оратору придают его пламенные выступления в поддержку идеи крестового похода против турок. На съезде во Франкфурте "он говорил весьма часто в течение двух часов при таком напряженном внимании, что никто ничего не писал, никто не мог отвести взор от говорящего, никто не считал его речь длинной, никто не желал ее окончания" (1,27).

Благодаря своей зловещности Эней приобретает все больший авторитет у представителей высшей церковной власти. Однажды кардинал павийский попытался одолеть его в споре и тем самым подвергнуть сомнению его ученость, но потерпел сокрушительное поражение. Произошло же следующее. Когда встал вопрос о назначении на одну из освободившихся почетных должностей (настоятеля церкви, которую некогда возглавлял Альберт Великий) и Эней предложил кандидатуру некоего Роперта Баварца, павиец резко выступил против, склонил на свою сторону всех остальных кардиналов и почти убедил согласиться с ним папу. Но когда они выслушали Энея, "мнение всех внезапно изменилось", и Калликст решительно отверг предложение павийца. Эта победа "имя Энея среди кардиналов много превознесла" (1,34).

Доблесть героя "Записок" неизменно отмечается пожалованием ему церковных должностей, благодаря которым он словно по ступеням взбирается к вершине. Рассказ о них - одна из главных путеводных нитей автобиографического повествования 1-й книги. Начав свою церковную деятельность в скромном звании псалмиста, в Базеле он довольствуется хотя и важными и почетными, но временными обязанностями: сначала скриптора и аббревиатора собора, потом члена "Совета двенадцати" ("каковая обязанность, - разъясняет автор, - хотя и трехмесячная, все же была большой значимости: ведь депутации не могли ничего обсуждать, не получив материалы от Совета двенадцати, и ничто на соборе не принималось без их постановления") (I,8). Он нередко председательствовал в своей депутации и получал под

---

¹³⁷ Свою славу оратора Эней закрепляет во время празднования дня преподобного Амвросия Медиоланского. Именно ему, а не мечтавшим о такой чести теологам, было поручено держать речь перед синодом о достоинствах св. отца, и он, как всегда, "был выслушан всеми с необычайным вниманием" (I, 8).

охрану свинцовые печати, которым скреплялись послания собора, чаще других избирался в секретариат и т.д.

После возвращения Энея в лоно Римской церкви его карьера становится еще более успешной. Будучи всего лишь в звании субъдьякона, он, вопреки обычному порядку, назначается епископом Триеста, а некоторое время спустя - его родной Сиены. Такое стремительное возвышение рождает у окружающих мнение, что он не остановится на достигнутом, и когда Эней назначается кардиналом, это воспринимается всеми как должное, как открытие перед ним пути к папской тиаре. "Когда народ услышал, что Энею была дарована красная мантия, - свидетельствует рассказчик, - вскоре разнеслась молва, что Калликст назначил себе преемника, и великая радость охватила Вечный Город". Ликовали сиенцы, император Фридрих, Альфонс Арагонский, и все германские принцы прислали новоизбранному кардиналу поздравления (I,33).

Последнего и самого главного шага в церковной карьере Энея оставалось ждать совсем недолго.

Знаки избранничества и небесного покровительства. Герой "Записок" проходит свой жизненный путь не одиноко, не "сам по себе". Он постоянно находится под присмотром небесных сил и время от времени испытывает их прямое воздействие в виде знамений, вещих снов, предсказаний, но особенно часто - чудесных спасений от неминуемой гибели. Божье око неотступно оберегает Энея с раннего детства (см. об этом выше) и до конца его дней.

На пути в Шотландию его корабль настигают "две величайшие бури", и когда мореплаватели уже теряют всякую надежду на спасение, на них нисходит "милосердие Божие", в результате чего странники все же достигают на двенадцатый день желанного берега (I,5). Немного погодя в Англии *divina ore* ему удастся избежать гибели от рук разбойников (I,6) и еще некоторое время спустя снова дважды чудесным образом спастись - теперь уже от смертельных болезней.

Едва прибывшего в Милан Энея сваливает сильнейшая лихорадка. Болезнь стремительно набирает силу, так что даже ученый и удачливый врач герцога Филиппо Мария оказывается не в состоянии чем-либо помочь больному. Он пытается все же что-то сделать и готовит новое более сильное лекарство. Но тут неожиданно Божественная воля вмешивается в ход человеческих дел и спасает будущего папу. "На следующую ночь, - читаем дальше, - в тот самый час, когда должно было быть подано второе лекарство, кишечник его пришел в движение и до такой степени терзал несчастного (*hominem*), что тот девяносто раз вынужден был вставать". Восприняв приступ как указующий знак, Эней не стал принимать

подготовленное медиком питье, ибо "если бы употребил второй напиток, истощенный и изнуренный, без сомнения, испустил бы дух".

После этого приступа он надолго лишился рассудка и в течение 75-ти дней медленно угасал, мучимый "горяечной лихорадкой". Несмотря на безнадежность своего положения, Эней все же не поддавался ни на какие уговоры послушаться советов чародеев и знахарей и в конце концов все еще тяжело больной отправился в путь, "веря в Бога, могуществом которого в жизни он был оберегаем". Чудесное исцеление наступило по дороге, очевидно, явившись наградой за стойкость веры. (I,8)

Другой раз смерть подстерегает Энея в Базеле во время разразившейся там страшной эпидемии чумы. "Неистовство смерти", свидетельствует автор, доходило до того, что в день хоронили более четырехсот трупов, причем в числе погибших оказались "самые сердечные друзья Энея", подле которых он "вплоть до последнего вздоха бесстрашно находился". Почувствовав же, что "зараза не пощадила и его", Эней настоял, дабы его друзья, находившиеся в доме, удалились.

Вскоре состоялся консилиум, из которого больной, в частности, вынес, что в городе есть два знаменитых медика: "один - ученый, но неудачливый парижанин, другой - неученый, но удачливый тевтон". И он "удачу учености предпочел, поскольку знал, что от губельного недуга никакое лечение не спасет".

Болезнь тем временем усилилась несмотря на предпринятое лечение, и Эней, поняв безнадежность своего положения, велел пригласить священника. Потом он впал в беспамятство и распространился слух, что он умер. Однако вопреки всему этому, "вследствие того, что милосердие Божие испытывало к нему сострадание", через шесть дней неожиданно выздоровел. (I,9)

Причины особой заботы Господа о герое "Записок" понятны - ведь он предназначал ему стать наместником Христа на земле. Вполне понятно и то, что Бог делает этот свой замысел видимым не только самому Энею, но и окружающим его людям. Однажды, когда он в составе свиты сопровождал направлявшегося в Рим императора Альберта, тот неожиданно приблизился и сказал: "Эней, [...] мы направляемся в Рим; мне кажется, я тебя увижу кардиналом. И на этом счастливая фортуна тебя не оставит: ты поднимешься выше - тебя ждет кафедра святого Петра. Смотри, не пренебреги мной, когда удостоишься этой чести". На каковые слова, сказанные как бы в шутку, Эней смиренно и почтительно ответил, что не стремится стать кардиналом или папой. Тем не менее, государь настойчиво повторил: "А я [...] так это вижу" (I,23).

Через некоторое время предсказание повторилось снова, теперь уже в Неаполе, где в качестве прорицателя выступил король Альфонс. Когда Эней, направляясь во дворец, проходил через триумфальные ворота Кастельнуово, то был замечен им, прогуливающимся в зале напротив. "Хотите покажу вам папу?" - обратился Альфонс к окружавшим его сановным особам и, когда те ответили "хотим", изрек: "Вот, епископ сиенский, который как раз входит в триумфальные ворота, назначен богом быть папой [...]" (I,31).

После столь настойчивых предсказаний мало у кого сохраняются сомнения в том, что Энею недолго осталось ждать папской тиары. В преддверии конклава, когда жители Рима взвешивали шансы кардиналов, первенство единодушно отдавалось сиенцу, "и не было никого, о ком имелось лучшее мнение" (I,35).

Конклав и избрание папой. Всеобщее ликование по этому поводу. Завершает рассказ о первой части жизненного пути Энея и, соответственно, первую книгу "Записок" обстоятельное и необычайно живописное изображение событий, происшедших на конклаве 1458 г., и всеобщей радости по случаю избрания нового папы. Логика этого полного драматизма эпизода такова: Господь, хотя и предначертал Энею быть главой Римской церкви, отнюдь не устранил препятствия на пути своего избранника. Наоборот, воздвиг некоторые из них, дабы герой мог в полной мере продемонстрировать свою доблесть. Борьба же, развернувшаяся на конклаве, оказывается последним и самым главным его испытанием¹³⁸. Завязкой всего сюжета выступает краткое сообщение о прибытии кардиналов в Рим и сразу после этого состоявшемся первом голосовании, которое не дало никому из них необходимого в таких случаях большинства голосов. Тут-то и начинают разворачиваться главные события. Участники конклава, за исключением Энея, который пока не принимает никаких активных действий, разворачивают отчаянную борьбу за Римский престол, не брезгуя никакими средствами, порой самыми низкими и бесчестными, вроде подкупа, обмана, угроз и даже физического насилия.

Наибольшего успеха в такого рода позорных делах добивается Гийом, кардинал Руанский, которому путем разнообразных уловок удается-таки заполучить поддержку большинства членов коллегии. Всем кажется, что вопрос предрешен и будущее голосование окажется лишь формальным закреплением сложившейся расстановки сил. Однако в самый последний момент на борьбу с Гийомом бросается Эней, полный решимости защитить церковь и свою родину Италию от нависшей над ними угрозы. В ночь перед решающим

голосованием он горячо и настойчиво убеждает кардиналов не отдавать свои голоса Руанцу, при этом многие из них под напором неоспоримых аргументов соглашаются с ним, горько раскаиваясь в своем прежнем заблуждении.

"И что наша Италия без Римского епископа? - вызывает он в речи, обращенной к своему соотечественнику кардиналу павийскому. - Мы, хотя и потеряли империю, сохранили папство, и в этом свете видим свет¹³⁹. Неужели мы должны лишиться и его по твоей воле и при твоём содействии? Папа-француз либо уедет во Францию и тогда наша возлюбленная страна лишится своего величия, либо он останется с нами, и Италия, царица народов, будет служить иноземному властелину, в то время как мы будем рабами французов". Кардинал павийский был настолько потрясен речью Энея, что разрыдался, "переполненный раскаянием и стыдом" (Ibid.).

Несмотря на то, что за ночь ему удалось разубедить еще несколько кардиналов, исход утреннего голосования оставался неясным. Все напряженно ждали развязки. И вот на следующий день за Энея подается 9 голосов, за Гийома - 6, но такое соотношение снова не позволяет назвать имя нового папы и тогда наступает кульминация - кардиналы переходят к так называемому "голосованию путем присоединения" (*per accessum*). Долгое время, колеблясь, ни один из них не решается принять ту или иную сторону, пока не подается первый голос в поддержку Сиенца, за ним тотчас следует второй и, как ни противились этому Руанец и его сторонники, решающий третий. Наконец-то вершится воля Божья! Все падают ниц перед новоизбранным первосвященником и клянутся ему в верности, даже недавние враги. "Мы благословляем, о верховный понтифик, - покорно обращается к папе один из них, - твое избрание, каковое, вне всякого сомнения, происходит от бога" (Ibid.). Дальше в соответствии с церемониалом Эней, сняв с себя кардинальские одежды, облачается в "белую тунику Христа" и, спрошенный, каким именем желает называться, отвечает - "Пий". Так завершается путь Энея к папскому трону.

Избрание нового папы встречается величайшей радостью всего христианского мира, всех народов (*omnium gentium*). С поздравлениями и заверениями преданности к нему отовсюду спешат послы, молва о новом преемнике святого Петра распространяется с чудесной быстротой. Особенный восторг и ликование по случаю восшествия на папский престол Пия охватывает жителей Рима. "Когда стало известно, что на трон Петра был посажен

---

¹³⁸ Краткую историко-культурную интерпретацию этого эпизода см.: Зарецкий Ю.П. Выборы римского папы в "Записках" Э.С.Пикколомини // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1993. С.247-253.

¹³⁹ Пс. 35, 10.

Эней, - свидетельствует автор, - не было никого, кто бы не возрадовался. Можно было видеть ликующими не только людей, но даже, пожалуй, и все живые существа и все строения Вечного Города. Везде слышались смех, веселье и возгласы людей: "Сиена! Сиена! О, счастливая Сиена. Да здравствует Сиена!" (I,37). Описанием этого римского триумфа, как мощным мажорным аккордом, и заканчивается первая книга "Записок".

3. Основные автобиографические темы и сюжеты книг II-XII

Res gestae папы. Вторая часть "Записок", по свидетельству Пия, главная, - это обстоятельный рассказ о замечательных деяниях главы Римской церкви, среди которых самым значительным, центральным, оказывается организация антитурецкого крестового похода. Он созывает съезд христианских государей в Мантуе, дабы решить важнейшие вопросы его подготовки, терпит неудачу и, ничуть не разуверившись в величайшей важности замышленного им для судеб религии и церкви, упорно продолжает свои попытки разбудить сердца христиан¹⁴⁰. Главной темой антитурецкого похода содержание последних II-ти книг, однако, далеко не исчерпывается. Помимо турок Пию приходится бороться и с другими врагами, в том числе, и в его родной Италии.

Особая роль среди них принадлежит зловещему тирану Римини Сиджизмондо Малатесте, который осмелился не только с оружием в руках выступить против церкви, но и отвергнуть основы христианской веры. Его вероломство и бесчестие безграничны так же, как и другие его пороки - красочному описанию их автор посвящает немало страниц "Записок" (II,32; V,5,12,15; VII, II; VIII,3; X, 13). И Пий, смело приняв брошенный ему Малатестой вызов, начинает длительную войну с ним, которая сначала ведется с переменным успехом, но потом, после ряда блистательных побед папы и его союзников, оканчивается полным поражением тирана и его горьким раскаянием во всем содеянном (XII,40).

Среди врагов Пия оказывается и еще один Сигизмунд, герцог Австрийский (Сигизмунд I-й). Этот посмел взять под стражу одного из церковных сановников, близкого соратника папы кардинала Николая Кузанского, причем - поразительное святотатство! - сделал это как раз во время праздника Пасхи. Заточение в темницу Кузанца дало толчок началу еще одной войны, которая так же, как и первая, принесла папе славу победы. Более скромные успехи ожидают Пия в его затяжном противоборстве с епископом майнцским, отказавшимся платить подати

---

¹⁴⁰ См. об этом подробнее дальше в гл. 3-4.

Риму и находиться у него в подчинении. Но все же ему удастся, в конце концов, вернуть мятежного иерарха в лоно церкви¹⁴¹.

Кроме этого Пий еще ведет длительную войну с кондотьером Якопо Пиччинино, вторгнувшимся в Папскую область, борется против козней герцога Ангвиллары Эверсо и других антиклерикально настроенных итальянских государей, сурово расправляется с участниками восстания черни в Риме, упорно выступает за отмену Прагматической санкции, изданной в свое время Карлом VII и всюду имеет замечательный успех¹⁴². Славные деяния героя, как тому и подобает, отзываются всеобщим одобрением и величайшими похвалами, и где бы ни был папа, везде народ встречает его с восторгом и ликованием.

В Перудже "ему были оказаны почести, какие только может выдумать человеческий разум" (П,19). Хотя стояла суровая зима, весь город был украшен, как весной, по случаю приезда папы прошли военные маневры, его население пребывало в состоянии необычайной радости. Еще более торжественно встречает понтифика Сиена - "нигде он не видел свидетельств большего восторга" (П,21). Ликует прекрасная Флоренция (П,26) и, наконец, Мантуя, где папа был принят с величайшим великолепием (П,44).

Почести, которыми люди окружают Пия, восторг, охватывающий всех при его виде, кажется, превосходят те, что подобают смертным. Когда однажды вечером понтифик возвращался по римским улицам домой, его окружила шумная толпа "мужчин, женщин, мальчиков, девочек и стариков" с зажженными факелами, скандировавшая "Да здравствует и процветает Пий!" При этом они "глазели на него так, как будто он был богом, спустившимся с небес" и "не было ни одного младенца, который не произносил своими крошечными устами "Пий! Пий!", поскольку не мог еще сказать все целиком" (VIII,9).

Развитие автобиографических тем I-й книги. Хотя образы Энея (первая часть "Записок") и Пия (вторая) существенно разнятся (один - странствующий "доблестный муж", оратор, словно по ступеням восходящий к Римскому престолу; другой - наместник Божий и непреклонный заступник христианской веры), будучи накрепко соединенными сквозными

---

¹⁴¹ Все три врага христианской веры были публично осуждены понтификом и преданы анафеме (VIII, 3), однако после их поражения и искреннего раскаяния, великодушно им прощены (XII, 40).

¹⁴² Этот образ папы-воителя и триумфатора автор обобщенно запечатлевает в автоэпитафии, созданной им в процессе работы над "Записками". Здесь на вопрос, обращенный к страннику, хочет ли тот узнать о содеянном покойным, дается такой ответ: "[...] conventum contrahit orbis./ Mantua concilio nobilitata suo est./ Latrones urbis suspendit et alta recidit/ Maguntinei cornua pontificis;/ Orbis monstra duo nulla virtute redempta/ A vitiis gladio perculit ecclesie./ Austria maiori mater malatesta minori./ Et sigismundus unus et alter erat./ Exciderat regno sicularum alfonsius alto/ In solium rediit restituente pio./ Inclita pragmaticam servabat gallia legem/ Galliam pontifici cessit amica pio[...]" (Bernetti G. Saggi e studi. P.42-43).

автобиографическими темами, они легко складываются в единое целое. Некоторые из этих тем отчетливо вырисовываются уже в начале сочинения и затем лишь монотонно варьируются, другие, лишь едва намеченные в первых главах, обретают яркость и многоцветие позже, в рассказах о деяниях папы.

Особая забота Господа о своем избраннике продолжается и после того, как он становится главою церкви. Благодаря ей он снова, едва надев папскую тиару, избегает верной гибели - теперь уже от рук разбойников (II,I). Небесные силы оказывают Пию и иную самую разнообразную помощь.

Во время торжеств в Риме по случае перенесения мощей св. апостола Андрея дважды повторяется чудо с погодой. Сначала - когда папа должен был встретить святыне мощи. Два дня и две ночи шел проливной дождь, но когда настало время Пию приступить к торжественной церемонии, "ни одна капля воды не упала на землю" (VIII,I). Потом погода снова ухудшилась, дождь лил всю ночь напролет и казалось, что перенесение мощей в собор св. Петра придется отложить. Но тут divina miseratio снова приходит на помощь: неожиданно поднявшийся перед рассветом свежий ветер разгоняет тучи и на ясном небосклоне появляется солнце (VIII,2).

Господь настолько благоволил Пию, настолько внимательно заботится о нем, что порой оберегает его даже от незначительных неудобств. Как-то, когда папа пребывал в Остии и занимался своими обычными делами (диктовал секретарю), поднялась сильная буря. Сначала он ее не заметил, но потом, когда стены дома пришли в движение и весь он задрожал, обратил внимание на происходящее и решил, что оставаться дальше в таком ненадежном укрытии опасно. Папа велел было подать одежды, собираясь выйти наружу, и слуги принялись его в них облачать, но "когда Пий был полуодет, буря неожиданно успокоилась и все ветры утихли, как если бы они боялись доставить понтифику неудобство" (XI,19).

Во второй части "Записок", как и в первой, их герой предстает величайшим оратором. Его публичные выступления - то ли "обстоятельнейшая" (*gravissima*), "образцово выстроенная" (*loculentissima*), "благочестивейшая" (*devotissima*), "необычайно пылкая" (*ardentissima*) или "резкая и пылкая" (*acris et vehemens*) речь; то ли "сдержанный" (*clemens*), "милостивый" (*liberale*), "разумнейший и благородный" (*prudentissimum atque magnanimum*) или просто "превосходнейший" (*excellentissimum*) ответ; то ли "необычайно страстное" (*vehementissima*) или "суровое и резкое" (*severa atque acerrima*) опровержение - приносят успех не меньший, чем раньше и новые победы.

Особенно широкую известность имеют антитурецкие выступления Пия (III,I,32; V,4; XI,13; XVI,31), но не только они. Всякая его речь способна глубоко потрясти слушателей. Во время праздника св. Андрея папа читает молебен столь необычайной силы и красоты, что у всех присутствующих на глазах выступают слезы. Причем на некоторых из них "слова папы произвели столь глубокое впечатление, что придя домой, они записали их слово в слово" (VIII,2).

Сам Господь порой оказывает папе-оратору непосредственную помощь. На Мантуанском съезде он выступил с трехчасовой речью, которая была выслушана "при столь глубоком внимании, что ни одно слово не было пропущено". И хотя в течение нескольких дней перед этим он страдал от жестокого кашля, во время ее "божьей милостью" (*divina ore*) ни разу не кашлянул (III,32).

Однако своей необычайной силой и красотой речи Пия скорее обязаны не небесной поддержке, а его замечательной учености¹⁴³. Автор "Записок" не забывает сообщить читателю, что папа продолжает свои литературные занятия, создает несколько значительных трудов, обменивается с гуманистами изящными эпиграммами, ведет долгие беседы о древней истории.

Как-то Пию довелось путешествовать вместе с Федерико, герцогом Урбино, которого сопровождало целое войско охраны. Солнце играло на доспехах крепких молодых людей, некоторые из них гарцевали перед папой и герцогом, обнажая свои мечи и имитируя битву. При виде этой великолепной картины у спутников завязалась ученая беседа. "Федерико, будучи хорошо начитан, спросил понтифика, были ли античные воины вооружены так же, как наши". На что папа, проявляя завидные познания ответил: "[...] у Гомера и Вергилия можно найти описания любого вида оружия, которое используется в наше время и многих других, которые вышли из употребления". И после этого добавил: "поэты, если и присочиняли, все же, как правило, описывали то, что имелось в то время, и не уходили далеко от правды" (V,26). Затем разговор повернул к событиям Троянской войны, спутники перешли к вопросу о границах Малой Азии. Поскольку мнения обоих по этому поводу разошлись, папа, добавляет автор, впоследствии во время короткого отдыха в Тиволи составил описание этой территории, заимствуя соответствующие места из сочинений Птолемея, Страбона, Плиния и других древних писателей. И так, завершает свой рассказ Пий, они продолжали свою "приятную и волнующую беседу" об античной истории всю дорогу до Понте Лукано (*Ibid.*).

В развитие темы учености героя "Записок" во 2-й - 12-й книгах в полную силу звучит ранее едва обозначенный мотив любования древностями, порой тесно переплетающийся с другим - любования природой. Всюду, где бы ни был папа, его внимание задерживают остатки античных строений, места, с которыми связаны великие события древней истории, живописные долины.

Однажды на пути в Рим Пию довелось провести ночь в монастыре пресвятой Девы, о котором ходила молва, будто именно здесь некогда был убит Нерон. И понтифик, захваченный нахлынувшими воспоминаниями о далеких событиях, посчитал свою остановку добрым знаком, поскольку "с помощью пресвятой Девы Пий тоже намеревался уничтожить своих неронов" (IV,40).

В Остии, знакомясь с городом, он внимательно осматривает остатки древних построек, мысленно погружаясь в дела давно минувших дней. То же и в Альбано, городке, "где правил Асканий, сын Энея". Здесь с античных времен сохранились большие резервуары", которые описал флорентинец Баттиста Альберти, "муж ученый и искуснейший искатель древностей". Осмотрев четыре из них, Пий отправился в поисках других древностей на близлежащее озеро, после чего двинулся дальше по Аппиевой дороге. Во многих местах его путь был необычайно живописен - даже "более прекрасен, чем во времена величия Рима" (XI,22). Дорогу окаймляли деревья, создавая тень; был май и все кругом благоухало. "Природа, - добавляет автор, - которая выше любого искусства, сделала путь особенно восхитительным" (Ibid).

Личные качества героя "Записок" наиболее полно раскрываются именно в образе Пия. Автор говорит о его честности и бескорыстии (*integritas*), силе его духа (*vis animi*), непреклонности (*animus invictus*), благородстве (*magnanimitas*), великодушии (*animi magnitudo*), благочестии (*pietas*), рассудительности (*prudencia*), неодолимой стойкости (*invicta constantia*), беспредельной доброте (*imminuta benignitas*), справедливости (*iustitia*), кротости (*clementia*), решительности (*firma deliberatio*). Из всех них на передний план выступают те, которые характеризуют его христианскую доблесть. Выше уже говорилось кое-что о необычайной стойкости Пия в борьбе с врагами религии и церкви, о его готовности пожертвовать своей жизнью. Укажем еще на несколько эпизодов, свидетельствующих о том же.

Во время длительных и трудных переговоров с французскими посланниками папа неожиданно почувствовал острый приступ болей в желудке, вдобавок к этому его стал

---

¹⁴³ В автоэпитафии, отрывок из которой приведен в прим. 29, в заслугу папе ставятся также написание исторического труда (*historiam scripsit*) и другие успехи в словесности: "*conjunxit epistola*

сотрясать сухой кашель. Состояние его было настолько серьезным, что медики начали сомневаться в благополучном исходе болезни. Французы же, услышав о случившемся, заявили, что это никакая не болезнь, а притворство, задуманное для того, чтобы отменить аудиенцию. Тогда Пий сказал себе: "Даже если мне предстоит умереть на середине выступления, я отвечу этим зловредным посланникам, и не победит боль мой дух, и не заставит меня болезнь выглядеть испугавшимся " (III,38). И он принял французов и наголову разбил их в споре. Последним ничего не оставалось, как покинуть дворец, негодуя и извергая угрозы. Сам же папа возвратился в свой покой совершенно выздоровевшим: его горячая речь изгнала боль. Так, заключает автор, рискуя жизнью, он спас честь престола. Христианской доблестью и благочестием проникнуты все деяния понтифика - и его борьба против "греха симонии", и организация пышных религиозных празднеств, и назначение новых кардиналов во благо и процветание церкви. Однако, наряду с этим, многие его дела и поступки несут на себе печать иного рода, оказываются выражением *virtu* древнего героя. Не раз в самые трудные минуты папа проявляет завидную отвагу, и это, в конечном счете оказывает решающее воздействие на исход событий. Так однажды смелость и мужество Пия спасает Рим от мятежников.

Едва пробудившись после дневного сна, папа услышал на улице шум и в ответ на свой вопрос, что происходит, узнал о вступлении заговорщиков под предводительством Тибурция в город и о всеобщем страхе и оцепенении, охватившем его жителей. Пий, ни на минуту не теряя присутствия духа, возразил на это: "Ерунда, никакой опасности нет. Мы знаем, что думают горожане. Они хотят, чтобы ими правил Римский понтифик, а не разбойники. Тибурций будет схвачен, если не спасется бегством или в укрытии. Он сам себе свил веревку. [...] Этот день будет последним для заговорщиков" (V,2). После этих слов папа, не раздумывая, перешел к энергичным действиям, возглавив борьбу с мятежниками.

Победа оказалась, как он и предрекал, скорой и радость, принесенная ею, необычайной. Повсюду слышались восклицания, славившие понтифика: "Хвала Пию, который избавил нас от такой страшной опасности!" (Ibid.).

Папа горячо любит свою родную Сиену и готов сделать все возможное для ее процветания. Он говорит об этом в одной из речей, обращенных к землякам, заверяя их, что всегда помнил о своем отечестве (II,21). С величайшим почтением Пий относится к памяти своих родителей. Он заказывает им великолепное надгробье из белого мрамора и сам

составляет двустороннее, впоследствии на нем высеченное¹⁴⁴. Трогательная память папы о предках порой обнаруживается самым необычным образом. Так он однажды заказал известному оружейнику три бомбарды, назвав их в честь отца - Сильвией, в честь матери - Викторией и в свою собственную - Энеей (V,21).

Открытый финал: начало 13-й книги. Автобиографический образ, созданный Пием, несет в себе явные следы незавершенности. "Дело жизни" папы, крестовый поход против турок, ко времени окончания им 12-й книги все еще только маячит перед его мысленным взором. Тем не менее он оказывается вынужденным поставить точку, завершив свой рассказ словами "от автора": "Вот то, что нам следовало написать о его деяниях до начала шестого года его понтификата, в двенадцати книгах [...]" (XII,42). Но потом, очевидно после того, как принимается окончательное решение о начале крестового похода, папа намеревается продолжить свой труд, дополнив его частью, посвященной истории турецкой войны, "если жизнь даст время". "Мы включим в нее, - раскрывает дальше автор свой замысел, - не только то, что относится к войне с турками, но и современные деяния папы и других государей, и народов, которые достойны передачи потомкам" (XIII). Планам Пия, однако, не дано было осуществиться. Последние слова "Записок" сообщают о его отъезде в Анкону, откуда он должен был отправиться в поход. Очень важный в смысловом отношении момент жизни героя, таким образом, оказывается несостоявшимся и неопианным.

4. Личность автора в "Записках": проблемы и исследования

Выраженный автобиографизм "Записок о достопамятных деяниях" дает обильный материал для разнообразных суждений о том, как и каким изображает себя в них автор. Первые опыты выяснения этих вопросов относятся еще к прошлому веку¹⁴⁵, однако наиболее значительные исследования подобного рода появились сравнительно недавно.

В послевоенное время к проблеме "самоизображения" ("Selbstdarstellung") Пия обратился немецкий философ-позитивист Г.Бурк¹⁴⁶. В своей небольшой, но очень емкой работе он обозначил чрезвычайно широкий круг тем: от истолкования понятия "автобиография" и определения ее форм (здесь ученый явно следует за теоретическими построениями В.Дильтея) до интерпретации названия сочинения папы, принципов построения

---

¹⁴⁴ Silvius hic iaceo conjunx Victoria mecum est/ Filius hoc clausit marmore papa Pius (II, 23). Папа перенес прах отца из Сьены в Пиенцу, где находилась могила матери.

¹⁴⁵ См.: Lesca G. Op.cit. P.382-408.

¹⁴⁶ Burck G. Selbstdarstellung und Personenbildnis bei Enea Silvio Piccolomini (Pius II). Basel; Stuttgart, 1956.

его сюжета и отдельных эпизодов. Что касается главного, фигуры протагониста, то она очерчивается крайне бегло и односторонне - автора исследования, очевидно в силу давней традиции, интересует преимущественно политическая деятельность Пия и та часть его "Я", которая с ней связана. В целом же, выводы, к которым приходит Г.Бурк не отличаются ни глубиной, ни особой оригинальностью - многое он повторяет вслед за Г.Фойгтом, Дж.Леской и некоторыми другими учеными старой школы. Возможно, что причиной этого, кроме прочего, является и обилие проблем, которые исследователь берется разрешить с почти математической точностью, и его явно недостаточное знакомство с источником¹⁴⁷.

Совершенно иной характер имеет работа Л.Тотаро, опубликованная через два десятилетия после книги Г.Бурка¹⁴⁸. Это внимательное, шаг за шагом, прочтение начального текста "Записок", имеющее целью выявить личностные характеристики их героя: его природные дарования, сущность его *virtu*, отношения с Богом, обрисовать контекст, в котором эти характеристики проявляются. Автор видит также свою задачу в том, чтобы прояснить замысел создателя "Записок", "архитектуру труда как важнейший момент более обстоятельного изучения отдельных эпизодов жизни Пия II и его понтификата, которые в них описаны"¹⁴⁹. И хотя последнее не вполне удастся итальянскому ученому, с уверенностью можно утверждать, что, в целом, проделанная им работа явилась весьма важной и в ней имеется немало новых наблюдений, особенно в заключительной части, где Л.Тотаро говорит о двойственности образа Пия, на страницах его сочинения одновременно представленного и мучеником и триумфатором. Впрочем, вклад исследователя в прочтение "Записок", пожалуй, мог бы быть и большим, не уходи он слишком часто от интерпретации текста в малоинтересный с научной точки зрения пересказ его содержания.

В чем-либо подобном трудно упрекнуть М.Гульельминетти, посвятившего сочинению Пия несколько страниц в своей истории итальянской автобиографии от Данте до Челлини¹⁵⁰. Не склонный укладывать сложный и противоречивый процесс развития автобиографического жанра в прокрустово ложе теоретических схем, он лишь исходит из гипотезы о существовании в итальянской литературе традиции, восходящей к Августину, и, основываясь на ней,

---

¹⁴⁷ Ученый пользовался "выхолощенным" изданием "Записок" 1614 г.

¹⁴⁸ Totaro L. Pio II nei suoi "Commentarii": Un contributo alla lettura della autobiografia di Enea Silvio Piccolomini. Bologna, 1978.

¹⁴⁹ Ibid. P.8.

¹⁵⁰ Guglielminetti M. Memoria e scrittura: L'autobiografia da Dante a Cellini. Torino, 1977. P.210-225.

анализирует целый ряд ренессансных автобиографических сочинений¹⁵¹. Главное, что его заботит, - как, опираясь на какие литературные модели, итальянские авторы XIII-XVI вв. рассказывали о себе.

Пий, говорит он, не случайно был единственным, кто избрал себе в качестве образца для подражания форму "Записок" Цезаря. Она наиболее соответствовала замыслу папы поведать миру о своих деяниях, хотя и не могла стать предметом буквального копирования. Между обеими "Записками" существует то же самое соотношение, что и вообще между сочинением гуманиста и его античным образцом, который оказывается не моделью, "которой во всем рабски подражали, но, скорее, с которой соперничали по законам тончайшей эстетической риторики гуманистов"¹⁵².

У Пия, однако, предметом подражания оказывается не только форма сочинения Цезаря, но и он сам, а в некоторых случаях обнаруживается еще и другая идеальная модель, служащая ему образцом - Иисус Христос. Образ героя "Записок о достопамятных деяниях", включает ученый, вообще выглядит чрезвычайно многоликим: то оратор, то государь, то святой и в итоге - некая "промежуточная фигура мученика по необходимости"¹⁵³.

Даже такой краткий обзор этих трех работ¹⁵⁴ позволяет заключить, что в "личностном" подходе к изучению "Записок" немало сделано. Однако очевидно и другое. Исследования Бурка, Тотаро, Гульельминетти демонстрируют по преимуществу литературоведческий взгляд на произведение. Этих ученых интересует не столько фигура Пия сама по себе, сколько то, как он рассказывает о своей жизни, какие литературные образцы использует. Вопросы, связанные с его самосознанием, при этом, конечно, в их анализе присутствуют, но лишь как третьестепенные, проходя. "Записки" же при этом предстают как произведение изящной словесности, а не как документ, в котором нашли отражение представления автора о самом себе.

---

¹⁵¹ Ученый заявляет, что своим подходом к проблеме его работа обязана идеям "великого Бахтина" (*grande Bachtin*), в частности, высказываниям о природе автобиографической памяти (*Ibid.* P.VII, XX).

¹⁵² *Ibid.* P.213.

¹⁵³ *Ibid.* P.224.

¹⁵⁴ К этим основным исследованиям примыкает еще одно, Арнольда Эша, посвященное исключительно политической деятельности Пия. В нем автор занят сверкой того, что рассказывается о ней в "Записках" с действительными историческими фактами: Esch A. Enea Silvio Piccolomini als Papst Pius II: Herrschaftspraxis und Selbstdarstellung // *Lebenslehren und Weltentwürfe im Übergang vom Mittelalter zur Neuzeit*. Göttingen, 1989. P.112-140.

<ИЛЛЮСТРАТИВНАЯ ВСТАВКА. ФРЕСКИ ПИНТУРИККО В БИБЛИОТЕКЕ ПИККОЛОМИНИ В СЬЕНЕ>

ГЛАВА 3. ПОДРАЖАНИЕ БИОГРАФИЧЕСКИМ МОДЕЛЯМ АНТИЧНОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИЙ

Задача анализа текста "Записок", проделанного в предыдущей главе, сводилась, в основном, к тому, чтобы разделить его автобиографическое содержание на отдельные смысловые части, выявить доминирующие темы и сюжеты, другими словами, схематично, в общих чертах обозначить, *что* говорится в нем о жизни протагониста. При таком подходе фигура автора как бы оставалась в тени и его активная роль в конструировании образа Энея-Пия не принималась во внимание. Речь шла о герое произведения так, словно он существует в нем самостоятельно. Однако очевидно, что именно эта авторская роль и представляет для нашей темы особый интерес. Чрезвычайно важно не только что, но и как Пий рассказывает о себе, чем руководствуется, отбирая те или иные сюжеты, каким образом соединяет их, воссоздавая единое целое собственной жизни. Кое-что, впрочем, об этом уже говорилось выше. Как явствует из "Предисловия" к сочинению, папа не "просто" описывает свою жизнь, но создает автоапологию, житие одного из "знаменитых первосвященников", т.е. явно приукрашивает и идеализирует ее. Что, однако, означает в данном случае идеализация автором собственной жизни, какова ее природа? Какими идеалами "руководствуется" Пий, создавая свой собственный лик? Каким моделям жизненного пути следует? На кого хочет походить в глазах потомков? С такими предварительно сформулированными вопросами снова обратимся к "Запискам".

1. Древние герои (Цезарь, Эней)

Констатация того, что сочинение Пия несет на себе печать античной исторической, точнее, историко-географической традиции, давно уже стала "общим местом" в литературе о папе-гуманисте. Подмечен не только целый ряд внешних признаков, сближающих его с трудами Ливия, Страбона, Саллюстия, Плиния, но и прямые заимствования у этих авторов¹⁵⁵. Не вызывает, в общем, сомнения и то, что непосредственным образцом для подражания Пию

---

¹⁵⁵ Garin E. *Ritratti di umanisti*. Firenze, 1967. P.20; Guglielminetti M. *Memoria e scrittura*. Torino, 1977. P.219; Pius II. *The Commentaries*. Vaticano, 1984. P.634, note 22 et al.

служило все же одно произведение - знаменитые *Commentarii* Цезаря¹⁵⁶, широко известные в гуманистической среде еще со времен Петрарки¹⁵⁷.

Близость обеих "Записок", действительно, слишком очевидна и слишком многопланова, чтобы допустить какую-нибудь случайность, и прежде всего здесь обращает на себя внимание сходство названия¹⁵⁸. Однако между ними, несомненно, существует и более глубокое родство. Укажем на общую специфическую манеру рассказа о себе "в третьем лице", восходящую, по-видимому, в обоих случаях к "Анабасису" Ксенофонта¹⁵⁹, упорство Пия в употреблении античных топонимов и этнонимов, в результате которого в его сочинении как бы вновь оживают Галлия и галлы, франки, атребаты, наконец, на близость жанра обоих "Записок", который можно было бы назвать историко-географическим и автобиографическим (у Пия с большим акцентом на последний компонент). Действительно, и там и тут центральное место занимают события исторические: войны, перипетии дипломатической борьбы, в фокусе которых, как правило, находится главный герой, но кроме этого содержатся экскурсы в прошлое, пространные описания различных местностей, нравов и обычаев населяющих их народов, порой составленные как будто по одному и тому же плану¹⁶⁰. Но самое удивительное сходство обнаруживается между героями обоих произведений.

Как и Цезарь, Пий изображает себя стоящим во главе огромного войска полководцем, принявшим участие во многих победоносных сражениях и готовящимся к величайшей из всех войн. И хотя одержанные им победы не столь блестящи, воинская доблесть и отвага обоих военачальников все же вполне сопоставимы.

---

¹⁵⁶ Развернутую аргументацию этого утверждения см.: Burck G. *Selbstdarstellung und Personenbildnis bei Enea Silvio Piccolomini (Pius II)*. Basel; Stuttgart, 1956. S.10-13.

¹⁵⁷ Любопытно, что Петрарка еще приписывает авторство произведения современнику Цезаря (Petrarca F. *Prose*. Milano, 1955. P.VII.), однако у Пия его автобиографический характер уже не вызывает серьезных сомнений. Об особом внимании к фигуре древнеримского полководца кроме прочего свидетельствуют также несколько посвященных ему поэтических сочинений Энея - Piccolomini E.S. *Opera inedita / A cura di G.Cugnoni*. Roma, 1883.P.342-370.

¹⁵⁸ Созвучие обоих названий многократно усиливает близость авторской интенции Пия и Цезаря. По свидетельству Авла Гирция "Записки о галльской войне" были написаны с тем, чтобы дать будущему историку сведения "о столь важных деяниях" (BG VIII, praef. Здесь и далее русский текст сочинений Цезаря цит. по: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об африканской войне / Пер. и комм. М.М.Покровского. М.;Л., 1948). Ср. у Пия - "Записки о достопамятных деяниях", а также предисловие к его сочинению.

¹⁵⁹ Berneti G. *Saggi e studi sugli scritti di Enea Silvio Piccolomini, papa Pio II (1405-1464)*. Firenze, 1971. P.13. Отметим, что у христианина Пия этот прием выполнял важную оправдательную функцию, служба "крайним средством от греха гордыни" (Guglielminetti M. *Op.cit.* P.212). См. подробнее: Зарецкий Ю.П. Смертный грех гордыни и ренессансная автобиография // Средние века. М., 1992. Вып. 55. С.185-194.

В предыдущей главе уже говорилось о фигуре папы-воителя, вырастающей со страниц "Записок". Добавим здесь к сказанному еще один штрих. Придавая этому образу законченность, автор приводит текст хвалебного стихотворения Кампано, посвященного Пию, которое начинается одой папе-победителю: "Не удивительно, что Пий одержал победы в стольких сражениях/ И рука его врагов обессилела [...]". Дальше поэт разъясняет, что эту свою победоносность он получил в наследство от матери, носившей имя Виктория¹⁶¹.

Героев обоих сочинений сближает еще и исключительное душевное благородство, величайшая справедливость и милосердие - словно папа преследует в своей жизни ту же самую цель, что и древнеримский полководец: превосходить других людей не только воинской доблестью, но также гуманностью и правотой¹⁶². Он проявляет необычайное великодушие по отношению к побежденным, выступает арбитром в спорах, всегда стремясь разрешить их ко всеобщему благу и т.п.

Создавая свой лик полководца, Пий не ограничивается подражанием автобиографическому герою Цезаря. Перед ним маячит образ великого римлянина во всей его полноте, в том виде, который донесла до него античная традиция, прежде всего, в лице Плутарха и Светония. И важнейшие всем известные моменты биографии римского полководца повторяются в своеобразно модифицированном виде в автопортрете Пия.

Он, оказывается, не только величайший военачальник, мудрый и справедливый правитель, но и знаменитый оратор, именно своей выдающейся элоквенции обязанный стремительной карьерой¹⁶³. При этом и речи Цезаря, обращенные к его солдатам, и речи Пия перед его "христолубивым воинством" оказываются поразительно созвучными не только по своему духу, но и по стилю, и по своей чудодейственной силе: холодные ранее сердца бойцов вдруг загораются ярким огнем. Читаем у Цезаря (после его обращения к войску перед походом на Ариовиста): "Эта речь вызвала удивительную перемену в настроении всего войска

---

¹⁶⁰ Особенно показательны в этом отношении описания Британии и бриттов у Цезаря (BG, 12-14) и рассказ о Скотии и нравах скоттов у Пия (Commentarii, I,6).

¹⁶¹ Quod victore Pio fieri tot prelia cernas
Invalidasque suis hostibus esse manus,
Ne mirere: Pium peperit Victoria mater,
Matris ab uberibus vincere sic didicit. (IX,1)

¹⁶² BG 1,32.

¹⁶³ Ср. рассказы об успехах первых выступлений Энея (I, 3, 8, 13, 14, 16, 20) с сообщениями Плутарха (Цез. IV) и Светония (Юл. 55) о своем герое, который "еще не занимая ни одной должности [...] обратил на себя внимание силой и блеском своего красноречия" // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М.Л.Гаспарова. М., 1964. С.469-470.

и пробудила весьма большую бодрость и боевой пыл"¹⁶⁴. И у Пия: "[...]Выступление Энея внезапно вновь зажгло в душах у всех боевой огонь" (1,27)¹⁶⁵.

Параллели меду двумя биографическими образами легко продолжить: в жизни обоих героев особую роль играют небесные силы, то непосредственно вторгаясь в ее течение, то являясь в виде разного рода знамений и предсказаний¹⁶⁶. Потом оба они - правители Рима, оба носят звание "верховного жреца", pontifex maximus, (Пий именует себя в "Записках" почти всегда именно так, а не папой). К тому же, помимо этих внешних признаков сходства, между ними, видимо, существует самое что ни на есть прямое родство по крови. Еще Я.Буркхард заметил, что постоянно указывая на свое римское происхождение, Пий явно пытается доказать, будто является потомком древнего рода Юлиев¹⁶⁷. И рассказывая об отдельных эпизодах своей биографии, папа изображает их разительно похожими на те, которые всем известны благодаря многочисленным *vitae Caesaris*, превращая таким образом собственную жизнь в своеобразное повторение некогда прожитой великой жизни.

Во время его второго путешествия на Британские острова (в Шотландию) (1,5) с Энеем происходит почти буквально то же самое, что случилось с Цезарем при его второй переправе в Британию: корабль мореплавателя сначала был далеко отнесен штормом на Восток (у Цезаря - сильным течением), но потом, благодаря неожиданной перемене ветра и вопреки дурным предчувствиям, все же счастливо достиг желанного берега¹⁶⁸.

---

¹⁶⁴ Весь этот отрывок у Цезаря (BG I,41): *Hac oratione habita mirum in modum conversae sunt omnium mentes summaque alacritas et cupiditas belli gerendi inlata est princepsque decima legio per tribunos militum ei gratias egit, quod de se optimum iudicium fecisset, seque esse ad bellum gerendum paratissimam confirmavit* (Здесь и далее сочинения Цезаря на латыни цит. по: Caesar, Caius Iulius. *Commentarii* / Ed. A.Klotz. V.1-2. Lipsiae, 1957).

¹⁶⁵ И у Пия (*Commentarii* I,27): [...] *Locutio Enee omnium repente animi in priorem belli gerendi ardorem rediere. [...] Orationem Enee ab omnibus laudatam multi transcribere, et secundum eam ratisonense decretum de bello gerendo innovatum est, et Hengaris auxilium promissum equitum decem milium, peditum triginta duorum milium, statutumque ut ad cesarem electores imperii ceterique Germanie principes in festo Pentecostes proximo sese conferrent, ut que reliqua essent ad expeditionem maturandam ibi absolverentur.*

¹⁶⁶ Ср. примеры небесного вмешательства в жизнь Энея-Пия, о которых говорилось выше в гл.3, с рассказами Плутарха (Цез. 32, 43, 47, 63, 69) и Светония (Юл. 7, 32, 81, 88).

¹⁶⁷ Буркхардт Я. Указ. соч. С.221 прим.

¹⁶⁸ Ср. BG V, 8: [...] *Solis occasu naves solvit et leni Africo profectus, media circiter nocte vento intermisso cursum non tenuit et longius delatus aestu orta luce sub sinistra Britanniam relictam conspexit. Tum rursus aestus commutationem secutus remis contendit, ut eam partem insulae caperet, quia optimum esse egressum superiore aestate cognoverat.*

И *Commentarii*, 1, 5: [...] *Dum Scotiam petit in Norvegiam propellitur, duabus maximis iactatus tempestatibus, quarum altera quattuordecim horas mortis metum incussit, altera duabus noctibus et una die naven concussit atque in fundo perfregit; adeoque intra oceanum et septentrionem navis excurrit, ut nulla iam celi signa naute cognoscentes spem omnem salutis amitterent. Sed adfuit divina pietas, que suscitatis aquilonibus navim ad continentem reppulit ac duodecimo tandem die terram Scotiam patefecit.*

Поразительно напоминает соответствующее место "Записок" Цезаря (так называемые "споры о жречестве") и описание Пием перипетий борьбы за звание "верховного понтифика", развернувшейся на конклаве 1458. "Более богатые и влиятельные члены коллегии, - свидетельствует он, - оказывали давление на остальных и стремились заполучить папство себе или своим друзьям, а некоторые, отбросив в сторону всякое приличие, защищали свои собственные кандидатуры, уверяя в своем праве на папство. [...]Каждый восхвалял самого себя. Их настойчивость была удивительной, их энергия безграничной. Они не имели ни дневного отдыха, ни ночного сна. [...]Туника Христа продавалась здесь в отсутствие самого Христа" (1,36). В "Записках о гражданской войне": "В ежедневных спорах относительно жречества Цезаря Домиций, Сципион и Спинтер Лентул уже доходили до тягчайших словесных оскорблений, причем Лентул хвастался преимуществом, которое ему дает возраст. Домиций хвалился популярностью и авторитетным положением в Риме, а Сципион полагался на свое родство с Помпеем. [...]В конце концов все хлопотали либо о своих почестях, либо о денежных наградах, либо о преследовании своих врагов и помышляли не о том, какими способами они могут победить, но о том, какую выгоду они должны извлечь из победы" (BC III, 83)¹⁶⁹. В обоих случаях, как видим, говорится словно об одном и том же - о недостойных кознях соперников главного героя, озабоченных тем, чтобы заполучить себе место pontifex maximus, уготованное ему самому.

Наконец, по одной и той же схеме составлены описания триумфов, которыми встречают Цезаря и Пия жители Рима и других городов¹⁷⁰. Пий, впрочем, в рассказах о всеобщем ликовании народа при своем появлении заходит гораздо дальше Цезаря. В его "Записках" они более многочисленны и куда более торжественны, сопровождаются постоянными заверениями автора в том, что прежде земля Италии не видела ничего подобного¹⁷¹, как будто тем самым он хочет сказать, что его собственное величие не только сравнимо с величием Цезаря, но и превосходит его.

Помимо парадигмы Цезаря, конструируя свой автобиографический образ, Пий явно следует и другой, прочерченной жизнью мифического Энея. Он не устает повторять, что его имя было им получено не случайно, что род Пикколомини относится к числу древнейших и происходит из Рима, что его деда звали Энеем Сильвием, а отца Сильвием (1,1). Все это звучит в его устах прямым указанием и на родство с основателем Рима и на соизмеримость их

---

¹⁶⁹ См. об этой аналогии: Guglielminetti M. Op. cit. P.213-214.

¹⁷⁰ Ibid. P.215-217.

¹⁷¹ К уже приведенным в гл.3 примерам добавим еще один. После избрания Энея папой старики говорили, что "никогда не видели подобного воодушевления у жителей Рима" (I, 37).

доблести и их деяний, несущих славу Вечному Городу. К тому же оба в жизни одинаково зовутся "благочестивыми", *pīus*¹⁷². Схожи и судьбы двух Энеев. В молодости и тот и другой из-за разразившейся войны отправляются в долгие странствия, полные опасностей и разнообразных приключений. В этих странствиях проходит первая часть их жизней, завершающаяся воцарением в Риме. Начало второй, главное содержание которой составляют битвы и победы, у обоих сопровождается внутренней метаморфозой, перерождением во имя будущего¹⁷³. И некоторые автобиографические моменты, переданные Пием, на поверку оказываются ни чем иным, как добросовестным пересказом соответствующих мест "Энеиды".

В 3-й главе I-й книги он приводит короткий рассказ о чудесном спасении Энея во время морского путешествия в Геную. Едва отойдя от берега, Эней и его спутники, "сильнейшими бурями бросаемые", были отнесены к Ливии и лишь чудом не попали в руки варваров - ветер, неожиданно поменяв направление, пригнал корабль обратно к побережью Италии. Все это, замечает автор, поистине достойно удивления (*mirabile dictu*), ибо за один день и одну ночь путешественники, пройдя между Эльбой и Корсикой, едва не достигли Африки и, теперь уже пройдя между Корсикой и Сардинией, возвратились обратно. Почти буквально то же самое некогда случилось в этих же водах с героем Вергилия, который, однажды выйдя в море, так же был застигнут бурей и так же отнесен затем сильным попутным ветром назад к Италии¹⁷⁴.

Пий, конечно, вовсе не стремится изобразить своего автобиографического героя точной копией Энея Вергилия, что, впрочем, и невозможно в принципе. Прямым аналогиям он часто предпочитает тонкие и изящные намеки и исторические аллегории. Подробно рассказав о невиданных торжествах по случаю его избрания папой, автор дополняет свое описание пассажем, который неожиданно соотносит все происходящее с событиями давно минувших дней. "Еще недавно бывший городом Марса, - говорит он о Риме, имея в виду его участие в недавних военных событиях, - он превратился в город, я не скажу Венеры, *матери того древнего троянца Энея* (курсив мой, Ю.З.), но Мира и Покоя[...]" (I, 37). В другом месте древний Эней и Эней новый соотносятся еще более непосредственно. Это фрагмент

---

¹⁷² Из всех эпитетов, которыми награждается герой "Энеиды", *pīus* - наиболее частый (см. об этом: Гаспаров М.Л. Вергилий - поэт будущего // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979. С.31; Дератани Н.Ф. Вергилий и его "Энеида" // Вергилий. Энеида / Пер. В.Брюсова и С.Соловьева. М.;Л., 1933. С.16.

¹⁷³ О герое Вергилия см.: Гаспаров М.Л. Указ. соч. С.28-32. Заметим, что метаморфоза, произошедшая с героем "Записок", не менее удивительна. Из ученого секретаря, служившего самым разным хозяевам, оратора и поэта он становится "наместником Божьим", призванным защитить христианский мир от нависшей над ним смертельной угрозы.

¹⁷⁴ Verg. Aen. V, 1-34.

рассуждений Пия в связи с выбором им места для съезда, на котором следовало принять историческое решение о начале величайшей войны в защиту христианской веры. "Говорят, - замечает он, - что в очень древних писаниях пророков, которые предсказывают правление Римских первосвященников, в пророчестве о Пие II обнаруживаются следующие слова: "И ты, Мантуя, да будешь превознесена. Так угодно богу и его воля непоколебима. Мантуанец Вергилий воспел троянца Энея, *сиенец Эней возвеличил родной город Вергилия*" (курсив мой, Ю.З.). И добавляет в заключение: "По этой причине, а также из-за удобства места, папа предпочел Мантую" (II, 2).

О сходстве обоих Энеев говорит и язык "Записок", временами становящийся простой калькой с языка поэмы Вергилия. Среди огромного количества заимствований из "Энеиды"¹⁷⁵ особенно показателен знаменитый неологизм римского поэта *mirabile dictu* - он почти всегда присутствует в тех местах, где говорится о чудесных приключениях героя¹⁷⁶. Пий, таким образом, превращает свое сочинение в некую новую "Энеиду", новое описание подвигов и превратностей судьбы любимца богов Энея, очень похожего на того, с которым некогда пел поэт и одновременно непохожего, живущего в другие времена, сегодняшнего.

Заметим в заключение, что прослеженные нами в "Записках" "парадигма Цезаря" и "парадигма Энея" при всех их различиях все же находятся в единой системе координат античной культуры и поэтому достаточно близки друг к другу. Они даже как будто исходят из одной точки - ведь оба древних героя состоят в кровном родстве: как известно, Цезарь считал, что род Юлиев восходит к сыну Энея Юлу¹⁷⁷.

2. Святые (христианский воин, мученик, Иисус)

Создавая свой собственный автобиографический образ, Пий, разумеется, не может ограничиться исключительно идеальными моделями, подсказанными ему античностью. Его положение папы, "первого христианина" и его христианская душа требуют и иных образцов для подражания, лежащих в русле средневеково-христианской традиции.

Уже отмечалось стремление автора "Записок" подчеркнуть, что их герой носит имя Эней не случайно - через него он как бы наследует величие того мифического Энея, его

---

¹⁷⁵ В ватиканском издании "Записок" (Pius II. *Commentarii rerum memorabilium que temporibus suis contingerunt* / Ed. A. van Heck. Vaticano, 1984) тщательно прослежены многочисленные параллельные места и скрытые цитаты из "Энеиды", анализ которых дает основания утверждать: ни один автор не был так же близок Пию-рассказчику о своей жизни, как Вергилий.

¹⁷⁶ *Commentarii* I,3 et al.

доблесть и славу; кроме того, оно в значительной мере предопределило его жизненный путь. Но ведь нареченный Энеем и по отцу Сильвием он получил и третье имя, святого апостола Варфоломея, умершего страшной смертью за христианскую веру¹⁷⁸. И это имя, несомненно, накладывает глубокий отпечаток на облик и судьбу героя "Записок".

В первой книге образ Энея-христианина не имеет еще конкретных очертаний. Строя его, автор ограничивается общеупотребимым набором тем и сюжетов, своеобразных клише, призванных свидетельствовать с богоизбранности героя "Записок" и небесном покровительстве ему (см. выше гл.2 ...)¹⁷⁹. И лишь в дальнейшем контуры этого образа становятся более конкретными, уже после того, как Эней становится Пием. Он совершает великое множество богоугодных дел: отстаивает чистоту христианского вероучения в борьбе с гуситами, обращает в лоно католической церкви некоторых главнейших манихеев, выступая непримиримым защитником христианской морали, сурово осуждает порок, успешно борется с людскими грехами, используя свой чудесный дар предвидения. При этом папе-герою вовсе не чужды такие христианские добродетели, как кротость и смирение. Однажды в ответ на льстивые похвалы французских послов в свой адрес он произносит длинную самоуничижительную тираду, в которой называет себя "жалким червем" (*vermiculum*) и говорит, что "взошел на кафедру святого Петра не благодаря своим достоинствам, но по некоей неисповедимой воле господней" (III, 36)¹⁸⁰.

Фигура папы-христианина, так же как и фигура папы-древнего героя, изображается в "Записках" не по одной, а по двум или даже трем заданным моделям жизненного пути: христианского воина-победителя и великомученика, отдающего собственную жизнь во искупление человеческих грехов. Папа, стоящий во главе "христолюбивого воинства", разящий многочисленных врагов Рима и готовящийся к своему главному сражению, явно уподобляется автором не только Цезарю, но и Георгию Победоносцу, богатырю-заступнику

---

¹⁷⁷ См. хорошо известный отрывок из речи Цезаря на похоронах своей тетки Юлии - Свет. Юл. 6.

¹⁷⁸ По одной из наиболее распространенных версий апостол Варфоломей погиб, проповедуя христианскую веру в Азии. У Пия: "[...] с которого варвары индусы содрали кожу" (I,2).

¹⁷⁹ Автобиографический рассказ Пия о начальном этапе его жизни во многом перекликается с "житиями пап", созданными его современниками. Ср. напр. рассказ Бистиччи о Николае V: *Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV. Firenze, 1859. P.20-33.*

¹⁸⁰ Заметим, что самоуничижительные мотивы в целом не характерны для высказываний героя "Записок". Их появление в этом эпизоде, видимо, не столько фиксирует его самооценку, сколько "работает" на раскрытие вполне конкретного сюжета, играет роль риторического приема, которым умело пользуется папа дабы нанести своим противникам неотразимый удар - см. финал этого эпизода выше в гл.2.

христианской веры¹⁸¹. В раскрытии этого образа особую роль играет доминантная в сочинении тема борьбы с турецкой опасностью.

Он призван Богом поднять христиан против неверных, отразить страшную беду, нависшую над греко-римским миром и над всей Европой, и во исполнение этого своего призвания не щадит никаких сил. Едва взойдя на престол, Пий провозглашает, что "среди всех забот, охвативших его душу, не было более важной, чем поднять христиан против турок и пойти на них войной" (II, I). И впоследствии раз за разом повторяет, что готов идти до конца и ни за что не отступится от намеченной цели. Эта богоугодная решимость папы подтверждается его энергичными дипломатическими усилиями, рассказ о которых занимает значительную часть "Записок".

Особый сакральный смысл несет и борьба их героя с прочими врагами церкви. Она предстает как борьба Добра и Зла, Света и Тьмы, Бога и Дьявола. Противники папы не веруют в Бога, они наделяются нечеловеческими пороками, совершают самые страшные, какие только могут быть, преступления. Принадлежность их силам Ада не вызывает никаких сомнений.

Один из этих чудовищ, Сиджизмондо Малатеста, выступает как "князь всех пороков" (I, 31)¹⁸², отрицающий "не одно или два положения католической религии, но целиком апостольское вероучение" (V, 12). И папа придумывает для злодея невиданный ритуал - он при жизни канонизирует его в дьяволы. "Преступления Сиджизмондо беспримерные для нашего времени, - разъясняет он это свое решение, - требуют нового и беспримерного ритуала. До сих пор не один смертный не спускался в ад, сопровождаемый ритуалом канонизации. Сиджизмондо будет первым, кто окажется удостоенным такой чести. По эдикту понтифика он будет зачислен в адское сообщество демонов и проклятых[...]" (Ibid).

---

¹⁸¹ См. о нем: Аверинцев С.С. Георгий // Мифологический словарь. М., 1990. С.145-146. Здесь же говорится, что эпизод драконоборчества св.Георгия стал пользоваться особой популярностью со времен крестовых походов, явно ассоциируясь с миссией крестоносцев на Востоке, и что позже появились рассказы, будто сам Георгий принял участие в штурме Иерусалима 1099 г., явившись в образе рыцаря с красным крестом на белом плаще.

¹⁸² Пий чрезвычайно подробно и охотно описывает такие преступления своего врага, которые заставляют содрогнуться христианскую душу: [...] avaritie adeo sese dedit, ut non predari tantum sed jurari quoque non vereretur; libidinis ita inpatiens fuit, ut filiabus ac generis vim intulerit; adolescentes sepe nupsit in feminam et sepe muliebria passus. Sepe masculos effeminavit; nulla eum sancta fuere matrimonia; virgines sacras incestavit; iudeas violavit; pueros ac puellas qui ei non consensere aut neci dedit aut crudelibus modi everberavit; mulieres, quarum filios e sacro fonte levavit, complures adulteria polluit carumque viros necavit; barbaros omnis crudelitate vicit: eruenta manus diris suppliciis sontes et insontes affecerunt; pauperos oppressit, divitibus bona diripuit; nec vidi us aut pupillis pepercit. Nemo sub eius imperio securus vixit [...] Sacerdotes odio habuit; religipnem contempsit; de venturo seculo nihil credidit et animas perire cum corpore existimavit (II,32).

Другой, Эверсо, герцог Ангвиллары, также подобен дьяволу, поскольку "не верил в бога и неоднократно говорил, что миром правит случай и что души людей и животных одинаково смертны, [...]был богохульным и жестоким и убить человека для него было так же легко, как овцу" (II, 12). К нему примыкает Сигизмунд Австрийский, inferнальное "чудовище", которое "совершило все возможные преступления" (III, 44)¹⁸³. Сам же Пий выступает в борьбе со своими противниками могучим исполином, "истинным наместником Иисуса Христа, которого отец наделил всякой властью на небе и на земле"¹⁸⁴ (III, 28).

Однажды в ходе переговоров с французами Пий выступил с речью, воздействие которой на слушателей оказалось поразительным: противник был наголову разбит, более того, он безоговорочно принял сторону Рима. Охваченные смущением и залитые краской стыда, французские посланники "ясно показали, что они повержены, и многие из их знатных вельмож и глав посольства, которые раньше поносили понтифика, пали к его ногам и взмолились о прощении" (III, 39). Когда же потом в приватном порядке некоторые из куриалов спросили главу французского представительства, в чем причина столь разительной перемены настроения членов делегации, тот разъяснил ситуацию следующим образом: "Когда тех, в кого вселился дьявол, затаскивают в церковь, они поднимают оглушительный крик, богохульствуют, плюются, кусаются, лягаются", но когда они предстают перед священником, касаются его одежд и удерживаются перед алтарем, "становятся тихими, как мертвые". "То же, - заключает он, - произошло и с нами; когда мы увидели и услышали понтифика Пия, все наше бешенство улетучилось". Дьявол, таким образом, оказывается изгнанным папой из французов. "Прочь! -- Бросает ему вслед посланник -- Мы побеждены" (Ibid).

Воинственность героя "Записок", готовность без устали разить врагов христианской религии и церкви вполне уживаются в нем с другой, казалось бы, противоположной установкой - стремлением к смерти. Папа убежден, что его собственная гибель явится искуплением грехов христиан и поэтому искренне жаждет ее, жаждет мученичества¹⁸⁵. В

---

¹⁸³ В отличие от Малатесты этот Сигизмунд - фигура, не лишенная некоторых достоинств. Однако на весах справедливости их, вне всякого сомнения, перетягивают пороки: "[...] incredibile est quam brevi mutatus fuerit. Ostendit vita quae secuta est adumbrata prius in eo, non expressa fuisse signa virtutis. Cepit rapere et largiri; prolabi in omne seculus; crudelis atque immanis vulnerare necareque sua manu innocentes; loqui sine fine; aliorum verba non audire; vinum magis quam cibum appetere; levitatem in omni actione ostendere; delatoribus credere; adulteros amare; iram non retinere; libidini succumbere; virgines et nuptias prostituere [...]".

¹⁸⁴ Мф 28, 18.

¹⁸⁵ Очевидно, что Пий не мог создать законченный образ папы-великомученика в принципе - иначе ему пришлось бы описывать свою собственную смерть (правда, он все-таки говорит о ней, но лишь кратко и в другом месте - см. автоэпитафию папы). Однако его стремление приблизить жизненный путь героя "Записок" именно к идеалу такого рода не вызывает сомнений (см.:

своих речах он раз за разом повторяет сентенции о "славе мученичества", говорит о желании "подражать нашим предшественникам", о том, что "следует уподобиться тем первым святым, которые отдали свои тела во имя господи"¹⁸⁶. Это упорное стремление к самопожертвованию сближает его не только с образами святых великомучеников, но и с их прототипом - Иисусом Христом. Рассказывая о жизни Энея-Пия, автор не удерживается от того, чтобы тем или иным способом не подчеркнуть ее близость великому идеалу, той жизни и смерти, к которой должен стремиться каждый христианин¹⁸⁷. В речи накануне выступления в поход Пий прямо указывает на свое намерение повторить жизненный подвиг Спасителя: "Мы дадим вам пример, - обращается он к кардиналам, - чтобы вы могли поступить точно так же, как поступим мы. Мы же будем подражать нашему учителю и повелителю Иисусу Христу, благочестивому и святому пастырю, который без колебаний отдал за своих овец душу. Отдадим и мы нашу жизнь за наше стадо, поскольку иначе мы никак не можем спасти христианскую веру от попрания турецкими воинами"¹⁸⁸.

И отдельные эпизоды жизни героя "Записок" обнаруживают разительную близость евангельским рассказам о жизни Христа. Переправу Пия через Тразименское озеро (II, 19) автор уподобляет происшедшему с Христом на Генисаретском озере (Мф 14, 22-33; Лк 5, 1-8), прибытие его в Феррару (II, 40) - въезд Спасителя в Иерусалим (Мф 21, 1-11, Ин 12, 12-13), а его горестные размышления при виде ликующих жителей Витербо - сказанному в слезах Сыном Божьим. В Евангелии: "И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем и сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это

Guglielminetti M. Op. cit. P.224.). Видимо, наиболее близкими моделями для подражания автору служат уже называвшиеся св.Апостол Варфоломей и христианский воин Георгий (Победоносец). О некоторой двойственности фигуры воина-мученика Георгия, проявившего доблесть не на поле брани, но перед лицом палача см.: Аверинцев С.С. Указ. соч. С.14.

¹⁸⁶ [...] Cessavere martyria et sancti confessores introiere, qui doctrine lumine sanctirisque vite fulgore non minus Christianis plebibus profuerunt quam martyres, vitiis hominum frena ponentes que solent in pace latius evagari. Ab his et ab illis ecclesia nostra magna effecta est, nisi predecessores nostros imitemur qui regnum ecclesie condidere. [...] Ad priores illos accedendum est, qui pro testamento domini sua corpora tradiderunt (XII, 31).

¹⁸⁷ *Imitatio Christi* в изображении героя "Записок" начинает прослеживаться уже в "Предисловии" к сочинению, где автор утверждает, будто Пия ожидает участь схожая с судьбою Сына Божьего (см. об этом выше в гл. 2). Об особой близости обоих свидетельствует и само положение римского папы, "первого христианина" и "наместника Бога на земле". Он - прямой продолжатель дела Спасителя, в чьи руки вверено "стадо" верующих. Заметим, что в ренессансных "жизнеописаниях пап" первым в длинном ряду почти всегда стоит Иисус Христос.

¹⁸⁸ *Exemplum dabimus vobis ut quemadmodum nos ipsi facturi sumus, ita et vos faciatis. Nos autem magistrum et dominum nostrum Iesum Christum, pium et sanctum pastorem, imitabimur qui pro suis ovibus animam ponere non dubitavit. Ponemus et nos vitam nostram pro grege nostro, quando aliter christiani religioni, ne Turcorum viribus conculcetur, subvenire non possumus. Armabimus classem quantam pro*

сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя повсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего" (Лк 19, 41-44). У Пия: "Все это растрогало Пия, исторгнув слезы, и, думая о грядущих бедах, он сказал примерно так: "Вот суровый удел смертных, о разум, не ведающий о будущем! Радостные мужчины и жены рукоплещут нам, девушки и невесты ликуют, прекраснейшая молодежь обоего пола охотно предается веселью, улица полна смеха детей. Но сколько их спасется в роковое лето? Истребит город чума (...) О, плоть, о, человеческая жизнь, какая ты жалкая и брeнная!" (VIII, 9)¹⁸⁹.

Остановимся подробнее на одном отрывке, в котором стилизация "под Христа" особенно характерна по своей манере. Речь пойдет о случае, происшедшем с Энеем в северной Англии, предшествовавшем его чудесному спасению от нападения разбойников (см. выше гл.2). На первый взгляд, он совершенно зауряден - просто мелкая подробность из "записок путешественника".

На исходе дня путник, сопровождаемый проводником, остановился на ночлег в одном крестьянском доме, где отобедал вместе с его хозяином и здешним священником. Прибытие чужеземца вызвало живой интерес жителей деревни, которые, собравшись вокруг обедавших, сначала внимательно их разглядывали, а немного погодя, привлеченные видом необычной пищи, стали выпрашивать съестное. Энею ничего не оставалось, как раздать все свои припасы (I, 6).

Обратим однако внимание на некоторые расставленные автором акценты, позволяющие заподозрить в его рассказе присутствие более глубокого символического смысла. Прежде всего примечательно, что фигура Энея в нем подчеркнута обособлена - он прибывает в дикую и бедную страну, в которой чужими оказываются все ее жители, включая проводника и священника. Они даже зовутся "варварами", хотя так же, как и Эней, исповедуют христианство - словно он единственный из всех истинный христианин¹⁹⁰. Потом автор явно придает особое значение самому предмету вождения англов: "Там, - замечает он, - подавалось к столу много закусок и кур, и гусей, но совсем не было ни хлеба, ни вина[...]" . И

---

facultatibus Ecclesie instuere poterimus. Ascendemus navem, quamvis senes morbisque conquassati. Dabimus vela ventis atque in Greciam et Asiam navigabimus (XII, 31).

¹⁸⁹ См. об этих параллелях: Guglielminetti M. Op. cit. P. 220-221.

¹⁹⁰ Обособленность фигуры путешественника подчеркивается также интересом к нему "дикарей": [...] как наши имеют обыкновение разглядывать эфиопов или индусов, так, изумленные, они пристально рассматривали Энея, расспрашивая священника, чей он, для чего прибыл, сведущ ли в христианской вере" (I, 6).

далее разъясняет, что окружавшие Энея вообще "ранее ни *вина*, ни *белого хлеба* не видели" (в обоих случаях курсив мой - Ю.З.). Наконец, сама тональность и язык этого рассказа с очевидностью свидетельствует о чудесном характере происшедшего. Мужчины и женщины взирали на странника "словно на чудо" (*quasi ad rem novam*). Когда же он достал припасы - "небольшое количество хлеба" и "кувшин красного (*sic!*) вина", - то "вызвал еще большее удивление варваров" (*maior admiratio barbaros tenuit*). "И приближались к столу беременные женщины и их мужья, - заканчивает торжественно эпически свой рассказ Пий, - прикоснулись к хлебу, вкушали запах вина и просили дать им немного; и среди них он вынужден был все раздать". Так этот эпизод обретает еще одно звучание - избранник Божий Эней обращает полудиких англов в истинную веру, единственным хранителем которой является Рим, символически совершая таинство причащения хлебом и вином, телом и кровью Господней. И одновременно он являет чудо, подобное чуду Христа с пятью хлебами¹⁹¹.

3. Цезарь или Христос?

Итак, изображая самого себя, Пий ориентируется на идеальные "образцы", принадлежащие двум культурным традициям: с одной стороны, это античные герои, с другой, - святые¹⁹². Но каким образом соединяются эти столь несхожие лики протагониста "Записок" в

---

¹⁹¹ Мф 14, 15-21; Мк 6, 35-44; Лк 9, 12-17; Ин 6, 8-15.

¹⁹² Выше были рассмотрены основные, хотя далеко не все жизненные образцы, которым следует Пий, изображая самого себя. Укажем здесь, хотя бы пунктиром, еще на некоторые биографические парадигмы "Записок".

Автор свидетельствует, что его герой подобно Петрарке и величайшим служителям Муз древности был коронован лавровым венком императором Фридрихом и после этого долгое время именовался не иначе как "Эней-поэт". И в "Записках", особенно в первой их книге, обнаруживается немало сюжетов, в которых Эней не только действует, но также мыслит и чувствует в полном соответствии с образом античного "мусического мужа". Во время работы конклава 1458 года в ответ на предупреждение одного из членов коллегии о том, что открытое выступление против кардинала Гийома в случае избрания того папой может обернуться для Энея многими неприятностями, герой "Записок" произносит тираду скорее приличествующую Овидию или Вергилию, чем будущему главе церкви: "Ты говоришь, - бросает он, - что трудно не иметь благорасположения папы. Я не испытываю страхов по этому поводу. Знаю, что он не убьет меня за то, что я не голосовал за него. [...] Он не отнимет у меня Муз, которые в несчастье всего милее" (I, 36).

Впоследствии на страницах сочинения мы не раз встречаем образ папы-поэта, как, например, в эпизоде, рассказывающем о празднике св. Андрея, когда Пий импровизирует в составлении двустийший.

После того, как ветер неожиданно разогнал собравшиеся тучи и засверкало солнце (все описанное очень напоминает соответствующее место из "Жизни Вергилия" Доната), все вспомнили старый гимн: *Nocte pluit tota; redeunt spectacula mane. / Divisum imperium cum Iove Cesar habet*. Тогда папа, несколько изменив его слова, прочитал окружающим: *Nocte pluit tota; redeunt tempora nostra. / Nox fuit acta hostis; lux erit ista dei*. И добавил: *Humida preterit tempestas; sicca reversa est/ Nox inimica abiit; luxit amica dies* (VIII, 2).

единое целое, как удастся их автору стилизовать свою собственную жизнь одновременно и "под Цезаря" и "под Христа"?

Соседство языческих и христианских биографических парадигм у Пия выглядит не столь неожиданным, если помнить о некоторых представлениях, широко распространенных в гуманистической среде. Например, о том, что папский Рим является прямым наследником Рима Энея и Цезаря¹⁹³, что вместе с возрождением латинского языка и древней учености произошло и возрождение былого могущества государства, *translatio imperii*¹⁹⁴. В этом случае папа, стоящий во главе крестового похода, вполне может быть одновременно подобен и Цезарю, и христианскому воину. Однако некоторые противоречия между двумя типами парадигм, заложенных в образ героя "Записок", все же присутствуют - проблема слияния языческого и христианского начал в автобиографизме Пия не изжита окончательно. В том или ином виде она не раз проявляется в тексте сочинения, причем иногда о ней говорится вполне открыто. На конклаве, назвавшем Энея папой, кардинал Гийом, обращаясь к другим членам коллегии, бросает в его адрес весьма значимые в этом отношении слова: "И посмотрите на его

В других эпизодах герой "Записок" уподобляется порой персонажам "Декамерона" Боккаччо. Приведем тот из них, в основе которого лежит сюжет новеллы об одной влюбленной даме и священнике ("Декамерон", II, 3), отметив про себя одно различие между рассказами писателей: у Боккаччо даме легко удастся обмануть своего незадачливого духовника, у Пия же коварный замысел сразу раскрывается прозорливым героем. Однажды к папе явилась женщина средних лет, бывшая замужем за богатым и почитаемым человеком, и сказала, будто хочет остаться с ним наедине, чтобы исповедоваться. Пий дал согласие выслушать даму и узнал из ее рассказа, что однажды, когда ее муж был в отъезде, и она сама находилась во внутренней части дома, в комнату вошел человек, лицо которого скрывал платок. Он стремительно заключил ее в объятия и стал целовать, настойчиво пытаясь ею овладеть. Даме, однако, с помощью хитрости удалось ускользнуть из рук нежданного пришельца. На следующий день ей по дороге в церковь повстречался один знакомый молодой человек (папе было названо его имя) и загадочно улыбнулся. Возможно, предположила дама, он и был тем самым ее визитером, после чего попросила папу дабы тот приказал этому юноше больше не приходить и не беспокоить ее. "Понтифик, - читаем дальше, - был приведен в замешательство этой историей и тут же вспомнил сказку Боккаччо, в которой женщина, влюбленная в юношу и не имеющая возможности никаким другим способом сказать ему о своей страсти, идет к своему духовнику и просит его наказать юношу, поскольку тот беспокоит ее, залезая ночью в сад и делая неподобающие предложения. [...] Ни о чем не подозревающий духовник, пытаясь предотвратить грех, способствовал ему. Понтифик рассказал даме эту сказку или, возможно, подлинную историю и промолвил: "Вы очень умная женщина и гораздо более дерзкая, чем дама из сказки Боккаччо. Она сделала сводником своего духовника, вы пытаетесь сделать орудием своей страсти понтифика. [...] Но ваше бесстыдство обмануло вас. Я проклинаю вас! Оставьте эту страсть как можно скорее" (IV, 31).

¹⁹³ Toffanin G. La religione degli umanisti. . Bologna, 1950. P. 7, 8.

¹⁹⁴ Дж. Д'Амико прекрасно продемонстрировал как доказывали этот тезис Лапо да Кастильонкьо, Лоренцо Валла, Джаноццо Манетти и как, наконец, еще через пол столетия Блозио Палладио в речи в честь Льва X прямо заявил, что папы являют собою новых императоров. - D'Amico J.F. Renaissance humanism in papal Rome: humanists and churchmen on the eve of the Reformation. London, 1983. P. 118-121, 127.

писания! Неужели мы посадим на место Петра поэта? Неужели церковь будет управляться по законам язычников?" (I, 36)¹⁹⁵.

В большинстве случаев, однако, текст "Записок" указывает на существование этой проблемы не столь прямолинейно. Особенно показателен здесь ряд однотипных исправлений в начальной рукописи произведения, сделанных, по-видимому, самим автором¹⁹⁶. В тех местах, где Пий поясняет, благодаря каким высшим силам его герою удастся избежать всяческих несчастий и добиться столь блистательных успехов, "милосердие Божие" спорит у него с "фортуной", образ христианина, ведомого небесными силами, с образом язычника, подвластного слепому року¹⁹⁷.

Поведав читателю о том, как Эней получил от своего бывшего противника Евгения IV должность апостолического секретаря, Пий заключает свой рассказ такой сентенцией: "[...]не знаю никакого другого человека, которому настолько же благоволила судьба (*fortunam*), чтобы мог заполучить должность секретаря двух римских понтификов, одного императора и одного антипапы[...]" (I,14). Затем, очевидно заметив слишком явное неблагозвучие сказанного при повторном чтении текста, зачеркивает *fortunam* и вписывает *gratiam Dei*. В других местах он заменяет "судьбу" на "победу", на "успех", но все же чаще всего на "Божью волю" или просто "Бога". Однажды Пий и вовсе "открещивает" своего героя от какой бы то ни было связи с языческой фортуной. В пылу полемики тот бросает противникам: "[...]сам бог наделяет всех властью и положением. Судьба - пустое слово и лживая выдумка язычников" (II,11).

Укажем в заключение на еще одно исправление, свидетельствующее о столкновении в автобиографическом сознании Пия образа древнего героя с образом христианина. Выше уже приводился отрывок, в котором автор разъясняет, почему именно его герой избрал местом сбора христианских государей Мантую. Напомним суть этого разъяснения. В древних пророчествах якобы говорилось, что сиенец Эней возвеличит родной город Вергилия. И

---

¹⁹⁵ Герой "Записок" никак не отвечает на этот выпад своего соперника очевидно потому, что он недостаточно опасен: можно ли всерьез противопоставлять Поэта и Христианина, особенно после всего, что писали в защиту поэтов Боккаччо и его последователи?

¹⁹⁶ То, что эти исправления (все они приводятся в ватиканском издании "Записок") принадлежат Пию, конечно, требует доказательств, лучшими из которых были бы данные графологической экспертизы. Однако из-за невозможности ее проведения ввиду недоступности рукописного текста, ограничимся здесь следующим предположением: едва ли кто из редакторов "Записок" при жизни Пия осмелился бы самочинно внести в них столь существенные смысловые изменения, "пресекающие" его вольности, т.е. без всякой двусмысленности заявить, что он "святее римского папы".

¹⁹⁷ О ренессансном понимании судьбы см.: Кудрявцев О.Ф., Уколова В.И. Представления о фортуне в средние века и в эпоху Возрождения // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в

далее идут такие слова: "По этой причине, а также из-за удобства места, папа предпочел Мантую". Но такой смысл весь фрагмент имел лишь первоначально. Впоследствии путем нескольких исправлений Пий "перевернул" его, снова "открестившись" от языческого начала в поступке своего героя: "Однако не это соображение двигало папой, - читаем в окончательном варианте, - но удобство места [...]" (II, 2).

Заметим также, что сделать себя похожим одновременно на Цезаря, Энея, христианского воина, мученика и другие человеческие типы в автобиографии, конечно, возможно лишь при условии, что изображение собственного жизненного пути не будет слишком совпадать ни с одной из моделей, между ними будет существовать определенное несходство, смысловой зазор. Пий, впрочем, похоже, и не стремится к такому совпадению¹⁹⁸. Он озабочен лишь тем, чтобы изобразить себя подобным им, причем сделать это подобие не слишком прямолинейным и не слишком полным, дать его в виде намека, близости отдельных черт. Отношение между Энеем-Пием в "Записках" и его прототипами по существу оказываются теми же, что и между ренессансным и античным текстом и определяются принципом *imitatio*¹⁹⁹. Специфическое ренессансное подражание оказывается, таким образом, той формой, в которой конституируется не только творческая индивидуальность автора²⁰⁰, но и его личностное самосознание.

ГЛАВА 4. МИФ О САМОМ СЕБЕ

Как мы могли убедиться, Пий изображает себя подобным одновременно целому ряду биографических образов античной и христианской традиции, стремится походить и на древнего героя, и на святого. Но как все это может характеризовать его самосознание, его действительное видение самого себя? Значит это, что он в самом деле воспринимает себя не только папой Пием II, сыном сиенского изгнанника Сильвио Пикколомини, но и в какой-то

средневековой Европе. М., 1983; Кудрявцев О.Ф. Античные представления о Фортуне в ренессансном мировоззрении // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984.

¹⁹⁸ М.Гульельминетти говорит в этой связи, что автор-герой "Записок" лишь по очереди надевает то маску Цезаря, то маску Христа (Guglielminetti M. Op. cit. P. 210-215).

¹⁹⁹ Об идее ренессансного *imitatio* как "топологической и структурообразующей в масштабах всей культуры" см.: Баткин Л.М. Странности ренессансной идеи "подражания" древним: "*imitatio*" или "*inventio*"? // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984. С. 72-107.

²⁰⁰ См. там же. С. 92, 93 и др. Заметим, что к весьма схожим выводам, основываясь на материале французской поэзии XVI в., приходит другой ученый: Carron J.-Cl. *Imitation and intertextuality in the Renaissance* // *New Literary History*. 1988. Vol. 19. N 3.

мере легендарным Энеем, непобедимым Цезарем, святым воином Георгием и самим Иисусом Христом, т.е. что созданный им в "Записках" и подлинный образ (или, точнее, образы) его собственного "Я" в какой-то степени совпадают? Или в действительности он видит себя "самим собой", "тем, кто он есть на самом деле", и лишь приукрашивает собственную жизнь, стилизуя ее под некие идеальные биографические модели²⁰¹?

Последний ответ на первый взгляд явно более правдоподобен²⁰². Кажется, сам автоапологетический характер сочинения Пия как раз и предполагает именно такое приукрашивание. Кроме того, к нему склоняют и многочисленные натяжки, а порой просто выдумки в рассказе папы. Так настойчивые указания на римское происхождение рода Пикколомини на поверку оказываются надуманными - это подметил еще Г.Фойгт²⁰³. Красочное описание чудесного спасения от гибели во время морского странствия, подобного одному из приключений вергилиевского Энея, тоже, по-видимому, плод авторской фантазии - на самом деле скорее всего никакой опасности жизнь мореплавателей не подвергалась, и они спокойно добрались до места назначения²⁰⁴. Перечень точно такого же рода "ошибок памяти" можно легко продолжить, обратившись к исследованиям биографов Пия. В этом смысле характерны и те акценты, которые расставляет автор, описывая свой жизненный путь. Вполне обычные и необходимые для всякой биографии сведения о предках протагониста, о его появлении на свет, наречении именем, годах детства обретают у него особое сакральное звучание, превращаются в знаки небесного покровительства и свидетельства избранности Энея-Пия.

Не будем, однако, спешить с окончательными выводами и, имея в виду наш вопрос, снова обратимся к тексту "Записок". Мы, конечно, помним о "литературности" этого ренессансного сочинения – выше достаточно много говорилось, в частности, об обилии в нем общих мест, стилистических и языковых клише, характерных для гуманистической прозы. Но едва ли эта "литературность" означает совершенную невозможность "поймать автора на

---

²⁰¹ Вкратце см. об этом в моей статье: Зарецкий Ю.П. Папа-гуманист Пий II о самом себе (К проблеме ренессансного самосознания) // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997. С.60-66.

²⁰² Похоже, именно так полагает и П.Бёрк, указывая на сочинение Пия как на один из примеров "стилизованности" ренессансной автобиографии (Burke P. Historical Antropology of Early Modern Italy: Essays in Perception and Communication. Cambridge (Mass.), 1987. P.20).

²⁰³ Voigt G. Enea Silvio dei Piccolomini als Papst Pius der Zweite und sein Zeitalter. Berlin, 1856-1863. Bd.1-3. Bd.I. S.5.

²⁰⁴ Выражая сомнение в том, что описанный чудесный случай имел место в действительности, Л.Тотаро приводит отрывок из письма, написанного Энеем через несколько дней после этого плавания, в котором о путешествии говорится как о вполне обыденном событии. - Totaro L. Pio II nei suoi

слове” и запрещает хотя бы в отдельных случаях попытаться разглядеть за его текстом какую-то сторону его собственного человеческого “Я”.

1. Сокровенный смысл рассказа о встрече с пастухом

В сочинении Пия есть один любопытный эпизод, который, кажется, может несколько прояснить интересующие нас вопросы. Это короткий рассказ о некоей случайной встрече, произошедшей во время путешествия папы по Италии - 3-я глава IX-й книги. Его внешняя событийная сторона и общая мораль вкратце выглядят примерно так. Однажды на пути в Рим Пию с его многочисленной свитой преградило дорогу стадо коров. Пасший их крестьянин, пораженный невиданной ранее процессией, вначале впал в замешательство, но потом, придя в себя, приблизился к папе и – воистину протест! -- подоив корову, стоявшую рядом, в знак почтительности протянул ему глиняную миску полную молока. Хотя такое подношение было явно не по чину римскому первосвященнику и грубая посуда казалась давно не мытой, понтифик все же не отверг дара. Напротив, он охотно его принял, пригубил питье и передал его дальше кардиналам. Такой поступок папы со всей очевидностью является в этом эпизоде демонстрацией читателю его величайшей человечности, что особо подчеркивает название главы – *Pii mansuetissima humanitas in lacte u pastore accipiendo*.

Этим внешним смыслом содержание рассказа, однако, не исчерпывается. Многие его особенности и странности указывают на то, что он содержит и иные смыслы, имеет не одно, а несколько звучаний. Чтобы яснее услышать их, приведем его вначале целиком в почти дословном переводе.

Итак: "Когда понтифик на обратном пути оказался окруженным стадом, пасшимся в лугах, пастух, который понтифика никогда не видел, приведенный в восхищение одеждами кардиналов и нарядами придворных, немножечко поколебавшись, кого из них подобает почтительно приветствовать в качестве верховного понтифика, и наконец, увидев золотые носилки, которые меж всадниками несли на плечах люди, остановил восседающего на них, чтобы к нему обратиться. И, подоив стоявшую рядом корову, полную молока глиняную миску, из которой он имел обыкновение есть и пить, радостный, понтифику предложил, поскольку, как он решил, тот испытывал жажду. Понтифик, помнящий того, кто Артаксерксу, царю персов, во время его странствия в пригоршнях протянул воду, улыбнулся и, невзирая на то, что она была черна и покрыта жиром, как бы выпивая, поцеловал миску и передал ее

"Commentarii": Un contributo alla lettura della autobiografia di Enea Silvio Piccolomini. Bologna, 1978. P.23.

кардиналам отведать питья, дабы не казалось, будто рвение и почтительность бедняка, предложившего самое для себя дорогое, оставлены без внимания. Он оценил благородное намерение дарителя, который удостоил бы его лучшими подношениями, если б они имелись".

Обратимся теперь к тем словам этого рассказа, в которых Пий упоминает Артаксеркса ("Понтифик, помнящий того, кто Артаксерксу, царю персов, во время его странствия в пригоршнях протянул воду..."). Похоже, что именно они оказываются ключевым для возникновения иного, нового смысла всего отрывка. Читателю, знающему античных классиков, сразу же становится ясно, что Пий свидетельствует тут о своем сходстве с древним героем, говорит, что с ним однажды произошло нечто очень похожее на случай, рассказанный Плутархом. По словам античного писателя, дело было так: как-то в походе, когда все окружающие стали подносить царю персов богатые дары, Артаксеркс увидел бедного крестьянина, который, не имея ничего, что бы можно было дать своему повелителю, подбежал к реке, зачерпнул в обе пригоршни воду и протянул их ему. Царь же, будучи весьма довольным поступком простеца, велел его щедро наградить²⁰⁵.

Мы здесь как будто вновь сталкиваемся с ситуацией, аналогичной той, о которой говорилось достаточно подробно в предыдущей главе: сообщая об отдельных событиях своей жизни читателю, автор подражает биографическим архетипам своего времени, стилизует собственную жизнь "под Артаксеркса"²⁰⁶. Однако он не ограничивается этим. Чтобы соответствующим образом стилизовать в приведенном эпизоде "Записок" образ папы-воителя, Пию было вполне достаточно рассказать о случайной встрече и намекнуть на ее сходство с тем, что сообщает Плутарх о древнем полководце, т.е. поступить точно так же, как он не раз поступал во многих других местах, подражая жизням Энея, Цезаря, Христа. Он же зачем-то усложняет картину, включает в свой рассказ указание на какое-то не вполне ясное нам состояние души своего героя, на какое-то сильное внутреннее переживание, определившее его последующее действие. Перечитаем еще раз: "Понтифик, помнящий того, кто Артаксерксу, царю персов, во время его странствия в пригоршнях протянул воду, *улыбнулся*...". Спросим, чему? Наивности простеца? Но если только этому, то тогда зачем папе понадобилось дальше

Ср.: Ady C.M. Pius II (Aeneas Silvio Piccolomini) the Humanist Pope. London, 1913. P.28.

²⁰⁵ Плут. Арт. 5,1.

²⁰⁶ Примерно так интерпретирует этот эпизод П.Бёрк. Он говорит, что задачей Пия было представить читателю "классическое общее место", изобразить самого себя "в роли доброго принца" // Burke P. Op. cit. P.20.

вести себя довольно странно: "...и, невзирая на то, что она была черна и покрыта жиром, как бы выпивая, *поцеловал* [?!] миску и передал ее кардиналам"²⁰⁷.

Очевидно, что герой "Записок" вполне осознал и прочувствовал сходство происшедшего с ним с эпизодом, рассказанным Плутархом, и что именно это и заставило его поступить как раз так, а не иначе. Он словно открыл для себя нечто важное и после этого охотно подчинился некоему императиву, как бы явившемуся ему из глубин его сознания. Но какое такое открытие и какой такой императив заставили папу загадочно улыбнуться, поднести к губам грязную посудину и даже ее поцеловать? Похоже, что именно здесь Пий на мгновение отдергивает завесу литературности, которой в "Записках" обычно плотно скрыты внутренние движения его души и говорит о своем действительно имевшем место внутреннем переживании: папа не только вспомнил о происшедшем с Артаксерксом, но и вдруг как бы почувствовал себя им в действительности, открывшееся ему удивительное сходство обоих эпизодов явилось свидетельством какой-то особой мистической близости его самого с легендарным полководцем. При таком прочтении становится понятным, что именно это открытие вызвало на лице Пия загадочную улыбку, и что это была улыбка человека, перед которым неожиданно предстало еще одно не видимое другим свидетельство величия его собственного "Я". Этим открытием легко объясняются и последующие действия героя: он, конечно, не может поступить иначе, чем его "прототип", и охотно принимает дар простолюдина. При этом нельзя не заметить, что папа повторяет Артаксеркса как-то по-особому. Все его действия торжественны и напоминают некий загадочный ритуал, в ходе которого Пий испытывает особые возвышенные чувства. Впрочем, не такой уж загадочный - все, о чем говорит Пий, слишком напоминает таинство причащения, только не крови Господней, а доблести и благородства одного из величайших героев древности.

Похоже, этим своим рассказом Пий демонстрирует, что не только хочет казаться похожим на царя персов, но в какой-то мере является им в действительности, как будто понятия "казаться" и "быть" для него не разведены окончательно, точно так же, как и понятия "правда" и "вымысел", "прошлое" и "настоящее". Но тогда не правильнее ли будет говорить не о стилизаторстве в "Записках", но о проявлении в них мифологизированного и мифологизирующего самосознания автора, того самого, которое заставляло Петрарку писать

---

²⁰⁷ Pontifex memor illius qui Artaxerxi, Persarum regi, iter habenti comprehensam utraque palma porrexit aquam, subrisit nec dedignatus est nigrum et unctum, tanquam biberet, osculari catinum gustandumque cardinalibus tradere [...] (IX,3). Заметим, что ни итальянские, ни английский переводчики "Записок" не решаются употребить прямое значение глагола *osculari*, предпочитая менее определенное "пригубил".

письма Цицерону, Сенеке или Титу Ливию, а Макиавелли рядиться в античные одежды перед началом ученых занятий, и шире - того чувства сопричастности мифу, которым одухотворена вся ренессансная культура? Или все же о стилизаторстве, но не столько литературном, сколько жизненном, о той "серьезной игре", которой столь усердно занимались гуманисты и через которую происходило конституирование их представлений о себе?²⁰⁸ Но в таком случае сочинение Пия предстает не просто изящно приукрашенной автобиографией, но еще и рассказом о воплощении мифа, о жизни, которая сама сотворена, сама является чем-то вроде "произведения искусства".

2. Творение мифа

В биографии Энея-Пия можно обнаружить немало эпизодов, которые упорно ускользают от каких бы то ни было рациональных объяснений. В целом ряде его поступков, причем таких, которые, несомненно, с какой стороны ни смотри, следует признать жизненно важными, как будто отсутствует здравый смысл, их мотивы остаются либо трудно уловимыми, либо вовсе безнадежно загадочными. Обратимся к нескольким моментам жизни папы именно такого рода.

Имя "Пий" и "Булла отречений"²⁰⁹. Эпизод первый. Кардинал сиенский Эней, став 19 августа 1458 года римским первосвященником, принимает имя Пия Второго, что сразу рождает вопрос о причине такого выбора. Э.Гарэн считает, солидаризируясь со многими своими предшественниками, что делая его, Эней Пикколомини думал не о своем святом предшественнике малоприметном Пие I, но о Вергилии и его герое, что перед ним маячили слова знаменитой поэмы: *Sum pius Aeneas - fama super aeterna notus* (Aen I, 378). А сам этот его поступок явился прямым указанием на преемственность между его предыдущими учеными занятиями древностью и новыми обязанностями главы церкви, свидетельством того, что "на кафедру святого Петра вошел питомец Муз, гуманист, поэт"²¹⁰. Такое объяснение, однако, оставляет не вполне ясными некоторые вопросы. Во-первых, зачем вообще понадобилось папе публично заявлять о преемственности своей прежней гуманистической деятельности и новых обязанностей римского первосвященника? Двигали ли им какие-то сильные идейные

---

²⁰⁸ О понятиях "стилизация" и "мифологизация" применительно к ренессансной культуре см.: Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. С.112; Он же. Ренессансный миф о человеке // Вопросы литературы. 1971. № 9. С.119 и др.

²⁰⁹ Значимость двух моментов, о которых здесь пойдет речь, для уяснения не только самосознания папы, но и в целом его "стиля жизни" подтверждается, в частности, особым вниманием к ним биографов Пия - см. об этом выше в гл. I.

побуждения, революционный дух реформы церкви, стремление извлечь политические выгоды или что-то еще? И, во-вторых, может быть, самый главный вопрос: почему папа сделал это свое заявление столь необычным образом - не прямо и открыто, а в виде намека, понятного далеко не всем, словно играючи сам с собой и с окружающими в какую-то игру?

Эпизод второй. Вскоре после своего избрания папа издает "Буллу отречений", в которой призывает христиан "забыть Энея, принять Пия" (*Aeneam rejicite, Pium respicite*). Этот его поступок вызывает куда более разноречивые толкования биографов²¹¹. Действительно, от чего отрекался папа? От своего гуманистического прошлого в целом? Его "языческого" компонента? От базельских прегрешений? От прежнего образа жизни придворного оратора и поэта? От более чем легкомысленных стихов и эпиграмм, написанных в молодые годы? Текст самой буллы тут мало способен прояснить дело - он чересчур насыщен общими местами, чересчур стилизован "под Цицерона". С известной долей уверенности можно заключить лишь, что папа вряд ли призывал забыть того Энея, который прославился своей ученостью и литературными талантами. Возможно, Пий вообще не видел никакого серьезного противоречия между своими гуманистическими студиями и статусом папы. По мнению Дж.Папарелли, он всегда был убежден в том, что церковь и *humanae litterae* нераздельно связаны²¹². Но тогда от чего все же он отрекался? Неужели от юношеских эротических сочинений, в большинстве своем всеми давно забытых и нападок на Римскую церковь из Базеля - грех, в котором он уже каялся раньше и отпущение которого ему было дано самим Евгением IV?²¹³ Очевидно, попытки исходить из обычной логики, "здравых" с нашей сегодняшней точки зрения предположений мало могут помочь здесь с ответом. Но тогда остается заключить, что "поступающее сознание" папы - по крайней мере в двух указанных эпизодах - было принципиально иным по своей природе и в этом-то как раз и кроется первопричина тех трудностей, которые возникают при их толковании.

Вернемся к нашему предположению об особом мифологизированном характере самосознания автора "Записок". Видимо, он не только хотел походить на героя Вергилия, но и действительно ощущал свое глубокое родство с ним, действительно видел себя неким новым

---

²¹⁰ Garin E. *Ritratti di umanisti*. Firenze, 1967. P. 9-11.

²¹¹ Заметим, что здесь, как и в большинстве случаев, о которых речь ниже, ученые исходят из как бы само собой разумеющейся посылки о вполне земной практической обусловленности деяний папы, словно не предполагают возможности никакой иной.

²¹² В подтверждение этого своего тезиса итальянский историк приводит слова будущего папы из письма Николаю Кузанскому: "[...] латинская словесность живет и умирает вместе с римским престолом" // Paparelli G. *Enea Silvio Piccolomini. L'Umanesimo sul soglio di Pietro*. Ravenna, 1978. P.152.

²¹³ Дж. Папарелли полагает, что раскаяние папы следует отнести именно на счет этих двух моментов. - Ibid.

Энеем, явившимся в мир на новом витке истории, знаменующим собой возрождение былого могущества Рима. Как удержаться от того, чтобы не поведать об этом всем окружающим, как не использовать заманчивую возможность указать на один из своих ликов? К тому же, принимая имя "Пий", он говорил одновременно и о другой своей ипостаси - благочестивого христианина, воспреемника одного из первых святых пап. Такая амбивалентность избранного имени прекрасно соответствовала амбивалентности самосознания папы-гуманиста и была исключительно удобна еще в одном смысле: представляя себя христианскому миру, он предлагал на выбор ту или иную его интерпретацию или даже обе одновременно - толкуй всякий как знаешь.

Но, сознавая себя новым воплощением Энея и в то же время святым, да еще заявляя об этом миру, папа должен был и поступать так же, как поступали его биографические "прототипы". Их дела превращались для него в путеводную нить жизни, они задавали парадигму, которой он должен был следовать. Тогда, может быть, именно этим, а не насущной "практической" необходимостью вызвано появление переполненной риторическими красотами "Буллы отречений"? Ведь отказ от старой и обращение к новой жизни - важнейшая составляющая образа многих христианских святых и одновременно ключевой момент в развитии образа вергилиева Энея²¹⁴.

"Дело жизни" и *ars moriendi*. Еще одна загадка личности Пия связана с главным делом его жизни - организацией похода против турок. Перед биографом здесь снова возникают труднообъяснимые противоречия. Прежде всего, удивляет упорство, с которым папа борется за свою идею. Он словно не видит, что не только вся христианская Европа, но даже его родная Италия раздираются жестокими противоречиями, что всюду растут антиклерикальные настроения, что тот дух, который некогда зажигал сердца рыцарей Христа, давно угас, и продолжает рассылать послания европейским государям, выступать с красочными призывными речами и, в конце концов, так и не заручившись необходимой поддержкой, с малочисленным войском, тяжело больной все же решается выступить в поход²¹⁵. Но больше всего поражает та роль, которую в нем уготовил себе папа. С одной стороны, вроде бы достаточно ясно, что это роль победителя и триумфатора, нового Цезаря. Задача войны против турок - это на разные лады многократно повторяет Пий - состоит не

---

²¹⁴ См. об этом выше в гл.2.

²¹⁵ В.Ульман говорит в этой связи о "поразительном отрыве от реальности" Пия, о том, что он был "жалким имитатором Григория VII" // Ullmann W. A Short History of the Papacy in the Middle Ages. L., 1972. P.321, а Г.Фойгт считает, что его упорство в борьбе с турками, по крайней мере вначале, было прямо продиктовано корыстными интересами - антитурецкие выступления Энея преследовали одну цель: получить кардинальскую шапку. - Voigt G. Op. cit. Bd. II. S.91.

только в том, чтобы освободить занятые ими христианские земли и навеки устранить угрозу Западу, но и объединить христиан под властью Рима. Да и какая иная цель, кроме победы, может стоять перед предводителем войска, готовящегося к решительной схватке? Однако в речах папы и его письмах параллельно с этим победным неожиданно слышится громкое звучание и совершенно иного мотива. Рассуждая о предстоящей войне, он упорно твердит о своей готовности умереть, даже больше, о том, что он не только надеется на смерть в предстоящем походе, но даже жаждет ее²¹⁶. В чем причина такого странного душевного настроя, такой удивительной раздвоенности? Ответ находим у Дж.Папарелли. "Крестовый поход, - говорит он, - был лишь предлогом, удобным случаем. Пий просто хотел славно умереть (*ben morire*)"²¹⁷. Остается только разъяснить и несколько дополнить сказанное итальянским ученым.

Мысли о том, как достойно жить и умереть, занимали Энея Пикколомини еще задолго до того, как он стал папой. А.Тененти в своей известной книге приводит целую подборку его высказываний на этот счет, относящихся к 40-м годам²¹⁸. В одном из писем, адресованных другу, сорокалетний Эней заявляет: "[...] поскольку наступает старость и торопит смерть, буду думать о том, как мне достойно умереть"²¹⁹. Как свидетельствует тот же Тененти, размышления такого рода были вполне в духе времени - в XV веке в Европе получили широкое распространение трактаты и наставления о том, как подобает жить и умирать христианину²²⁰. Возможно, особый интерес к этой теме нашего героя был продиктован кроме прочего еще и тем, что автором одного такого трактата был Доменико Капраника, его первый и горячо любимый патрон²²¹. Но как он понимал "достойную жизнь" и "достойную смерть"? Конечно, как следование великим образцам и в первую очередь как *imitatio Christi* - что может быть более близким сердцу христианина и одновременно более возвышенным, чем данный им миру пример? Быть истинно верующим, собственно, и значит подражать Спасителю,

---

²¹⁶ См. напр. фрагменты его речей, приведенные в гл.3.

²¹⁷ Paparelli G. Op. cit. P.255.

²¹⁸ Tenenti A. Il senso della morte e l'amore della vita nel Rinascimento (Francia e Italia). Torino, 1957.

²¹⁹ Piccolomini E.S. Der Briefwechsel / Ed. R.Wolkan // Fontes Rerum Austriacarum. Vienn, 1909. Bd. 61. S.523. Аналогичные высказывания, относящиеся к периоду его понтификата см.: Paparelli G. Op. cit. P.256. Добавим, что Эней Пикколомини, очевидно, вполне разделял средневековые представления о сорокалетнем жизненном рубеже как начале старости (см.: Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991).

²²⁰ Tenenti A. Op. cit. P. 80-139.

²²¹ Ibid. P.100.

стремиться к его совершенству²²². "[...] Ибо следует подражать Иисусу Христу, - пишет Эней в 1446 году, - который не только пастырям повелел отдать жизнь за своих овец, но также и сам, будучи главой, владыкой и управителем Церкви, дабы освободить нас от смертного греха, по своей воле принял смерть"²²³. И позже, уже став папой, повторяет ту же самую мысль перед кардиналами накануне выступления в поход. Только теперь уже прямо говорит, что сам намерен последовать примеру Сына Божьего и пойти на верную смерть во искупление человеческих грехов²²⁴. Это не было просто риторикой. Пий действительно верил, что ему суждено погибнуть прекрасной смертью, спасая христианскую религию. В уже упоминавшейся раньше автоэпитафии это его предчувствие, обретая ясные очертания, выливается в поэтические строки. Отправившись на войну, он будет смертельно ранен и его жизненный путь завершится таким великолепным концом:

(...) *Ultum ire in turchos et vindicare pelasgum*
*Vuluera dum properat, mors tulit atra pium*²²⁵.

Пий, однако, не был фаталистом. Он знал, что "прекрасная смерть" не приходит сама, что ее нужно добиться, заслужить своей доблестью, иначе может наступить столь страшный для него бесславный конец от болезней в собственной постели. И он спешит. Почти не способный самостоятельно передвигаться, на носилках, все же отправляется в поход, конечно, не столько дабы победить турок (едва ли он серьезно верил в возможность такой победы), сколько дабы достойно, то есть мученически, умереть²²⁶.

Письмо турецкому султану. Вскоре после неудачи на Мантуанском конгрессе Пий публикует одно из своих наиболее совершенных литературных творений - послание Мехмеду II. "Из всех писаний, которые вышли из-под пера Пия, - характеризует его Дж.Папарелли, - нет ни одного, в котором дух гуманизма (понимаемый не как чисто литературные

---

²²² Заметим, что знаменитый трактат "О подражании Христу" (в православной традиции он приписывается Фоме Кемпийскому) обрел популярность в Италии именно во времена Пия: до 1500 г. насчитывается уже по меньшей мере 12 его изданий на латинском языке и II на итальянском - см.: Hay D. *The Church in Italy in the Fifteenth. Century*. London, 1977. P.98.

²²³ Piccolomini E.S.. *De ortu et auctoritate imperii Romani*. Цит. по: Bernetti G. *Saggi e studi sugli scritti di Enea Silvio Piccolomini, papa Pio II*. Firenze, 1971. P.29.

²²⁴ См. об этом выше в гл.3.

²²⁵ Цит. по: Bernetti G. *Saggi e studi*. P.43.

²²⁶ Дж. Папарелли (позволим себе в этом с ним не согласиться) не верит в то, что за поисками Пием *la bella morte* кроются искренние религиозные чувства, и заканчивает свои рассуждения на эту тему довольно неожиданно. "Конечно, - пишет он, - в своем положении папы тот не уставал подражать Христу и был готов умереть за веру. Но подлинным героем *la bella morte*, моделью, которой также и в этой области вдохновлялись все гуманисты, был Сократ" // Paparelli G. *Op. cit.* P.259.

упражнения, но как определенная концепция жизни и идейная позиция) отражается и распознается лучше, чем в этом"²²⁷. О чем же это письмо?

"Мы принимаемся писать тебе ради твоего блага и твоей славы, ради утешения многих народов и мира. Выслушай благожелательно наши слова [...]" - так примирительно начинает папа²²⁸. Дальнейший ход его рассуждений вкратце таков. Прекращение войны против христиан принесет Мехмеду величайшую пользу, в то время как продолжение не сулит ничего хорошего: западное христианство сильно и крепко покоится на столпах истинной веры. Но несравнимо больше ему принесет принятие христианства! Истории известно немало замечательных примеров подобного обращения, из которых самый знаменитый - императора Константина, снискавшего своим поступком бессмертную славу. "Итак, - продолжает он, - возлюби вместе с нами Христа, поступи мудро, последуй за Константином Великим и удостоишься, мы уверены, такой же судьбы. Как римляне были обращены в христианство их повелителем, так турки будут крещены тобою, и твое царствование вознесется над всеми царствованиями на земле, и твое имя никогда не умолкнет в веках"²²⁹. В случае принятия его предложения Пий обещает сделать Мехмеда повелителем всех христиан Востока и Запада и заверяет, что тогда на земле вновь настанет "золотой век", вернуться времена императора Августа, воцарятся мир и покой.

Подлинная слава и подлинное спасение, вновь и вновь убеждает папа султана, невозможны вне христианской веры, основы которой так же, как и созвучные им писания древних философов, неизвестны Мехмеду. И он берется разъяснить их и одновременно опровергнуть ложные положения мусульманства.

Ветхозаветное предание, начинает рассуждать на эту тему Пий, имеет много общего с магометанством, к тому же мусульмане почитают святым Христа. Однако Новый Завет является почти полной ему противоположностью. Он зиждется на двух важнейших догматах, истинность которых подтверждается и отцами церкви, и пророками, и апостолами, а также поэтами и философами - о троичности Бога и о воплощении. Главные недостатки магометанства состоят в том, что эти догматы ему неведомы и что понимание Высшего Блага сводится в нем к сфере земного, в то время как у христиан - духовного. Кроме того, магометанская мораль содержит недопустимые положения, например, по вопросу о многоженстве и расторжении брака; священная книга мусульман подверглась очевидным

---

²²⁷ Ibid. P.233.

²²⁸ Pio II (Enea Silvio Piccolomini). Lettera a Maometto II. (Epistola ad Mahumetem) Napoli, 1953. P.109.

²²⁹ Ibid. P.120.

искажениям из-за погрешностей переписчиков, в то время как у христиан сохранилась доподлинно; в христианстве в отличие от религии Мехмеда существует величайшая гармония веры и разума и т.д. В конце папа рассказывает о том, как происходило распространение обеих религий, о христианских святых, некоторых других, с его точки зрения, важных вопросах веры и завершает свое послание последним призывом:

"Итак, ты, о славный государь, не лишенный способности здраво рассуждать и обладающий острым умом, уясни то, о чем мы сказали [...]. Оставь мрак и следуй за светом. Пойми как хромает твоя религия и сколь изобилует ошибками и то, что она далека от истины, и то, что в ней нет спасения [...]. Пойми как незыблемо евангельское учение, как истинно, как свято, как честно и непорочно, и что только оно и никакое другое указывает путь на небо [...].

Прежде всего, тебе было убедительно показано, что той славы и власти среди христиан, к которой ты с очевидностью стремишься, в особенности среди европейцев и народов Запада, ты не сможешь получить, пока будешь оставаться в своей секте. Если же пожелаешь обратиться в христианство, мы дадим тебе великую надежду на власть и славу. Помни же о наших словах и честно прими союз. Прими крещение Христа и омовение Святого Духа. Обними Святое Евангелие и полностью вверь ему себя. Так обрешь свою душу, так поступишь во благо народу Турции, так твои намерения смогут воплотиться, так твое имя прославится в веках, так вся Греция, вся Италия, вся Европа будут тобою восхищены, так на латинском языке, на греческом, на арабском, на всех варварских тебя будут прославлять, так о тебе никогда не умолкнет добрая молва, так будешь зваться творцом мира и основателем покоя, так турки назовут тебя спасителем своих душ, а христиане - своих жизней [...].

Таковы преимущества, которые дает тебе крещение. Милосердие Божие, несомненно, приумножит эти дары, когда ты последуешь за Евангелием. Если же отвергнешь наши предложения, твоя слава исчезнет как дым и ты, подобно другим людям, обратившись в прах, умрешь весь.

Да будет нескончаемо царствие Христово, каковому честь и слава во веки веков. Аминь"²³⁰.

Это то, что относится к содержанию и стилю письма. Обратим теперь внимание на некоторые моменты, связанные с его судьбой после появления на свет.

Мехмед, конечно, не внял увещаниям Пия и никак ему не ответил²³¹. Он, очевидно, не только не читал послания, но и не догадывался о его существовании - ведь папа его ни с

---

²³⁰ Ibid. P.176-177.

каким посольным ко двору султана и не отправлял, ограничившись лишь преданием своего произведения гласности. Он вообще как будто и не ждал никакого ответа: после его публикаций Пий продолжал настойчиво вести подготовку к войне.

Но тогда как разгадать загадку появления письма? Ради чего папа потратил столько усилий? Неужели он все-таки надеялся, что сможет переубедить своего противника? Свидетельствует ли это о его временном отказе от идеи крестового похода? Обратимся к мнениям ученых. Дж.Тоффанин, признавая, что с исторической точки зрения послание остается для него загадкой, дает ответ в личностном плане. Все дело в том, говорит он, что в душе Пия уживались две могучие силы - рациональная и иррациональная, как это часто бывает, добавляет он, у людей мысли и действия. Пий-рационалист собирал в поход христианское воинство, а Пий-мечтатель искренне хотел добиться мира и гармонии чисто гуманистическими средствами - с помощью изящной словесности²³². Э.Гарэн, наоборот, считает, что послание продиктовано духом политического рационализма, замешанного на безысходности: перед лицом растущей разобщенности Европы и усиливавшегося ощущения несбыточности задуманного им похода Пию ничего не оставалось, как обратиться к Мехмеду²³³. Имеются и другие толкования этого во многом странного предприятия папы, например, такое: письмо фактически было адресовано не столько султану, сколько христианским государям, и имело своей целью побудить их к активным действиям²³⁴.

Итак, большинство имеющихся объяснений этого эпизода жизни папы исходит из того, что он руководствовался в своих действиях чисто практическими мотивами и так или иначе хотел достигнуть вполне определенных политических результатов. Но что, если представить себе дело иначе, что если взглянуть на "Послание" как на один из замечательных образцов того самого жанра гуманистической эпистолы, для которого конкретное событие является лишь поводом, замечательной возможностью продемонстрировать глубину элоквиции автора, поразить читателя красотами его языка и изяществом аргументации? Другими словами, что если оно имело характер не столько политический, сколько поэтический²³⁵, если Пий говорил в нем не столько о крестовом походе, сколько о себе, делал очередную заявку на

---

²³¹ Дж. Тоффанин, правда, считает вероятным, что в окружении султана письмо было известно и что на него даже был дан ответ одним из его высших сановников. Тем не менее он не приводит никаких свидетельств реакции на него самого адресата. - Toffanin G. Prefazione // Pio II. Lettera a Maometto.

²³² Ibid. P. X, XI, XVIII.

²³³ Garin E. Op. cit. P.34.

²³⁴ См. о них: Paparelli G. E.S.Piccolomini (Pio II). Bari, 1950. P.323.

²³⁵ Ibid. Показательно, что послание папы дало толчок множеству литературных подделок, "продолжавших" переписку между ним и султаном - см.: Ady C.M. Op. cit. P.315.

право называться первым оратором своего времени?²³⁶ Почему бы и нет. Ведь, похоже, он видел себя не только новым воплощением Энея, Цезаря, но также и Цицерона.

О дате рождения Пия. В заключение вернемся снова к "Запискам о достопамятных деяниях". Еще в 30-е гг., исследуя их начальный текст по Cod. Reg., Дж. Бернетти обратил внимание на одно не совсем обычное исправление, сделанное рукою самого Пия²³⁷. В самом начале сочинения после небольшого вступления, кратких сведений о семье и предках будущего папы, рождении младенца и наречении его именем Эней сперва было выведено писцом: "Эней еще имя отца Сильвия получил и, поскольку рожден был *в восьмые календы сентября, в честь апостола, которого в этот день короновали венцом мученика, был назван Варфоломеем* (курсив мой - Ю.З.)". Однако потом, очевидно, при повторном чтении, этот отрывок подвергся авторской редакции, почти до неузнаваемости его изменившей. Пий самолично зачеркнул большую часть записи и слева на полях вписал новый текст: "Эней еще имя отца Сильвия получил и в честь апостола, с которого варвары индусы содрали кожу, Варфоломея. Нареченный же тремя именами, Энеем Сильвием Варфоломеем стал называться. *Родился же он в самый день святого евангелиста Луки в четырнадцатые календы ноября [...]* (курсив мой - Ю.З.)"²³⁸. Дж.Бернетти, указывая на исключительную сложность истолкования приведенного фрагмента рукописи, говорит, что поиск исследователем истины требует в данном случае привлечения большого и разнообразного материала и, главное, более отчетливого уяснения того, как создавались "Записки", авторской *maniera di dettare e comporre*. В конце концов он все же решается изложить читателю две версии, объясняющие природу этого исправления, осторожно замечая, что вовсе не претендует на окончательные ответы, но, скорее, лишь предлагает сюжет для раздумий коллегам-исследователям.

Итак, что же произошло? Почему сначала была сделана одна запись, а потом другая, сначала был указан день св. Варфоломея и 25 августа, потом день св. Луки и 19 октября? Возможно, говорит итальянский ученый, все дело в "ошибке памяти" папы, им же самим

---

²³⁶ См. у Дж. Папарелли: "Папа хотел оставить также и на этом поле отпечаток своей личности поэта и писателя. Поэтому действительное место послания к Мехмеду II не в сфере истории политики Пия, но в сфере его литературной деятельности" // Paparelli G. Op. cit. 1978. P.235-236.

²³⁷ Bernetti G. Ricerche e problemi nei Commentarii di Enea Silvio Piccolomini // Rinascita, 1939. Giugno. P. 460-463.

²³⁸ Начальная запись: Eneas etiam patris Silvii nomen accepit et ex quia Septembris octavo Kalendas natus est ob reverentiam apostoli quem tali die martirio coronatum asserunt Bartholomeus appellatus est. Исправленная запись: Eneas etiam patris Silvii nomen accepit et ob reverentiam apostoli, quem Indorum barbari decoriarunt, Bartholomaei - trinominus fuit - Eneas Silvius Bartholomeus appellatus. Editus autem in lucem ipsa luce sancti evangeliste Luce, XIV Kalendas Novembris. После того, как Пий на полях сделал это свое уточнение, чьей-то неизвестной рукой было прибавлено: anno salutis quinto supra millesimum et quadringentesimum, т.е. "в году от рождества одна тысяча четыреста пятом" (I,2).

исправленной. Или, что, по его мнению, более вероятно, в оплошности писца, которому раньше были предоставлены автором какие-то черновые материалы: "папа, - разъясняет он эту свою вторую гипотезу, - для некоторых малозначительных фрагментов дал своему секретарю что-то вроде предварительных устных заготовок или рукописных черновиков, которые следовало привести в порядок и отделать", и тот либо ошибся, припоминая дату рождения, либо допустил неверное истолкование полученных от Пия сведений²³⁹.

Слабые места версий, предложенных Бернетти, достаточно очевидны, особенно первой, объясняющей исправление "ошибкой памяти" папы. Как поверить в то, что этот гуманистически образованный человек, к тому же чрезвычайно интересующийся собой (лучшее свидетельство этому - сами "Записки") мог забыть день, в который он родился? Скорее следовало бы предположить, что он его вовсе не знал, либо не знал твердо²⁴⁰ и лишь через некоторое время после того, как она была сделана, обнаружив какие-то новые свидетельства, исправил допущенную прежде ошибку. Хотя и в этом случае кое-что остается не ясным. Почему в первоначальной записи нет и следов какой-либо неопределенности? Почему, скажем, Пий не оставил пропуска для того, чтобы его впоследствии восполнить, но уверенно продиктовал (если, конечно, продиктовал): "рожден был в восьмые календы сентября"?

Вызывает вопросы и второе предположение ученого, о том, что виной всему ошибка писца. Прежде всего потому, что факт собственного рождения Пий едва ли мог считать "малозначительным фрагментом" своей биографии и поэтому вряд ли мог доверять описывать его кому бы то ни было. Скорее, он был убежден в обратном. Ведь обстоятельства рождения героя это важнейший смысловой момент, отправной пункт всякого жития - перед глазами папы не могли не стоять примеры античной и средневековой биографических традиций, в которых рассказы о рождении "доблестного мужа" или святого выполняли именно такую роль. Но главное, о том, что автором первых страниц "Записок" безусловно является сам Пий, свидетельствует тщательный отбор автобиографических эпизодов и та их особая "стилизованность", о которой говорилось выше в гл.3.

---

²³⁹ Bernetti G. Ricerche e problemi. P.462-463.

²⁴⁰ Историко-демографические исследования свидетельствуют, что еще по крайней мере в течение полустолетия после появления Энея Пикколомини на свет точные даты рождения не фиксировались в Италии ни государственными органами, ни церковью. До середины XV в. они обнаруживаются лишь в записях частного характера (разного рода ricordi, ricordanze, cronache domestiche), причем, преимущественно в Тоскане - см.: Klapish - Zuber Ch. Women, Family and Ritual in Renaissance Italy. London, 1983.

Потом, даже если отбросить все эти соображения и все же допустить, что первая запись о рождении была-таки сделана Агостино Патрици, остается совершенно непонятным, как можно так странно ошибиться или так неверно истолковать полученные предварительно сведения, чтобы в них буквально все, что связано с датой события, стало иным.

Названные трудности интерпретации, очевидно, проистекают из одного источника - из предположения о том, что Пий действительно намеревался указать подлинную дату своего рождения, т.е. должен был поступить примерно так, как поступает сегодня всякий (или почти всякий), кто составляет свою *curriculum vitae* для каких-нибудь официальных инстанций. Но ведь все сказанное о его "стиле мышления" и "стиле жизни", свидетельствует, что он вполне мог действовать и иначе, руководствоваться совершенно иными мотивами. Человек, столь усердно творивший легенду о собственной великой жизни, придумавший ей столь славный конец, несомненно, способен был сотворить и подобающее ей начало. Исправление даты рождения в таком случае может оказаться свидетельством не первоначально допущенной ошибки, но поиска папой более подходящей "точки отсчета" для конструирования его собственного автобиографического образа. И в этом поиске день св. Луки оказывается для него в конце концов более предпочтительным, чем день св. Варфоломея - ведь из всех апостолов Лука был наиболее любим гуманистами как носитель древней учености, автор самой "литературной" биографии Христа. К тому же в родных местах папы этот день почитался особо: по распространенному в XV в. поверью 18 ноября 1179 г. Александр III освятил знаменитый Сиенский собор²⁴¹.

---

²⁴¹ Carli E. The Cathedral of Siena and the Cathedral Museum. Firenze, 1988. P.4.

Затронутый нами вопрос о достоверности общепринятой даты рождения папы, конечно, нуждается в отдельной тщательной проработке. Тем не менее, здесь будет уместно обратить внимание на некоторые его аспекты.

Вывод биографов Пия, о том, что он родился 18 октября 1405 года, основан на трех посылках. Первая: поскольку исправление даты сделано им самим, то это достаточный аргумент в пользу ее достоверности. Вторая: Пий указывает, что родился 19 октября в день св. Луки, но это невозможно в принципе, поскольку праздник евангелиста приходится на день раньше - следовательно папа ошибся и ошибка эта, скорее всего, заключается в неверном указании даты по римскому календарю (о разнице дат см.: Bernetti G. Ricerche e problemi. P.464). Вполне допустимо поэтому слегка подправить ее и вместо 19-го указать более точное число - 18-е октября. Третья: достоверность указанного года не вызывает сомнений, поскольку вполне надежно подтверждается косвенными данными, в частности содержащимися в ряде писем Энея.

Заметим, однако, что помимо фрагмента "Записок", сохранились и другие свидетельства о времени рождения папы. Наиболее авторитетное из них принадлежит двоюродному брату Пия апостолическому секретарю Грегорио де Лолли. Краткую историю его жизни он начинает так: "Родился Эней, который, став понтификом, назвался Пием, в восьмые календы сентября года от рождения Христова тысяча четыреста шестом [...]" (Ibid. P.464), то есть 25 августа 1406 года. Эта дата, впрочем, не находит подтверждения в других источниках.

Подведем некоторые итоги. Очевидно, взойдя на престол св. Петра и приняв почести, возносившие его до небес, Эней Пикколомини окончательно утвердился в давно зревшем в его душе гуманиста ощущении собственного величия, ощущении столь характерном для эпохи²⁴². Сердцевиной его было чувство собственной близости с идеальными моделями жизненного пути, рожденными античной и христианской традициями, с известными всем героями древности и христианскими святыми. Причем эта близость для него имела совершенно особый, почти мистический характер²⁴³. Пий уверовал, что его жизненный путь, после долгих странствий завершившийся "воцарением" в Риме, не просто напоминает путь мифического Энея, но является его прямым повторением, и что он сам является каким-то "новым Энеем"; что его положение предводителя войска, готовящегося к войне с турками, его воинская доблесть и благородство превращают его в "нового Цезаря"; что его элоквенция и его победы в словесных баталиях уподобляют его величайшему из древних ораторов. Но также и в то, что его жизнь, во всяком случае ее заключительная главная часть является воплощением идеала святости: он видит себя одновременно и христианским воином, сражающимся за веру, и мучеником, призванным подобно Спасителю умереть во искупление людских грехов.

Осознание или, точнее, прочувствование своего мистического родства с этими величайшими персонажами мировой истории налагало особую печать на жизнь Энея-Пия, превращалось в императив. В своих делах он должен был следовать образцам, заданным в этих биографических моделях, подражать им, причем делать это открыто, публично, дабы все признали в нем новое воплощение Энея, Цезаря, святого воина, мученика и других человеческих идеальных типов и чтобы его имя озарилось светом их вечной славы²⁴⁴. И

---

²⁴² См.: Weise G. *L'ideale eroico del Rinascimento e le sue premesse umanistiche*. Napoli, 1961. В частности, подборку высказываний Энея Пикколомини о "героическом": pp. 88, 89, 109, 125, 140, 165-167, 177, 185, 186, 216.

²⁴³ Гуманисты итальянского Ренессанса, подмечает одну из особенностей самосознания эпохи Л.М.Баткин, увидели в себе и в своем времени "возможность реализации божественных образцов. Идеальное было понято как имманентная суть реального" (Баткин Л.М. *Итальянские гуманисты*. С. 120-121). В другом месте он говорит об их стремлении "как бы превратиться в римлян и создать иллюзию возрождения античного жизненного уклада" (Там же. С.42). Подобное самовосприятие, очевидно, нельзя признать явлением специфически ренессансным. В то время как его противники видели в нем Антихриста или предтечу Антихриста, - свидетельствует Ж. Ле Гофф о Фридрихе II, - он представлял себя "императором конца времен", спасителем, который приведет мир к золотому веку..., новым Адамом, новым Августином, почти что новым Христом" (Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. М., 1992. С.250). Еще раньше Карл Великий именовался "новым Давидом, новым Соломоном, новым Иосией" (там же, С.251).

²⁴⁴ Жизнь Энея-Пия была заполнена, конечно, и другими вполне обыденными и земными делами и помыслами: поисками средств к существованию, надеждами на удачную карьеру, любовными увлечениями, участием в дворцовых интригах, потом уже на римском троне - устройством

кардинал Эней, избранный папой, становится Aeneas-Pius, намекая этим ученому миру об одном из своих "ликов", потом в присущей ему утонченной литературной манере заявляет о своем обращении к новой жизни в "Булле отречений", проявляет невиданную активность в подготовке безнадежного крестового похода, выбирает Мантую в качестве места проведения съезда христианских государей с тем, чтобы прославить родину Вергилия, всюду, где только представляется возможность, выступает с блестящими вполне "цицероновскими" речами, со странной наивностью обращается с великолепным посланием к турецкому султану, призывая его принять христианство, наконец, настойчиво готовит себе мученическую смерть и едва не преуспевает в этом²⁴⁵.

Характерной особенностью выступает то, что Пий не ограничивается признанием своей близости какому-то одному героическому типу, но сразу видит себя подобным многим. В сознании безграничности собственного "Я" он тоже выступает как "дитя своего времени", эпохи в которой призывно звучала мысль Полициано: "Поскольку природа любого человека не бывает вполне совершенной, нужно держать перед глазами достоинства многих, чтобы нечто взять у каждого"²⁴⁶. Причем наличие среди его идеальных "прообразов" языческих героев рядом и вперемешку с христианскими святыми почти не смущает папу, убежденного в том, что между языческой древностью и христианством нет пропасти, что современный ему Рим является как бы возрожденным Римом Цезаря и Августа, а римский папа - их преемником.

Желание папы "дать миру весть о себе" (выражение Б.Челлини), представить ему свой величественный облик во всей его красе, не ограничивается, однако, у него подражанием поступкам древних героев и святых. Он, всегда оставаясь в душе гуманистом, был абсолютно

своей родни (резкие обвинения папы в nepoтизме были вполне заслуженными), постоянными консультациями с врачами и длительным лечением многочисленных болезней и т.п. Но они не были для него главными. Пий вынужден был погружаться в эти дела не позову того его "Я", которое возносилось к небесам, соотнося себя то с Цезарем, то с Христом, но в силу определенных внешних обстоятельств, в силу того, что мир состоит одновременно как бы из двух взаимопроникающих реальностей: непосредственно данной и сублимированной. (О двух реальностях в ренессансном сознании см.: Баткин Л.М. Итальянские гуманисты. С.74-125.)

²⁴⁵ Ср. у Л.М.Баткина: "Гуманисты почувствовали себя словно бы находящимися в огромном историческом амфитеатре, где на них взирают бесчисленные нынешние и грядущие зрители". Поэтому они рассчитывали свои слова и жесты на века. "Стиль их мышления переходит в стиль жизни". Они стремятся "ритуализировать жизнь, подчинив ее известным правилам и образцам", превратить ее в "серьезную игру", которая "лежит посередине между безусловностью быта и безусловностью мира, сдвигая их с места и двусмысленно смешивая". В качестве примера такого рода ритуализованности и стилизованности он указывает на смерть Лоренцо Медичи. - Там же. С.91-92.

²⁴⁶ Цит. по: Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. С.45. О важности идеи "варьета" для понимания особенностей ренессансного сознания и самосознания см. там же, с.104-137.

убежден, что потомки могут узнать о великих деяниях и их творцах только тогда, когда о них будет написано, когда они превратятся в *litterae*, и, подобно Цезарю, решив упредить новых Плутархов и Светониев, взялся сам рассказать о себе. Так появились "Записки о достопамятных деяниях", в которых за сработанным для вечности и причудливо расцвеченным автопортретом папы видятся удивительные особенности самосознания человека, принадлежащего эпохе, которая все еще не переставала жить мифом и сама творила его²⁴⁷.

3. Особенности самосознания и творческая манера автора "Записок"

"Стереотипность" самосознания Пия, его ориентированность на идеальные модели прошлого, очевидно, самым непосредственным образом связаны с некоторыми особенностями композиции и стиля "Записок", прежде всего их подражательностью. Выше уже не раз говорилось, что сочинение папы во многом очень напоминает "Записки" Цезаря. Но точно так же оно напоминает и вергилиеву "Энеиду": помимо явного родства между протагонистами произведений, поразительной схожести их языка, об этом, возможно, свидетельствует и разбивка обоих на 12 книг (идея Пия добавить к ним 13-ю родилась позднее). Правда, "Записки о достопамятных деяниях" - произведение прозаическое, а "Энеида" - поэтическое, но ведь издавна считалось, что свою поэму Вергилий первоначально создал в прозе²⁴⁸. Если отвлечься от конкретных литературных прототипов "Записок" и задаться более общим вопросом об их жанровой принадлежности, обнаружится их явная близость "житиям пап" и особенно сочинениям античных историков и географов. Перед Пием-писателем существует несколько литературных моделей, которым он поочередно следует, выстраивая

---

²⁴⁷ Заметим, что упорные старания Пия остаться в памяти потомков великим и героическим не оказались вовсе уж безуспешными. Любопытное подтверждение этому находим у русского историка А.Лызлова, изображающего папу могучим исполином, поднявшим христиан против турок, но по трагической случайности не исполнившим своей богоугодной миссии:

"По том лет 6972-го папа римский Пиус Второй, иже прежде зван бысть Еней Сильвий, -- читаем в "Скифской истории", -- зжалившись бедственных христиан от турков избиенных, на прочих же оружие изготовляющих, начат подвизати на войну противу их многих христианских государей, иже и обещашеся тамо быти особами своими [...]"

Слышавше убо турки о таковом на себе христианских воинств соединении, быша в великом страхе. И мнози помышляху оставити жительство в Европе и паки во Асию в прежняя жилища отбежати [...]"

Но по истине ничто возмогша тогда сотворити христиане, ибо в самом начале предприятия войны тоя наивящий предводитель воинств христианских папа римский Пиус Второй умре моровым поветрием в пристанищном граде Анконе имянуемом, отнюду же и воинства вся разбегошася, кийждо во страны своя" // Лызлов А. Скифская история. М., 1990. С.221-222.

²⁴⁸ См.: Дератани Н.Ф. Вергилий и его "Энеида" // Вергилий. Энеида. М.;Л., 1933. С.14.

повествовательную ткань своего произведения. Такая творческая манера в известном смысле лишает "Записки" органичности, обнаруживая чередование в них тематически непосредственно не связанных фрагментов: автобиографический рассказ порой надолго оттесняется описаниями политических событий, историческими экскурсами, рассказами об обычаях и нравах жителей тех или иных местностей, о церковных делах. Каждый из таких фрагментов обычно строится по вполне определенной "схеме", которую чаще всего нетрудно разглядеть за внешне самыми непосредственными и живыми картинами, нарисованными автором.

Значительное место в I-й книге "Записок" занимает подробный и исключительно яркий, полный внутреннего драматизма рассказ о событиях, развернувшихся на конклаве 1458 года при избрании Энея папой (см. об этом в гл.2). Однако это не просто "зарисовки с натуры" отдельных эпизодов борьбы за папскую тиару, но повествование определенным образом организованное, по своему иллюстрирующее доктринальные представления о богоизбранности главы церкви²⁴⁹. Сам конклав - учреждение чисто земное - ни о чем подобном не говорится ни в Библии, ни в святоотеческих писаниях, - поэтому и его члены вполне могут руководствоваться в своем волеизъявлении корыстью, властолюбием, страхом или какими-то еще отнюдь не возвышенными мотивами. Но в конечном счете все решается на небесах. Господь чудесным образом поворачивает события так, что наместником Христа становится его избранник²⁵⁰.

Остановимся несколько подробнее на другом эпизоде - рассказе о посещении папой Флоренции во время его путешествия в Мантую (II, 26-31). У Пия он вполне отчетливо распадается на несколько небольших фрагментов: въезд первосвященника в город, краткое изложение истории Флоренции и недавних политических событий, рассказ о выдающихся людях современности (особенно подробный - о Козимо Медичи и архиепископе Антонине), о знаменитых флорентийцах прошлых лет, о наиболее замечательных постройках, наконец, о нравах жителей и зрелищах, устроенных по случаю пребывания папы. Обо всем этом

---

²⁴⁹ См.: Ullmann W. Principles of Government and Politics in the Middle Ages. New York.;London, 1974; Idem. The Papacy and Political Ideas in the Middle Ages. London, 1976.

²⁵⁰ "Испытанием и проверкой величайшего благоразумия являются конклавы, - пишет анонимный теолог, - поскольку в них Божественная Мудрость в высшей степени удивительно посрамляет человеческую. Мы убеждаемся, что самые тайные, хитроумные и осторожные сделки, в коих душа Политика использует все силы, которыми она обладает, вдруг по мановению Неба расстроившись и обнажившись, приводят к совершенно иным результатам. Здесь явно остаются разочарованными сатрапы мирской суеты, подтверждая помимо своей воли слово Св. Духа, каковой является учителем истинной Политики: "Нет мудрости и нет разума, и нет совета вопреки Господу" (Притч 21, 30)" (Conclavi de pontifici romani quali si sono potuti trovare fin a questo giorno. S.L., 1667).

говорится довольно своеобразно: общий приподнятый тон нередко нарушают живые картины происходящих вокруг событий, короткие авторские замечания и оценки.

Едва войдя во флорентийские земли, папа был торжественно встречен посланниками, среди которых оказалось немало представителей высшей городской знати, и в сопровождении почетного эскорта двинулся к воротам города, где его терпеливо ожидали первые люди Флоренции. После приветствий Пий, окруженный многочисленной толпой радостно возбужденного народа, вошел в город. Процессия, как и подобает такому случаю, была необычайно пышной. Впереди ее священники несли мощи святых. Сам понтифик восседал в золотом кресле, которое по очереди несли на плечах члены знатнейших итальянских фамилий. Остальные шествовали по сторонам, ожидая возможности заполучить себе эту почетную обязанность.

Дальше эпически торжественное описание прерывается двумя не лишенными комизма эпизодами. Среди тех, кому выпало нести кресло, оказался давний противник Рима и впоследствии заклятый враг Пия тиран Римини Сиджизмондо Малатеста. Не имея возможности открыто уклониться от доставшейся ему роли, он лишь раздраженно восклицал под тяжестью папы, взывая к окружающим: "Смотрите, до чего довели нас, правителей городов!" (II, 26). Рядом с ним шел также старший сын Франческо Сфорца Галеаццо, юноша не по летам образованный и рассудительный, но обладавший слишком маленьким ростом, так что он никак не мог разделить вес кресла с остальными и лишь делал вид, что им помогает. Заметив это, папа досрочно освободил юношу от столь неловкого положения.

Затем рассказ опять входит в привычное русло. Город, продолжает автор, был полон народа, как флорентийцев, так и жителей окрестностей, собравшихся отовсюду, чтобы поглядеть на нового папу и оказать ему знаки почтительности. И опять как бы скатывается к малозначительным подробностям: женщины в собравшейся толпе "были богато разодеты и было удивительное множество нарядов, как местных, так и иноземных, а их покрытые белизной лица, - добавляет Пий не без осуждения, - явно выдавали использование грима" (Ibid). И снова возвращается к прерванной в доминирующей в описании приподнятой тональности: "Понтифик посетил церковь святой Репараты и баптистерий Сан Джованни и в обоих благословил народ. Ему были уготованы покои в Санта Мариа Новелла, где до него принимались Мартин и Евгений²⁵¹" (Ibid).

После рассказа о прибытии во Флоренцию Пий переходит к истории города. Он был построен на руинах Фьезоле, разрушенного готским королем Тотилой и некогда назывался

---

²⁵¹ Имеются в виду папы Мартин V и Евгений IV.

Fluetia, поскольку река Арно "протекает" через него. Флоренция подчинила себе немало соседних земель, но и сама часто страдала извне, особенно со стороны германских императоров. Герцоги Милана долгое время испытывали к ней ненависть, пока Франческо Сфорца, пришедший к власти с помощью флорентийцев, не стал их близким другом. Короли Неаполя проявляли по отношению к Флоренции то враждебность, то расположение, а одно время даже ею управляли. Избавившись, наконец, от иноземцев, народ поверил в свою свободу, но вскоре узнал настоящее рабство, "поскольку изгнал одного господина только для того, чтобы получить многих" (II, 27). Город, заключает автор, часто был изнуряем гражданской войной из-за того, что знать упорно сражалась за свое господство.

Исторический экскурс сменяет описание политической борьбы недавних лет, которую возглавили три, по словам Пия, "наиболее выдающихся флорентийца нашего времени" - Палла Строцци, Никколо Уццано и Родольфо Перуцци. Первый превосходил всех богатством, второй - мудростью, третий - военной доблестью. Они, однако, потерпели поражение и были отправлены в изгнание. В городе же окончательно установилась тирания Козимо, "получившего такие богатства, - тут автор (редкий случай!) добавляет "от себя", - которыми, я думаю, едва ли обладал Крез" (II, 28). Как бы резюмируя эту часть своего рассказа, Пий приводит короткий диалог, состоявшийся в это же самое время между ним и одним из епископов. На вопрос папы, что тот думает о Флоренции, епископ, отвечая иносказательно, выразил сожаление, что такая прекрасная женщина не имеет мужа. Понтифик слегка возразил на это: "Да, но она имеет любовника" (Ibid).

Фигура Козимо Медичи особо занимает Пия, и он посвящает ей не одну страницу, хотя тот даже не удостоил его встречей - то ли 70-летний тиран был действительно болен, то ли, замечает автор, "как многие верили, притворялся [...], дабы не иметь необходимости прислуживать папе" (Ibid).

Тут же рядом с Козимо Пием воссоздается образ другого знаменитого флорентийца - недавно умершего архиепископа Антонина, чья жизнь, являясь как бы новым воплощением христианских идеалов, обладает величием иного рода: он "победил алчность, подавил гордыню, был совершенно не знаком с плотским вожделением и в высшей степени воздержан в еде и питье". К тому же он являлся превосходнейшим теологом, написал несколько книг, которые превозносятся учеными, имел необычайный успех как проповедник, "хотя поносил грех с величайшим неистовством" (II, 29).

Дальше Пий переходит к славным мужам Флоренции прошлого и первым среди них, как снискавшего наибольшую известность, называет Данте, "чья великая поэма с ее

знаменитым описанием Рая, Ада и Чистилища дышит почти божественной мудростью, хотя, будучи смертным, - добавляет рассказчик, очевидно имея в виду антипапские выпады поэта, - он иногда ошибался" (II, 30). Следом за ним стоит Петрарка, "равного которому было бы трудно найти, если бы его латинские сочинения были сравнимы с теми, которые он создал на итальянском" (Ibid). За Петраркой, как нетрудно предугадать, автор помещает Боккаччо и тоже с оговоркой - "хотя он был несколько более допустимого фриволен" (Ibid). Потом идут Салютати, чьи проза и стихи "соответствовали его временам, но кажутся грубыми в наши", Бруни, "обладавший почти цicerоновым красноречием" (Ibid), едва ли не равный ему в прозе, но превосходящий в стихах Марсупини и, наконец, Браччолини, создавший несколько замечательных трудов. К этой когорте поэтов и писателей примыкают два флорентийца, особо отличившихся воинской доблестью: Филиппо Сколари, многие годы фактически правивший Венгерским королевством, и Никколо Аччайуоли, знаменитый великий сенешаль королевства Сицилии.

Едва закончив рассказывать о них, Пий сразу приступает к новой теме. "Город, - продолжает он, - вызывает восхищение не только своими славными гражданами, но и своими размерами (во всей Италии его превосходит только Рим), высокими и необычайно толстыми стенами, которые его окружают, изысканностью улиц и площадей, которые не только широки, но и прямы, великолепными церквями и прекрасными возвышающимися дворцами [...]" (II, 31). Автор особо выделяет среди них церковь святой Репараты, дворец Приоров и дворец Лоренцо Медичи. Он восхищается также часовней святого Иоанна Крестителя и церковью Сан Лоренцо, и мостами, и множеством жителей, и их костюмами, и разного рода лавками, и огромными поместьями, и превосходными роскошными виллами около города, и, наконец, живым умом горожан, "хотя больше всего он проявляется в торговых делах, что философы считают недостойным" (Ibid).

Так незаметно Пий подступает к еще одной, теперь уже заключительной части своего рассказа - о нравах местного населения. Флорентийцы, говорит он с очевидным неодобрением, "кажутся слишком склонными к обогащению и поэтому, когда первые люди города собрали 14.000 дукатов с народа для того, чтобы оказать почести папе, они оставили большую часть собранного для нужд города [...]" (Ibid). На устройство же празднеств было истрачено очень немного, хотя на площадь и были приведены львы, чтобы сражаться с лошадьми и другими животными и проходили турниры, на которых, впрочем, "было гораздо больше выпито вина, чем пролито крови" (Ibid). Этими словами описание пребывания папы во Флоренции заканчивается и автор переходит к иным сюжетам.

Трудно воздержаться от подробных комментариев такого яркого фрагмента и не сказать о гуманистических ценностях и великолепном "почти античном" стиле Пия-писателя, его необычайно выразительной авторской манере и наблюдательности. Тем не менее обратим внимание лишь на одну особенность приведенного описания. При всей своей живости рассказ Пия явно содержит в себе определенную заданность и схематизм, которые становятся особенно очевидными при сравнении с другими подобными описаниями - посещения папой Перуджи, Сиены или Феррары. Ясно, что в каждом из них автор использует практически один и тот же набор тем: прибытие понтифика в город и его торжественная встреча, исторический экскурс, рассказ о современных политических событиях, замечательных людях, обычаях жителей. Причем природа такого схематизма не вызывает сомнений - папа-гуманист с усердием подражает античным литературным образцам. Следуя тем же образцам, он строит и отдельные сюжеты: триумфальный въезд в город, рассказ о его доблестных мужах, описание построек.

Некая заданность приведенного отрывка обнаруживается еще и в другом. Те авторские отступления, которые так его оживляют, на проверку оказываются не столь уж неожиданными. В большинстве своем они откровенно "работают" на выполнение исходной задачи сочинения - создание образа одного из величайших первосвященников. Так эпизод с освобождением низкорослого Галеаццо превращается в свидетельство великодушия понтифика, со злобно бормочущим Малатестой - ничтожества его врагов, реплика о правителе Флоренции - остроумия, указание на излишнее стремление флорентийцев к наживе - благочестия. Автор "Записок" словно говорит не "от себя", не то, что он сам хочет сказать, но то, что следует говорить в подобном случае. К такому заключению подталкивает и обилие в описании "общих мест", всем известных сведений по истории Флоренции - по-видимому, большую его часть за исключением нескольких "живых картин" папа вполне мог бы написать и не выезжая из Рима.

Между тем, Пий явно уделяет этим общеизвестным фактам особое внимание, не просто бегло пересказывает их, но делает это даже с каким-то упоением, как будто он первым из всех узнал о прошлом города и увидел, что он делится на две части Арно, и будто именно ему принадлежит заслуга определения истинного места каждого из флорентийских писателей. Его авторское "Я" проявляется не в том, чтобы поведать читателю о чем-то принципиально новом, до него никем не сказанном, и сделать это в своей особенной писательской манере, но в своеобразном воспроизведении "топосов", заданных античной и христианской литературными традициями, допускающем их интонирование, и все же остающимся по своей сути повторением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. НА ПУТИ К НОВОЕВРОПЕЙСКОМУ САМОСОЗНАНИЮ

В своем стремлении соотнести собственный человеческий образ и собственный жизненный путь с идеальными биографическими моделями античной и христианской традиций Пий не составляет исключения. Скорее наоборот, в этом его стремлении находит выражение общая для ренессансного самосознания тенденция. Так по двум легко узнаваемым образцам жизненных форм строит рассказ о себе Петрарка в "Письме к потомкам" - взлелеянного славой древнего поэта (Вергилий или Овидий²⁵²) и наделенного греховной природой человека, ничтожного перед лицом Бога (христианин). Поэт одержим безмерной жаждой почестей, намерением возвыситься над другими людьми, снискать расположение царственных особ. Уже в юности в Авиньоне, рассказывает Петрарка, он начал приобретать известность и "могущественные мужи стали домогаться знакомства" с ним²⁵³. Но высшим триумфом Поэта стало увенчание его лавровым венком "среди величайшего ликования римлян"²⁵⁴, которому предшествовали два почетнейших приглашения для получения награды - от самого Римского сената и от канцлера Парижского университета. С этого времени невиданные почести и громкая слава становятся неизменными спутниками Петрарки. "Величайшие правители моего времени, - гордо заявляет он потомкам, - любили и чтили

---

²⁵² Обращение к потомкам Петрарки явно перекликается с известным двустишием Овидия из "Скорбных элегий": "Тот я, кто некогда был любви певцом шаловливым. / Слушай, потомство, и знай, чьи ты читаешь стихи" // Овидий, Публий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1979. С.65 (пер. С.Ошерова).

²⁵³ Et familiaritas mea a magnis expeti ceperat (Petrarca F. Prose. Milano, 1955. P.10).

²⁵⁴ Summo cum gaudio romanorum (Ibid. P.16).

меня"²⁵⁵, при этом некоторые из них, признается он дальше, ценили его внимание больше, чем он их. Роберт Неаполитанский окружил Поэта небывалым почетом, а "Африка" привела его в такой восторг, что он "выпросил как великую награду посвящение ее себе"²⁵⁶. И такая оценка его поэтического дара, заканчивает Петрарка описание своих триумфов, в то время "совпадала с оценкою многих" и прежде всего его собственной²⁵⁷.

Однако параллельно в "Письме к потомкам" идет рассказ и о Петрарке-христианине. "Был же я одним из вашего стада, смертный человечешко"²⁵⁸, - смиренно взывает он к читателям в самом его начале, задавая еще один совершенно иной тон повествованию. Свою жизнь в соответствии со средневеково-христианской традицией Петрарка делит на пять возрастов, из которых три (юность, молодость и старость) оказываются наиболее значимыми - на протяжении их подготавливается и происходит "обращение" Поэта, открытие им высшей Божественной истины. Оно круто меняет всю жизнь Петрарки, отвращая его помыслы от греховного мира, даже от поэзии, место которой теперь занимает "священная наука" (*sacris literis*)²⁵⁹. Этому "обращению" сопутствует горькое раскаяние в содеянных грехах, в особенности в грехе тщеславия, признание собственных ошибок, тщеты всего мирского. Фигура Петрарки-христианина, таким образом, получает вполне законченные очертания.

Но Петрарка не идентифицирует себя полностью ни с Поэтом, ни с Христианином. Как и в других его сочинениях, особенно в "Моей тайне", в "Письме к потомкам" видны явные следы тяжелой борьбы в душе автора - вопрос "кто Я?" остается для него по-прежнему актуальным. При ближайшем рассмотрении его рассказ о себе оказывается крайне противоречивым, непоследовательным и - так и не завершенным. В одном месте, говоря о почестях, которые он принимал от государей, Петрарка замечает, что считал их вполне заслуженными²⁶⁰, в другом заявляет обратное, что всегда был чужд тщеславию - "знал гордость в других, но не в себе и, как бы ни был мал, всегда ценил себя еще меньше"²⁶¹. Не вполне понятны и мотивы его подробных описаний собственных триумфов - продиктованы ли они раскаянием в юношеском тщеславии или, может быть, неумным желанием донести до потомков героической образ Поэта, сравнившегося в своем величии со знаменитейшими служителями Муз древности? Спор между Петраркой-поэтом и Петраркой-христианином

---

²⁵⁵ *Maximi reges mee etatis et amarunt et coluerunt me* (Ibid. P.6).

²⁵⁶ *Eam sibi inscribi magno pro munere posceret* (Ibid. P.14).

²⁵⁷ *Et multorum et meo in primis iudicio consonum fuit* (Ibid. P.16).

²⁵⁸ *Vestro de grege unus fui autem, mortalis homuncio* (Ibid. P.2).

²⁵⁹ Ibid. P.6.

²⁶⁰ См. выше прим. 6.

присутствует и в построении фразы, придавая ей прерывистый ритм, словно Христианин постоянно сдерживает гордый порыв Поэта. "Коли ты услышишь что-нибудь обо мне, - обращается к потомку Поэт, используя сослагательное наклонение скорее всего как риторический прием, - хотя сомнительно, чтобы мое ничтожное и темное имя проникло далеко сквозь пространство и время", - пытается возразить ему Христианин. Но Поэт, не слушая его, продолжает: "то тогда, быть может, ты возжелаешь узнать, что за человек я был и какова была судьба моих сочинений [...]"²⁶². Исход этого неоконченного спора все же угадывается - Поэт должен одержать верх. Об этом говорит и общая героическая тональность произведения, и приглушенность в нем исповедальных и покаянных мотивов, и его литературная форма, напоминающая рассказ *de successibus studiorum*²⁶³, и, наконец, прямая обращенность к потомкам²⁶⁴.

Название автобиографического сочинения Джованни Конверсини да Равенна - "Счет жизни" - невольно рисует в воображении фигуру "добродетельного главы семьи, занятого подсчетом итога ведения домашнего хозяйства по своей аккуратно заполненной учетной книге"²⁶⁵. Однако автора интересует не соотношение расходов и доходов, а вопрос о том, может ли человек превзойти себя, свою природу, испорченную первородным грехом, и перед ним не колонки цифр, а история собственной жизни, жалкой и грешной.

Автобиографизм Конверсини имеет одну последовательно выдержанную тональность и строится по одной хорошо известной средневековой биографической модели. "Взвешивая" события прожитых лет, он не устает повторять о собственной ничтожности, суетности мирских забот, превращает чуть ли не каждый рассказанный эпизод в *exemplum*, конкретный, порой крайне натуралистический пример, иллюстрирующий общеизвестную истину: человек

---

²⁶¹ *Sensi superbiam in aliis non in me; et cum parvus fuerim, semper minor iudicio meo fui* (Petrarca F. Op. cit. P.4).

²⁶² Этот отрывок приводится в переводе М.Гершензона: Петрарка, Франческо. Сонеты, избранные канцоны, секстины, баллады, мадригалы, автобиографическая проза. М., 1984. С.394. Ср. в оригинале: *Fierit tibi forsan de me aliquid auditum; quandam et hoc dubium sit: au exiguum et obscurum longe nomen seu locorum seu temporum perventurum sit. Et illud forsitan optabis nosse: quid hominis fuerim aut quis operum exitus meorum [...]* (Petrarca F. Op. cit. P.2).

²⁶³ В рукописном тексте перед началом сочинения значится: *Rerum senilium liber XVII explicit. Amen.* И затем: *Incipit XVIII. Posteritati. De successibus studiorum* (Ibid. P.1161).

²⁶⁴ См. у М.М.Бахтина: "Биографическая ценностная установка по отношению к своей жизни побеждает исповедальную у Петrarки, хотя не без борьбы. Исповедь или биография, потомки или Бог, Августин или Плутарх, герой или монах - эта дилемма со склонением ко второму члену проходит через всю жизнь и произведения Петrarки..." И дальше: "Исповедальный тон часто врывается в биографическое самодавление жизни в эпоху раннего Возрождения. Но победа остается за биографической ценностью" (Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.131).

²⁶⁵ Nason V. Introduzione // Giovanni Conversini da Ravenna. *Rationarium vite*. Firenze, 1986. P.12.

порочен по своей природе²⁶⁶. Средневеково-христианские представления о жизненном пути человека в целом остаются для Конверсини незыблемыми²⁶⁷. Сначала он рассказывает о себе как о кротком ребенке (*delicatus puer*), затем - нерешительном подростке (*lubricus adolescens*), тщеславном юноше (*vanus iuvenis*), зрелом мужчине, погрязшем в пороках, и только к старости - как о добропорядочном христианине, после длительного процесса духовного мужания окончательно убедившемся в греховности и иллюзорности мирских благ. Этой общей схеме подчинены все главные темы и сюжеты Конверсини: рассказ о детстве в Равенне, где он воспитывался дядей францисканским монахом, необычайно ранней женитьбе и принесенных ею несчастиях, о годах учения, увлеченности науками, преподавательской деятельности, о своих сочинениях, странствиях по Италии в поисках достойного применения своих сил, о получении в конце концов должности секретаря синьории в Падуе и почетном посольстве к папе Бонифацию IX. Говоря обо всем этом, автор подробно описывает происходившую в его душе борьбу, попытки уйти от мирской суеты и стать на путь истинный и в конце концов заключает, что уберечься от греховных соблазнов в одиночку чрезвычайно трудно, пожалуй, что нельзя вовсе - человек для этого слишком слаб. Победить зло в себе можно только с помощью Бога, и на эту помощь как на последнюю надежду уповает Конверсини²⁶⁸.

Наконец, даже в "Жизни" Челлини, герой которой крайне "эгоцентричен" в сравнении с героями других ренессансных автобиографических сочинений, парадигмы жизненного пути, лежащие в основании образа Бенвенуто, вполне различимы. Рассказ о самом себе в значительной мере строится здесь по тем биографическим клише, которые стали складываться в ренессансной художественной среде, найдя наиболее полное воплощение в знаменитом сочинении Вазари. Бенвенуто так же, как Микельанджело и как другие великие мастера, является в мир, дабы создать совершенные произведения искусства. Рассказ о его рождении, полный возвышенных тонов - первое свидетельство этого в тексте "Жизни" (I,3)²⁶⁹. Потом

---

²⁶⁶ О жанре *exemplum* в средние века см.: Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников: *Exempla*, XIII в. М., 1989.

²⁶⁷ Античное наследие воспринимается Конверсини более поверхностно, чем гуманистами "первой величины", поэтому язык древних, заимствования из Вергилия, Ювенала, Лукиана, Горация и др. являются у него лишь украшением конструкции, остающейся по своей сути вполне традиционной.

²⁶⁸ Когда эти ожидания оказываются обманутыми, герой "Счета жизни" произносит страшные слова - "Бога нет!" (Кн. XVII, гл.I). Но это не больше, чем мгновенное помутнение рассудка, очередное свидетельство человеческой слабости.

²⁶⁹ Здесь и далее сноски и цитаты приводятся по изд.: Челлини Б. Жизнь / Пер. М.Лозинского. М., 1958 (римская цифра указывает номер книги, арабская - главы). В одном случае дается уточненный перевод и приводится итальянский текст по изд.: Cellini B. Opere / A cura di B.Maier. Milano, 1968. Описание рождения Бенвенуто содержит прямые параллели и с текстом Евангелия (Лк I, 57-64), и

следуют многочисленные другие, среди которых особое место занимают описания собственных творений и работы над ними, нередко обретающие сакральное звучание, как, например, знаменитый эпизод с отливкой Персея (II, 75-78)²⁷⁰. Словно следуя рассуждениям Альберти о небесной природе искусства, Бенvenuto превращается в них в некое подобие Бога-Творца, созидającego мир по его собственной воле²⁷¹. Кроме того, он доказывает правоту собственного искусства своим нравным и невежественным заказчикам, не ведающим его подлинной цены, упорствует над неподатливым материалом, состязается в мастерстве с другими ювелирами и скульпторами, словом, делает то, что и "должен" делать ренессансный художник. Хотя Бенvenuto, конечно, художник особый, обладающий бесчисленным множеством других талантов. Он еще и храбрый воин, не знающий, "какого цвета бывает страх", и способный "защитить себя против ста" (I, 75), и прекрасный музыкант, играющий на корнете "как никто другой" (I, 11, 28), и оружейник, работающий пищали, которые "гораздо красивее и гораздо прочнее турецких" (I, 31), и первооткрыватель "наилучших секретов изготовления пороха, какие когда-либо до сего дня кто-либо находил" (I, 27); помимо всего этого он способен дать верное истолкование темного места дантовского "Ада", чего до него не смог сделать ни один ученый (II, 27), -- и даже научиться летать (I, 107)! Кажется, нет такой области приложения человеческих сил, где Бенvenuto не совершил бы чего-нибудь невиданно-великого, возвышающего его над другими людьми, его доблесть безгранична во всех измерениях.

Автобиографизм Челлини имеет, однако, и еще одну парадигму, определенно контрастирующую с тем образом протагониста "Жизни", который, родившись еще в эпоху романтизма благополучно перекочевал в XX век²⁷². Это парадигма Бенvenuto-христианина, человека, не способного помыслить себя без Бога и вне Божественного космоса²⁷³.

одновременно с соответствующим местом из жизнеописания Микельанджело Дж.Вазари, где биограф рассказывает как явился миру великий гений и как он был наречен необычным именем (Вазари Дж. Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М., 1971. Т.5. С.213-214).

²⁷⁰ Интерпретацию эпизода см.: Пинский Л. Бенvenuto Челлини и его "Жизнеописание" (Челлини Б. Указ. соч. С.11).

²⁷¹ Альберти Л.-Б. Три книги о живописи // Мастера искусств об искусстве. М., 1937. Т.I. С.75.

²⁷² См. об этом: Maier B. Svolgimento storico della critica su Benvenuto Cellini scrittore // *Annali triestini*. 1950-1951. Vol. XX-XXI.

²⁷³ Заслуга тщательнейшего анализа образа Бенvenuto-христианина принадлежит М.Гульельминетти (Guglielminetti M. Memoria e scrittura: L'autobiografia da Dante a Cellini. Torino, 1977. P.309-386). Однако увлеченность ученого гипотезой о зависимости "ранней" автобиографии от "Исповеди" Августина часто приводит к тому, что он забывает о других автобиографических лейтмотивах, параллельно звучащих в "Жизни". В результате образ Бенvenuto оказывается у него слишком односторонним, а главная идея сочинения Челлини сводится к рассказу об обретении души Бога.

В юности Бенвенуто, хотя и испытывает на себе знаки особого расположения Небес, в целом, остается далеким от Господа, если не сказать больше. Иногда он даже бывает одержим дьяволом (I, 17,73 и др.), а однажды по собственной воле обращается за помощью к силам тьмы²⁷⁴. Перемены происходят лишь в середине его жизненного пути во время заточения в замке Св. Ангела. Здесь, готовясь к смерти, Бенвенуто "очищается", устремляет свои помыслы к Небесам (I, 115) и тут же удостоивается чудесного видения, свидетельствующего о том, что Господь благоволит ему (I, 115-118)²⁷⁵. Происходит как бы второе его рождение, начинается новая жизнь, наполненная служением Господу и искусством (он несколько лет упорно работает над одним из своих шедевров, мраморным распятием), и разнообразными другими благими делами. Во второй книге Челлини уже изображает себя исполненным святости вершителем Божьей воли, одним из знаков чего оказывается нимб, засиявший над его головой (I, 128)²⁷⁶. Все его сочинение оказывается, таким образом, не чем иным, как хвалой и благодарением Господу, который избрал Бенвенуто для свершения стольких славных и поистине чудесных дел. "Эту мою жизнь, полную бедствий, я пишу, - разъясняет читателю его замысел автор, -/чтобы возблагодарить Бога природы, что мне дал душу и после ее блюл. /Многие славные дела я совершил и живу [...]"²⁷⁷.

---

²⁷⁴ Челлини подробно и красочно описывает свое участие в некромантических действиях, имевших целью с помощью демонов возвратить его возлюбленную (I, 64-65).

²⁷⁵ Это "обращение" Бенвенуто было подготовлено предшествующими событиями его жизни, в частности выходом из его тела "огромного червя" (I,85), что, очевидно, должно понимать как изгнание дьявола (см. об этом: Guglielminetti M. Op. cit. P.339-340).

²⁷⁶ Любопытно отметить, что образ Бенвенуто-христианина (или даже святого) достаточно своеобразен. В нем явно не хватает одного существенного компонента христианской антропологии - контроверзы греховности-божественности. Он как будто воплощает лишь одну ее половину - божественную ипостась человека - и в этом разительно отличается от героев Петрарки или Конверсини. Что касается своих буйств и смертоубийств, то он объясняет их не собственной "испорченностью", а привходящими моментами - либо одержимостью дьяволом, либо, наоборот, необходимостью исполнения Божьей воли.

²⁷⁷ Questa mia vita travagliata io scrivo/ per ringraziar lo Dio della natura,/ che mi die l'alma e poi ne ha'uto cura./ Alte diverse, imprese ho fatto e vivo [...]

Скажем несколько слов еще об одной большой группе ренессансных автобиографических произведений, стоящей несколько обособленно. В сочинениях итальянской "малой" литературы, родившейся из разного рода деловых записей - "памяток" или "записок для памяти" (ricordi, ricordanze), "домашних хроник" (cronica domestica), расчетных книг "не для чужих глаз" (libro segreto), дневников (diario), записных книжек (zibaldone) - очертания фигур их героев и их прототипы (если таковые вообще имеются) трудноразличимы. Прежде всего потому, что это не столько рассказы о себе, сколько о своей семье, роде или "нации" (nazione), каком-то высшем по отношению к индивиду организме. Или иначе - о себе, но лишь постольку, поскольку "Я" автора является неотторжимой частью надличного целого - не случайно он нередко путает в своем рассказе "я" и "мы", оставляет пропуски в тех местах, где память ему отказывает, дабы их восполнил кто-то другой в будущем, прерывает своей повествование на полуслове в надежде, что оно будет продолжено, - и действительно находит продолжателей из числа потомков. Отсюда же и своеобразная двухчастная форма пополанских "автобиографий", неизменно начинающихся с длинного перечня предков. "Личное" проглядывает

Очевидно, что ренессансный автор, рассказывая о себе, не может обойтись без тех или иных биографических образцов - в этом отношении он еще остается традиционалистом по своему духу, он еще слишком "авторитарен", хотя уже и не в средневековом смысле²⁷⁸. И в этой еще не преодоленной спаянности с идеальным миром авторитетов заключается, пожалуй, главная особенность, отличающая его видение самого себя от самосознания Нового времени²⁷⁹.

Начиная со второй половины XVIII века создатели автобиографий все более и более настойчиво заявляют о своей личности как о единственной и неповторимой. Первой на этом

здесь лишь иногда в более или менее крупных фрагментах и плохо складывается в какой-то определенный образ или жизненный тип.

Все это в полной мере относится к "Хронике" Бонаккорсо Питти, наиболее автобиографичному произведению ренессансной популяно-купеческой литературы. Жизненный путь ее героя оказывается лишенным какой бы то ни было общей фабулы, предельно овнешненным и фрагментарным. Ближе к концу он вообще перетекает в длинное перечисление мест, в которых он побывал или занимаемых им должностей, или даже сведений, относящихся к политической жизни Флоренции. Увидеть героя в "личностном измерении" можно лишь иногда, в отдельных эпизодах, таких, например, как рассказ о ссоре семейства Питти с семейством Манелли, о чудесном исцелении или об увлечении "одной дамой". В них просматриваются некоторые черты его образа: жажда странствий, страсть к игре в кости (в юные годы), увлеченность коммерцией, патриотизм, решительность рядом с благоразумием, справедливость, мужество, чувство собственного достоинства. Автор "Хроники", видимо, вовсе не намеревается поведать грядущему миру как Петрарка, "что за человек я был". Его автобиографизм имеет иные, скорее всего, не вполне осознанные мотивы, являясь лишь частью (хотя и значительной) некоего странного целого. Скрепляющей основой всех этих чрезвычайно разнородных записей оказывается особый "хронотоп" произведения - дом флорентийского популана, наполненный многочисленными домочадцами, для которых только и ведутся записи и только которым может быть интересна каждая из них: и указание размеров приданного, полученного сыновьями, и рассказы об успехах автора на государственной службе, и список плодоносных деревьев в саду. (Питти, Бонаккорсо. Хроника / Пер. З.В.Гуковской. Л., 1972. Об автобиографической литературе ренессансных купцов и "деловых людей", помимо указанных в примечании 4 введения, см.: Del Lungo, Isidoro. Introduzione // Velluti, Donato. La cronica domestica. Firenze, 1914. P.IX-XLVII; Guzzoni degli Ancarani C. La cronica domestica toscana dei secoli XIV e XV. Lucca, 1920; Varese Cl. Storia e politica nella prosa del Quattrocento. Torino, 1961. P.21-64; Guglielminetti M. Op. cit. P.226-269; Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. Л., 1990. С.243-245, 281-282 и др.; он же. "Хроника" Бонаккорсо Питти // Питти Б. Указ. соч. С.185-200; Рутенбург В.И. Автобиография Питти и итальянская литература // Там же. С.201-217; Баткин Л.М. Этюд о Джованни Морелли // Вопросы истории. 1962. N 12. С.88-108).

²⁷⁸ Об обращенности сознания средневекового человека к идеальным жизненным моделям прошлого см.: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С.302. Ренессансная "авторитарность", однако, существенно отличалась от средневековой прежде всего тем, что в основе своей она была неоднородной, "республиканской". Возрождение, "открыв" великие авторитеты древности и признав возможность их существования параллельно с христианскими, обрело таким образом двойственную природу. В сознании эпохи сошлись "теза античности, антитеза христианства и собственное синтезирующее философствование", возникла "проблема взаимодействия и совмещения исторически разведенных, спорящих духовных наследий" - Баткин Л.М. Итальянский гуманистический диалог XV в. // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С.208, 192; Он же. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М., 1978. С.6.

пути выситя фигура Жан-Жака Руссо, вдруг необычайно остро ощутившего собственную исключительность. "Я один. - Не без упоения сделанным открытием заявляет он. - [...] Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мною; [...] *я не похож ни на кого на свете*"²⁸⁰. (Здесь и далее курсив мой - Ю.З.) Даже рассказывая о чем-то, казалось бы, стороннем, вроде детской дружбы с двоюродным братом Бернаром, Руссо не может удержаться от того, чтобы не подчеркнуть ее исключительность, которая, конечно, коренится в его неповторимой индивидуальности. Он говорит об этой дружбе как о примере "может быть *единственным с тех пор, как существуют дети*"²⁸¹.

Подобное самовосприятие, очевидно, было теснейшим образом связано с интимизацией внутреннего мира человека, рождением представлений о существовании в нем некоего скрытого ядра, его подлинного "Я"²⁸². Свое отличие от других, свою обособленность и свое одиночество человек Нового времени стал осознавать именно исходя из существования этого никому кроме него по-настоящему не известного, единственного во всей Вселенной внутреннего "Я".

У авторов XX века ощущение собственной исключительности нередко достигает чрезвычайной силы. В автобиографиях появляются рассуждения о "тайне личности, ее единственности", об "остром чувстве своей особенности, непохожести на других", о "собственном одиночестве перед лицом трансцендентного", "изначальной автономности и антиавторитарности"²⁸³. Ничего подобного нельзя обнаружить в ренессансных автобиографических сочинениях. Здесь встречаются, пожалуй, лишь заявления Челлини, что "таких, как он, ходит, может быть один на свете" (II, 55), которыми автор "Жизни" свидетельствует однако вовсе не о своей инаковости, не о неповторимости своего "я", но о

---

²⁷⁹ П.Бёрк замечает в этой связи, что в эпоху Ренессанса не только автобиографии, но даже сны людей были стереотипными. - Burke P. The historical anthropology of early modern Italy: Essays on perception and communication. Cambridge, 1987. P.20.

²⁸⁰ Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. М., 1961. Т.3. С.9-10 (Пер. М.Н.Розанова).

²⁸¹ Он же. Исповедь / Пер. В.Устрялова. СПб., 1898. С.9.

"Собственное частное и неповторимое существование, - пишет Л.М.Баткин о характере автобиографизма Руссо, - по-видимому, обладает в его глазах значительностью и может предстать в качестве мученического жития индивидуалиста, в виде неподражаемого "примера", *exemplum*'a, именно потому, что это жизнеописание создано гением" (Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. С.21). Мне, однако, не вполне ясно, почему это свое суждение ученый приводит в доказательство тезиса о некоей не преодоленной до конца традиционности "Исповеди" ("... в новом мышлении и рефлексии Руссо отдается эхо предшествующих столетий..." - Там же. С.20-21). Скорее оно свидетельствует как раз об обратном: заявив всему свету об исключительности собственной гениальной и, главное, единственной в мире личности и неповторимости своего жизненного пути (неважно, мученического или какого-то иного), он окончательно порвал с традиционалистским самосознанием предшествующих эпох.

²⁸² См. об этом: Кон И.С. Открытие "Я". М., 1978.

превосходстве над другими людьми - в мастерстве, храбрости, правдолюбии, в приближенности к Богу.

Современный человек, создавая свой собственный образ, конечно, тоже не обходится без тех или иных "клише". Как бы ни был индивидуален его язык, он неизбежно содержит определенную долю расхожих понятий; столь же неизбежно соотнесение автором своего героя с ценностными ориентациями и жизненными идеалами его эпохи - то ли со знаком "плюс", то ли со знаком "минус". Любопытно, что даже в автобиографии Н.Бердяева, которая цитировалась выше как образчик новейшего индивидуализма, можно обнаружить некоторое сходство с сочинениями ренессансных писателей. Здесь, например, говорится о стремлении "осмыслить свой тип" (с.7), о том, что во всех испытаниях героя "Самопознания" "хранила Высшая Сила и не допускала погибнуть" (с. 8), о его "обращении" (гл. III). Наконец, писатель сам замечает, что нередко "идеализирует себя", "творит свой образ", "начинает себя стилизовать" и "создает о себе миф" (с.298). Однако на поверку это сходство оказывается чисто внешним. Ни к какому человеческому типу он себя в итоге не причисляет, да, по-видимому, и не ставит перед собой серьезно такой задачи, будучи изначально убежден в собственной исключительности. Его "обращение" - это поворот к духовности, начало поиска смысла жизни, а не обращение в религиозном смысле²⁸⁴. О "Высшей Силе", не допустившей его преждевременной гибели, он упоминает вскользь, противореча тем самым своей магистральной идее о невмешательстве Бога в земные дела. Под "мифом" подразумевает красивую выдумку. Словом, ни "новым Цезарем", ни "новым Христом" создатель современной автобиографии, убежденный в высшей ценности своего единственного и неповторимого "Я", ни казаться, ни быть явно не желает.

---

²⁸³ Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990. С. 11, 27, 45, 102.

²⁸⁴ "Припоминая свой религиозный путь, я должен сознать, что в моей жизни не было того, что католики и протестанты (гораздо менее православные) называют *conversion* и чему приписывают такое центральное значение" (Там же. С.162).

ПРИЛОЖЕНИЕ. ЗАПИСКИ О ДОСТОПАМЯТНЫХ ДЕЯНИЯХ ПИЯ II²⁸⁵

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если со смертью тела гибнет душа, как ошибочно полагал Эпикур, слава ничем не способна ей помочь; если же она живет и после освобождения от телесного бремени, что утверждают христиане и вместе с ними благороднейшие философы, то либо испытывает горькую участь, либо соединяется со счастливыми духами. Но в несчастье ничто не приносит наслаждения, даже слава, а совершенное счастье блаженных не умножается хвалою и не уменьшается хулою смертных. Почему же тогда мы так стремимся к славе доброго имени? Видимо, в чистилище души испытывают какую-то сладость от оставленной на земле доброй молвы. И пусть любящие возражать думают об умерших что угодно, но они никак не могут отрицать, что сами при жизни услаждаются той славой, которую имеют, и той, на которую надеются после смерти. Ибо она является тем, что питает величайшие умы и помимо надежды на небесную жизнь, которая, будучи однажды дарована, продлится вечно, согревает человека и укрепляет его душу, в особенности римского понтифика, которого люди, покуда он живет среди них, сурово порицают, а после смерти восхваляют. Мы знали Мартина Пятого и Евгения Четвертого, а также Николая Четвертого и Калликста Третьего, которых при жизни народ осуждал, унесенных же смертью вознес великими хвалами. Следуют наместники за своим господином: о Христе Спасителе, когда он жил среди людей, говорили как об одержимом злым духом; после того, как он принял смерть на кресте, его признали сыном божьим. *Раб не больше господина своего* (Io 13, 16; 15, 20). Не пощадят верховного понтифика Пия Второго *слова ненависти* (Ps 108,3), которые столь многих наместников Христа и самого Христа не пощадили. Покуда Пий Второй живет среди нас, его порицают и осуждают, когда угаснет, его же будут прославлять и о нем будут тосковать, тогда как он будет уже недосыгаем. После его кончины утихнет зависть и, когда сгинут суетные чувства,

---

²⁸⁵ Перевод выполнен под ред. О.И. Варьяш по изданию: Pius II. *Commentarii rerum memorabilium que temporibus suis contingenint* / Ed. A. van Heck. Vaticano, 1984.

расстраивающие рассудок, возродится истинная слава и определит Пию место среди знаменитых первосвященников.

Мы тем временем опишем историю его понтификата, в начале которой будет не лишне немного рассказать о происхождении его рода, а также в качестве очень краткого вступления о том, что им было содеяно до того, как он стал папой, дабы потомки уяснили, как тот, кто ранее звался Энеем Сильвием, достиг трона святого Петра и принял имя Пия Второго.

Ты, кто прочтет когда-либо нижеследующее, прими его благосклонно, но не допускай снисхождения, если оно окажется лживым.

КНИГА ПЕРВАЯ

1. О происхождении дома Пикколомини и предках Пия. Род Пикколомини, перебравшийся в Сиену из Рима²⁸⁶, принадлежал к наиболее древним и знатным в городе и, пока у власти в нем находились оптиматы, и ученостью, и воинской доблестью был славен, а также владел многочисленными крепостями. Но когда власть перешла от знати к плебсу, дом Пикколомини, как и другие дома знати, пришел в упадок. Его деду Энею Сильвию удалось однако сберечь немалое имущество, позволявшее вести достойную жизнь, но он в молодые годы почил *безвременной смертью* (Verg. Aen. II. 166 sq), оставив в тягости жену Монтанину, от которой родился постум Сильвий, какового сироты добро было промотано опекунами и посредниками. Однако рассказывают, что он получил достойное воспитание, изучив словесность. Обученный свободным искусствам, он, когда повзрослел, поступил на военную службу и, всякого рода *невзгоды испытав* (Verg. Aen. I. 240), в конце концов возвратился домой. Получив малую часть наследства, взял в жены Викторину из дома Фортегвери, покровителей сиенского собора, девушку, хотя и знатную, но бедную, каковая была столь плодотворной, что часто производила на свет близнецов. От нее Сильвий имел восемнадцать детей, хотя в живых одновременно не бывало более десяти, которых в гнетущей бедности взрастил в Корсиниано²⁸⁷, городе Урцийской долины. Но всех их в конце концов унесла безжалостная моровая язва, оставив с Энеем лишь двух сестер, Лаудомину и Катарину.

2. Рождение и детство Энея, опасности, а также его первые шаги и мужание. Эней получил также имя отца - Сильвий, и в честь апостола, с которого варвары индусы

---

²⁸⁶ Это сообщение не находит подтверждения в других источниках. Скорее всего, автор выдает здесь желаемое за действительное - древнеримское происхождение в его глазах (подобное мнение было широко распространено в средние века и особенно в эпоху Возрождения) является синонимом особой доблести и благородства.

²⁸⁷ В августе 1462 г. Пий дает Корсиньяно в свою честь новое название, которое сохранилось до настоящего времени - Пиенца.

содрали кожу, - Варфоломея. Полностью же - Энеем Сильвием Варфоломеем стал зваться. Родился он в самый день святого евангелиста Луки в четырнадцатые календы ноября в году от прихода Спасителя тысяча четыреста пятом²⁸⁸.

В детстве, трех лет, играя со сверстниками, он упал с высокой стены и, сильно ударившись о камень, получил тяжелую рану головы, которую вопреки опасениям и дурным предчувствиям родителей его крестный отец Николай Монтикуланец, не обученный наукам медик, как говорят, "эмпирик", быстро вылечил. На восьмом году, когда на него напал *бодливый бык* (Exod 21,29 et 36), поднятый на рога и высоко подброшенный вверх, он избежал смертельной опасности скорее благодаря божественной силе, чем человеческой²⁸⁹. Затем под началом отца долгое время исполнял разные обязанности в поместье. Восемнадцати же лет от роду переехал в город²⁹⁰ и, устроившись у родни, которая считала, что юношу ни в коей мере не следует обделять благими плодами, стал слушать грамматиков, потом жадно внимал поэтам и ораторам и, наконец, посвятил себя гражданскому праву. Когда началась большая война между сиенцами и флорентийцами, он был вынужден оставить и своих учителей, которых на протяжении нескольких лет слушал, и занятия науками, и землю возлюбленной родины²⁹¹. По счастью, тогда оказался рядом Доминик Капраник²⁹², муж, возвышенный и душою, и умом, которого папа Мартин V в кардинальское звание возвел, а Евгений IV этого звания лишил.

3. Эней - секретарь Фирмана; он отправляется с ним в Базилию²⁹³ и возвращается с Варфоломеем, епископом Новары, а также его речи в папийском

---

²⁸⁸ 18 октября 1405 г.

²⁸⁹ Рассказы о чудесных спасениях героя в детстве - общее место в античных биографиях и в житийной литературе средних веков, указывающее на его богоизбранность Ср., например, рассказ Бистиччи о Николае V: Vespanano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV. Firenze, 1859. P. 20 et al.

²⁹⁰ Т.е. Сиену. Есть сведения, что Эней, движимый жаждой знаний, побывал также во Флоренции, Болонье, Ферраре, Падуе, Милане.

²⁹¹ Это случилось в конце 1431 или начале 1432 г.

²⁹² Доминико Капраника (1400-1458), кардинал и епископ Фермо, автор известного трактата об искусстве благой смерти (Arte de morire).

²⁹³ Всюду, где имеется такая возможность, Пий приводит древнеримские географические названия: Аквас Грани - Аахен, Аргентина - Страсбург, Арелат - Арль, р. Атес - р. Адидже, Атребат - Аррас, Базилия - Базель, Байоария - Бавария, Бонония - Болонья, Бруггис - Брюгге, Гебенна - Женева, Дуак - Дуэ, Дубла - Дувр, Дунельмия - Дурхэм, о. Ильва - о. Эльба, Калекский - Кале, Клузий - Слейс, Ламанское оз. - Женевское оз., Леодий - Лоди, Луваний - Лувен, Лундония (у Пия - Lundoniae) - Лондон, Медиолан - Милан, Новый замок - Ньюкастл, Норимберг - Нюрнберг, Оркадские о-ва - Оркнейские и Шетлендские о-ва, Папия - Павия, Плумбин (Популин) - Пьомбино, Сабавдия - Савойя, Седун - Сион (Швейц.), Торнак - Турне, Тридент - Трент, Утин - Удине, Франкофордия - Франкфурт, Эборак - Йорк.

университете. В это время в Базилии, городе Гельвеции, лежащем на Рейне, созывался собор, и Доминик, находившийся в немилости у Рима, задумал отстоять свое достоинство в Базилии. По этой причине Эней, назначенный его секретарем, вместе с ним прибыл в Плумбин, построенный на руинах Популонии, который иные называют Популин. Там, когда Доминик решил добраться до Генуи по Лигурийскому морю, поскольку двигаться по суше было невозможно, и уже присмотрел корабль, на котором собирался отправиться в путь, местный правитель Якоб Аппиан²⁹⁴, хотя и притворялся другом, отплытие Доминику запретил. Тот же, почувствовав злые умыслы, выйдя из города только с одним спутником, поспешил к берегу и, случайно раздобыв там блуждавший в открытом море лемб²⁹⁵, бежал. И когда это стало известно, остальным из свиты Доминика была дана возможность покинуть берег, ибо правитель решил, что не подобает гоняться за перьями тому, кто упустил мясо. На следующий день Эней и Петр Ноксетанец²⁹⁶, который также был секретарем Доминика, и вся свита, проведшая, коченея от холода, ночь под открытым небом на острове Ильва, прибыли на корабль к Доминику. Но на пути в Геную, направляемые сильнейшими бурями, они были отнесены к берегам Ливии, вследствие чего моряки весьма страшились попасть в варварские порты. Как ни *удивительно говорить* (*novies ap Verg*) и почти невероятно слышать об этом, истинно все же, что за один день и одну ночь, покинув Италию, они были отнесены к Африке, проплыв между Ильвой и Корсикой; когда же ветер изменил направление на противоположное, пройдя между Корсикой и Сардинией скорее по воле волн, чем благодаря навигационному искусству и возвратившись в Италию, причалили в Порту Венеры. Заполучив там корабль, счастливо добрались до Генуи, а оттуда по суше отправились в Медиолан, где виделись с прославленным великим герцогом Филиппом Мариа. И, не задерживаясь там надолго, перевалив через Альпы, горы, которые носят имя святого Готарда, скованные снегом и льдом, пересеченные ущельями и соседствующие с небом, прибыли в Базилию. В это

---

²⁹⁴ Яков II (1405-1441) из рода Аппиано, синьоров небольшого городка Пьомбино.

²⁹⁵ Греческое быстроходное многовесельное судно с острым носом.

время император Сигизмунд зимовал в Парме, чтобы ближайшим летом двинуться в Рим.

В Базилии Доминик изложил дело перед верховной коллегией и при поддержке Энея был восстановлен в кардинальском звании. Но когда Доминик стал испытывать нужду, поскольку, следуя запрету Евгения, родственники не оказывали ему никакой помощи, Эней поступил на службу к Никодиму Скалигеру²⁹⁷, епископу фризингенскому, чей отец был правителем Вероны, и когда тот убыл из Базилии - к Варфоломею Висконти, епископу новарскому²⁹⁸, у обоих исполняя обязанности личного секретаря. С Никодимом он отправился на заседание выборщиков, которые собрались во Франкофордии, с Варфоломеем возвратился в Италию и некоторое время провел при дворе Филиппа, герцога Медиолана, у которого Варфоломей находился на службе. Когда в его сенате завязали спор два претендента на должность ректора папийского университета - один Медиоланец знатного рода из дома Кроттиадов, другой Новарец низкого происхождения - и большая часть университета держала сторону Медиоланца, который уже снискал знаки отличия магистрата, а также в государственном совете имел двух весьма влиятельных дядьев, Алоизия и Ланцелотта, Эней принял сторону Новарца и так убедил своей речью, что звание было отнято у Медиоланца и перешло к Новарцу.

Спустя некоторое время вместе с Варфоломеем он отправился дальше к Евгению, который пребывал во Флоренции²⁹⁹. Оттуда завернул по весьма важным делам к Николаю Пицинину³⁰⁰, прославленному государю своего времени и воину, который принимал ванны в Сиене, и тогда впервые навестил свою родню и старых друзей, проведя с ними пять дней.

4. Эней становится секретарем кардинала церкви Святого Креста, с которым прибывает во Францию, и после этого им же направляется в Скотию. И когда он возвратился во Флоренцию, доподлинно узнал, что Варфоломею, обвиненному перед Евгением в великих злодеяниях, готовится смертный приговор. По каковой причине в поисках защиты он бежал к Николаю, кардиналу церкви Святого

---

²⁹⁶ Пьетро да Ноцето (1397-1467), один из ближайших друзей Энея, впоследствии скриптор Базельского собора и приближенное лицо папы Евгения IV.

²⁹⁷ Никодемо делла Скала, епископ Фрейзинга (1421-1443), сын Гульемо, умершего вскоре после освобождения Вероны от Миланцев в апреле 1404 г.

²⁹⁸ Бартоломео Висконти, епископ Новары (1427-1457).

²⁹⁹ 4 июня 1434 г. после начавшихся волнений Евгений IV был вынужден бежать из Рима.

Креста³⁰¹, отцу достойнейшему и высокочтимому, который и его самого взял в секретари, и Варфоломея из рук Евгения вызволил при посредничестве и поддержке своего домоправителя Фомы Сарецанейца. впоследствии взошедшего на кафедру верховного понтифика, назвавшись папой Николаем V, а также Петра Ноксетанца, который был упомянут выше. В это время кардинал Святого Креста был назначен легатом во Францию, чтобы заключить мир между королями франков и англов Карлом и Генрихом³⁰². С ним Эней в третий раз посетил Медиолан и правителя города и оттуда прибыл на Гору Иова, которая сегодня чаще зовется именем святого Бернарда, к Амедею, герцогу Сабаудии, каковой в то время, презрев мир, в уединенном месте у Тонония над Леманнским озером вел жизнь скорее полную наслаждений, чем покаяния, вместе с шестью мужами из сословия всадников, которые, как и он, по обычаю отшельников приняли рубище и посох, я думаю, ожидая - что и произошло через восемь лет - призвания на кафедру верховного понтифика отцами, собравшимися в Базилии³⁰³. И действительно, тогда ширилась молва о том, что Амедей станет папой, начало которой положили некоторые из прорицательниц, вызывающих духи растений, каковыми изобилуют горы Сабаудии. Поприветствовав его, кардинал направился в Базилик) и оттуда по Рейну отплыл в Колонию Агриппины, откуда, снова сев на коня, через Аквас Грани и Леодий, а также Лувании, Дуак и Торнак прибыл к атребатам³⁰⁴, где задержался для участия в совете кардиналов всей Галлии и Англии³⁰⁵. В то время герцог бургундцев Филипп, враждебный королю Франции, убившему его отца, покровительствовал англичанам. Кардинал сначала усердно старался заключить мир; когда же не преуспел в этом, Филиппа, который присягнул королю Англии, имевшему

---

³⁰⁰ Речь идет о косвенном участии Энея (скорее всего, он сам не подозревал об этом) в заговоре с целью свержения папы. Одним из организаторов этого заговора был Никколо Пиччинино, известный кондотьер, гроза многих итальянских городов.

³⁰¹ Никколо Альбергати, кардинал Санта Кроче, представитель Евгения IV на Базельском соборе.

³⁰² Имеется в виду конгресс в Аррасе, проходивший летом 1435 г.

³⁰³ Амедей Савойский был избран Базельским собором папой ("анти-папой" Феликсом V) 5 ноября 1439 г.

³⁰⁴ Кельтская народность в Gallia Belgica.

³⁰⁵ См. примеч. 17.

притязания на Французское королевство, от клятвы освободив, примирил с королем Франции. Также тогда Эней написал Филиппу письмо в стихах о благодати мира. Но прежде чем Филипп изменил англичанам, кардинал направил Энея в Скотию с тем, чтобы он вернул в королевскую милость некоего прелата.

5. Пленение Альфонса и опасные приключения Энея в странствиях, а также морские бури и чудеса Англии. В это время король Арагонский Альфонс с братьями и всей знатью своих королевств был побежден в морском сражении генуэзцами при поддержке Филиппа, герцога Медиолана, и захвачен в плен³⁰⁶.

Когда Эней прибыл в Калексий, каковой является городом на материке на противоположном от Англии океанском берегу, на него сразу легло подозрение, и, удерживаемый хозяином дома, он не мог двинуться ни вперед, ни назад. Помощь ему оказал кардинал винтонийский³⁰⁷, который, возвращаясь из Атребата, приказал его отпустить. Но когда Эней прибыл к королю Англии и попросил охранных грамот, с которыми он мог бы безопасно добраться до Скотий, ему было приказано возвратиться назад, поскольку англичане боялись, чтобы с королем Скотий, их противником, ничего не замыслил тот, кто назвался секретарем кардинала Святого Креста. А его англичане называли в числе злейших врагов за то, что он отнял у них герцога Бургундского. Все эти дела были совершенно не известны Энею. Тяжелым, но неизбежным для него было возвращение, ибо напрасно себя подверг опасностям моря. И все же он был доволен, поскольку увидел многолюдную и богатейшую Лундонию и знаменитый собор Святого Павла, и удивительные усыпальницы королей, и реку Темизу, текущую скорее назад, чем вперед, и мост наподобие города, и деревню, в которой, как гласит молва, рождаются хвостатые люди³⁰⁸, и золотую гробницу божественного Фомы Кентерберийского (чье имя всем известно), усыпанную алмазами, скатным жемчугом, а также карбункулами - для нее считается нечестивым использовать материал дешевле серебра.

Таким образом, переправившись по морю обратно, он двинулся в город, который зовется Бруггис, и оттуда устремился в Клузий, где самый оживленный на всем Западе порт. Сев там на корабль, он устремился в Скотию, но был отнесен к Норвегии бросаемый двумя величайшими бурями, из которых одна грозила смертью четырнадцать часов, другая в течение двух ночей и одного дня швыряла корабль и проломила днище. И настолько корабль удалился

---

³⁰⁶ В сражении 5 августа 1435 г.

³⁰⁷ Генри Бьюфорт, в 1426 г. назначенный папой Мартином V кардиналом Винчестерским.

в океан на север, что моряки, не видя небесных созвездий, утратили надежды на спасение. Но пришло на помощь милосердие божие, каковое, подняв северный ветер, двинуло корабль к суше и наконец на двенадцатый день отверзло земли Скотий. Где, причалив³⁰⁹, Эней по данному им обету прошел босым десять тысяч шагов к святой Деве, именуемой Белоцерковной³¹⁰. И после двухчасового отдыха там, поднявшись, не мог двинуться с места из-за слабости и окоченевших от зимней стужи ног. Его спасением было то, что здесь не оказалось ничего съестного и нужно было отправляться в другую деревню. И когда его с помощью слуг скорее несли, чем вели, от постоянных ударов о землю его ноги потеплели, и, неожиданно исцелившись, он пошел. И наконец представ перед королем, ни в чем из того, что почтительно спрашивал, не получил отказа³¹¹. Ему были восполнены дорожные расходы и дано пятьдесят нобилей на обратный путь, и, кроме того, два коня, именуемых тихходами.

6. Различные нравы скотов и что у них происходит, и воздержанность Энея, и его спасение волею божьей, а также хитроумнейший переход через Англию. **О Скотий** следующее достойное упоминания он узнал: это остров, соединенный с Англией, простирающийся на север и имеющий двести тысяч шагов в длину, пятьдесят тысяч в ширину. Земля скудная, мало плодоносная, большей частью лишенная деревьев. Там имеется подземный серный камень, который выкапывают для получения огня. Города вовсе не имеют стен, дома в большинстве своем строятся без скрепляющего камня раствора, крыши в деревнях сделаны из дерна, а грубый вход закрывается бычьей шкурой. Простой народ, бедный и неотесанный, питается преимущественно мясом и рыбой и в качестве закуски хлебом. Мужчины роста небольшого и отважны, женщины светловолосы и привлекательны, а также к любовным делам расположены: женские поцелуи значат там меньше, чем в Италии пожатие руки. Вина у них нет кроме того, которое ввозят. Кони по природе тихходны и все низкорослы. Немногих из них оставляют для потомства, остальных обычно кастрируют. И не чистят их железной скребницей, и не расчесывают деревянным гребнем, и не управляют

---

³⁰⁸ Деревня Струд в графстве Кент. Согласно легенде жители этой местности некогда отрезали хвост лошади св. Томаса Бекета и за это были сурово наказаны Господом.

³⁰⁹ Очевидно, это был г. Данбар.

³¹⁰ Хаддингтоншир, популярное место паломничества в Шотландии.

³¹¹ В действительности миссия Энея не была столь успешной, как он это изображает. Король Шотландии Джеймс отверг предложение начать боевые действия против Англии.

ими с помощью поводьев. Устрицы там ловятся больших размеров, чем в Англии, и с крупными жемчужинами внутри. Из Скотии во Фландрию поставляется кожа, шерсть, рыба и жемчуг. Ничего нет более приятного для слуха скотов, чем поношение англов. Обычно говорят о двух Скотиях: одной земледельческой, другой лесной, где нет полей. Лесные скоты имеют даже другой язык и иногда употребляют в пищу древесную кору. В Скотии не встречаются волки. Вороны редки, и поэтому деревья, на которых они выют гнезда, отдаются в королевский фиск. Эней также говорил, что до приезда в Скотию он слышал, будто там есть деревья на берегах рек, плоды которых увядают, если падают на землю, если же разносятся по воде, оживают и превращаются в птиц³¹². Но когда он прибыл на место и пристально исследовал чудо, доподлинно узнал, что это выдумки, или если это правда, то ее следует отнести к Оркадским островам. Он же признал истинным следующее: в зимнее солнцестояние - ибо оно в то время было - день в Скотии имеет продолжительность не более четырех часов.

Когда дела были закончены и настало время уезжать, капитан судна, который его привез, разыскав Энея, предложил ему возвращаться на том же самом корабле. Каковому Эней, не столько предвидя будущие опасности, сколько помня о предшествовавших, сказал: "Если не следует обвинять Нептуна тому, кто дважды попадал в беду, что же нужно сказать о том, кто в третий раз потерпит кораблекрушение? Я скорее предпочту испытывать милосердие людей, чем моря". И, отпустив моряка, решил отправиться по суше через Англию. Вскоре после этого корабль, выйдя из порта, захваченный на виду у всех бурей, был разбит и затонул, вследствие чего капитан, который намеревался, возвратившись во Фландрию, справить свадьбу с молодой невестой, и все остальные были поглощены морской пучиной за исключением четверых, которые, ухватившись за какие-то доски, добрались до берега вплавь. Тогда, понимая, что он был спасен по воле и покровительству божьему, Эней скрытно под видом торговца отправился из Скотии в Англию.

Там есть река, берущая начало на высокой горе, которая разделяет земли. Он ее переплыл на плоту и к исходу дня, завернув в большую деревню, остановился в крестьянском доме и там отобедал с местным священником и хозяином. К столу подавалось много закусок и

---

³¹² Шотландская легенда, рассказывающая о том, что на берегу Ирландского моря растут некие деревья с плодами наподобие тыквы, которые падают в воду и становятся птицами – белошекими цесарками (bemacle geese).

кур, и гусей, но совсем не было ни хлеба, ни вина. Все женщины и мужчины деревни сбежались тогда словно на чудо и, как наши имеют обыкновение разглядывать эфиопов и индусов, так и Энея, изумленные, пристально разглядывали, расспрашивая священника, чей он, для чего прибыл, сведущ ли в христианской вере.

Предусмотрительный же Эней, испытывая в пути нехватку припасов, пополнил их в одном монастыре небольшим количеством хлеба и метретой³¹³ красного вина, которые, будучи выставлены, вызвали еще большее удивление варваров, ранее ни вина, ни белого хлеба не видевших. К столу приближались беременные женщины и их мужья, прикасались к хлебу и вкушали запах вина, прося дать им немного, так что между ними он был вынужден все разделить. И когда затянувшийся обед приблизился ко второму часу ночи, священник и хозяин, спеша уйти со всеми детьми и мужчинами, оставив Энея, сказали, что они бегут в некую башню, удаленную на большое расстояние, опасаясь скотов, которые ночью во время морского отлива обычно переправляются через реку и занимаются грабежом. И с собой ни Энея, несмотря на его многочисленные просьбы, ни в какую взять не пожелали, ни даже кого-нибудь из женщин, хотя красивые девушки и матроны там имелись в немалом количестве, ибо, не считая бесчестье злом, были уверены, что враги не причинят им никакого зла. Таким образом остался Эней один с двумя слугами и проводником среди сотни женщин, которые, собравшись вокруг огня, *проводили бессонную ночь* (Verg. A 9. 166 sq), болтая с переводчиком.

По прошествии же значительной части ночи две молоденькие девушки уже отяжелевшего ото сна Энея отвели в усланную соломой комнату, чтобы по местному обычаю лечь с ним, если их об этом испросят. Однако Эней, погруженный в мысли не столько о женщинах, сколько о разбойниках, которые, как он опасался, вот-вот придут, ропщущих девушек отослал, страшась, что, совершив грех, понесет наказание за проступок тотчас, как явятся грабители. И так остался он один среди коров и коз, которые, тайком выхватывая солому из его подстилки, вовсе не давали ему спать. *Уже за полночь был поднят оглушительный шум* (Mt. 25,6 sq) лаем собак и криком гусей, и после этого все женщины рассыпались в разные стороны, проводник обратился в бегство и, словно присутствовали враги, все наполнилось смятением. Однако Эней решил, что лучше (Verg. A. 4. 287) в камерке - это был хлев - ожидать исхода событий, дабы, выбежав наружу и не зная пути, не стать добычей первого встречного. Но очень скоро возвратившиеся женщины через переводчика сообщили, что не случилось никакой беды и что прибыли друзья, а не враги. И тогда Эней

---

³¹³ Афинская мера жидкостей = 39,29 л. (кувшин).

воспринял это как награду себе за воздержанность и, как только рассвело, отправился в путь и прибыл в Новый замок, который считают сооружением Цезаря. И казалось, что там он вернулся в привычный мир и пригодные для жизни земли. Ибо страна Скотия и прилегающая к скотам часть Англии не имеют никакого сходства с нашими условиями жизни, будучи суровой, дикой и зимой *недоступной солнцу* (Verg. A. 8. 195).

Оттуда он прибыл в Дунельмию, где в настоящее время находится доступная взору гробница пресвитера Беды Достопочтенного, святого мужа, о которой заботятся преданные вере жители окрестностей. Он добрался также до Эборака, большого и густонаселенного города, где есть храм, известный во всем мире совершенством постройки и величиной, и абсолютно прозрачной часовней, стеклянные стены которой, соединенные в середине, удерживаются тончайшими колоннами. Во время путешествия верхом ему встретился попутчик из английских судей, который спешил на судебное заседание в Лундонию. Он рассказал Энею, полагая, что тот был несведущ, обо всех делах атребатов и много расточал проклятий кардиналу Святого Креста, которого называл *волком в овечьей шкуре* (Mt. 7.15). Кто не поразится такой случайности? Энея до самой Лундонии в полной безопасности сопровождал тот, кто, если б узнал, что он за человек, тотчас заключил бы его в тюрьму. В Лундонии же Эней получил известие о королевском указе, дабы никакой чужеземец не покидал остров без королевской грамоты, и ему казалось, что просить ее небезопасно. Тогда он подкупил стражей порта, что сделать с этого рода людьми, для которых нет ничего милее золота, составляет наименьшую трудность. Из Дублы же переплыл в Калексий и потом оттуда вновь устремился в Базилик) и затем в Медиолан. Узнав там, что кардинал Святого Креста отправился из Флоренции на Базилийский собор через Атесскую долину и горы, называемые Арелатскими, преодолев Альпы, которые зовутся Бриге, двинулся к нему через Седунскую долину.

7. Об отклонении решений Базилийского собора и осуждении их Евгением.

К тому времени греки, намеревавшиеся обсудить унию, обещали собору прибыть в латинские земли, но, народ бедный и искусный в выпрашивании подаяний, ожидали помощи в своих расходах и требовали для этого семьдесят тысяч флорентийских золотых. Собор, чтобы накопить столь большую сумму, пообещал полные индульгенции и отпущение грехов всем тем, кто для этой цели даст деньги. Индульгенции однако казались малостоящими без поддержки властью верховного понтифика, и он не отверг их, но выразил несогласие с тем, как составлены грамоты: базилийцы ведь заявляли, что индульгенции должны быть даны от

имени собора при поддержке Римского престола, Евгений же утверждал, что грамоты должны быть выпущены от его имени с одобрения священного собора и что таков древний общепринятый обычай. *Часто и подолгу* (Cic. Inv. I.1) об этом шел спор и даже доходил до брани; ибо и Фома, который позже принял кафедру святого Петра, в то время частное лицо на службе у кардинала Святого Креста, при упоминании о власти собора сказал: "Что вы на собор столь уповаете? Ни один здравомыслящий не назовет это ни собором, ни церковью: *синагогу сатаны* (Арос. 2, 9) вы устраиваете, а не священную коллегию, пропащие люди и рабы демонов!" Каковыми словами разгневанные, отцы приказали, чтобы несчастный был схвачен и посажен в тюрьму, но он был освобожден высочайшей мудростью Юлиана³¹⁴, кардинала церкви Святого Ангела.

Кардинал же Святого Креста вернулся к Евгению, пребывавшему в Бононии, и затем вскоре, не окончив дела, был послан к герцогу Филиппу Мариа, чтобы вести переговоры о мире между ним и народом Венеции. И когда Эней сопровождал кардинала до места назначения и понял, что никто из тех, кто поддерживал базилийские дела, не получит благорасположения Евгения, и помня, что ему может причинить вред епископ новарский, дабы не тратить напрасно время в римской курии, по согласию с кардиналом возвратился в Базилию и вверил себя почтенному и святому отцу Иоанну³¹⁵, кардиналу Святого Петра в Винкуле, по происхождению испанцу, который впоследствии был назначен епископом остийским.

8. О деяниях Энея на Базилийском соборе и оказанных ему милостях, и тяжелейшей болезни и Медиолане. **Обращусь теперь вкратце к тому, что случилось с Энеем на Базилийском соборе и что достойное хвалы им там было совершено. В то время обсуждался переезд собора в другое место, куда предполагалось прибытие греков, и было предоставлено на выбор четыре места, предложивших для нужд грека необходимую сумму денег: Флоренция, Утин, Папия и Авиньон. И тогда во славу каждого места была произнесена речь в просторнейшем зале и отсутствовала только поддержка Папии, поскольку Исидору Росатенцу, которого для этой цели послал герцог Медиолана Филипп Мариа, нелепо и безвкусно подбиравшему слова, было приказано замолчать. Эней, побуждаемый и славой**

---

³¹⁴ Джулиано Чезарини, кардинал Сант Анджело в Пескаре, легат Мартина V на Базельском соборе.

³¹⁵ Хуан Сервантес, назначенный Мартином V в 1426 г. кардиналом.

города, и пренебрежением, выказанным его правителю, написав за ночь речь, пришел на заседание на следующий день и, получив право на выступление от папского легата Юлиана, держал двухчасовую речь при исключительном внимании и всеобщем восхищении, по экземпляру которой все присутствовавшие сберегли с тем, чтобы впоследствии ее размножить.

Отныне и собор был в высшей степени благосклонен к Энею, и герцог медиоланцев проявлял величайшее расположение; ибо тот находился лишь в звании псалмиста³¹⁶, все же получил должность скриптора и аббревиатора³¹⁷. Он часто бывал в составе совета двенадцати, каковая обязанность, хотя и дававшаяся всего лишь на три месяца, тем не менее имела большое значение - ведь ничего депутаты не могли обсуждать, не получив материалов от совета двенадцати, и никто на собор не допускался без его разрешения. Часто председательствовал в своей депутации, названной в честь Веры. Неоднократно у него на хранении находились ключи от свинцовой печати, которой скреплялись послания собора. Никто из скрипторов не избирался чаще его рескрибэндарием³¹⁸. Среди аббревиаторов относился к числу немногих наиболее влиятельных. Сколько бы раз от наций для решения важных дел не выдвигался представитель, редко это бывал не он. Ему были поручены церковные посольства: в Аргентину - три, в Констанцию - два, во Франкофордию - одно, в Тридент - одно, в Сабаудию – одно, и он их все успешно завершил.

Когда окончил свой земной путь настоятель медиоланского храма Святого Лаврентия, Франциск³¹⁹, епископ медиоланцев, в высшей степени наделенный и огромной ученостью, и благочестием, вскоре взамен его предложил на утверждение собору Энею, хотя имелись в немалом количестве и доктора богословия, и знатные мужи, медиоланцы по происхождению, которые желали быть избранными. Когда же дело слушалось на общем собрании, Исидор Росатенец, завидуя Энею за то, что восхваления им Папии были выслушаны, а его собственные слушать не пожелали, сказал: "Что вы делаете, отцы? Вверяете высокую выборную должность Энею, человеку стороннему? Где же ваш декрет, букву которого вы столь строго требуете исполнять? Величайшей важности бенефиций в медиоланских землях без согласия и волеизъявления государя от себя предлагаете? Его подданными и докторам богословия пренебрегаете? Чужаков избираете? Если вы не примете решения в соответствии с

---

³¹⁶ Псалмист руководил антифональным пением во время литургии.

³¹⁷ Abbreviator litteranim apostolicarum - чиновник папской канцелярии, нередко назначаемый самим папой, в чью обязанность входила подготовка некоторых категорий церковных документов.

³¹⁸ Глава коллегии скрипторов, назначавшихся на срок в 6 месяцев.

³¹⁹ Франческо Пиццольпасси.

законом, тщетными будут ваши усилия и осмеяно ваше предложение". Тогда Эней сказал: "Весьма удивлен, досточтимейшие отцы, что Исидор держит речь против меня, так как он, недавно вернувшись из Медиолана, привез мне письмо от герцога Филиппа, в котором этот государь выразил мне признательность за то, что я отстаиваю здесь его интересы, а также в знак своей благодарности подтвердил, что какой бы церковный бенефиций на его землях я ни получил, он будет охотно предоставлен в мое владение. Следовательно, он меня не считает чужеземцем, и не необычное это дело, когда люди из одной земли имеют должность в другой, если только знают язык: ибо и архиепископ прибыл в Медиолан из Бононии. И никто не должен быть вычеркнут на основании того, что следует из декрета о выборах - ведь он вверяет себя не собору, а нижестоящим. Вдобавок, выборы должны быть поручены тем капитулам, которые имеют нескольких почтенных каноников, а не тем, которые имеют двух или трех ничтожных и необразованных, как в церкви святого Лаврентия, о которой мы сейчас ведем речь. Эти таковы, что имея право избирать, никого не избирают до тех пор, пока им не будет приказано кого-то выбрать. Да вершите вы, отцы, то, что подобает. Не прошу ничего, что было бы противно вашей чести. Однако, если вы склоняетесь к решению в мою пользу, предпочту ваше благорасположение без должности избранию на должность капитулом". После чего, когда Исидор встал, чтобы ответить, то, пораженный всеобщим неодобрительным гулом собрания, замолк. Но когда Эней прибыл в Медиолан, он обнаружил, что на эту должность по приказу герцога через капитул был приглашен и введен во владение некий нобиль из старинного рода Ландрианов, какового он вскоре вынудил себе уступить: столь Энею и государь, и двор благоволили.

Но, вступив в должность, свалился, пораженный сильнейшей лихорадкой. Филипп ежедневно посылал к нему своего медика Филиппа Боонца, ученого и обходительного мужа, который впоследствии служил папе Николаю. Во время болезни, когда Эней принял лекарство и оно не возымело никакого действия, и медик приготовил другое питье, которое следовало принять следующей ночью, в тот самый момент, когда должно было быть подано второе лекарство, кишечник его пришел в движение и до такой степени терзал несчастного, что он вынужден был вставать девяносто раз. Из-за чего, лишившись рассудка, он, как говорят, спешил к *вратам смерти* (Job. 32.17; Ps. 9.15; 106.18). Ибо если б выпил второй напиток, изнуренный и истощенный, без сомнения испустил бы дух. И он воспринял это как наочевиднейший знак милости божьей, и хотя после этого в течение семидесяти пяти дней был мучим горячечной лихорадкой, его все же никогда не могли убедить послушаться чародеев, хотя к нему был послан человек, о котором говорили, будто он в лагере Николая

Пицинина избавил от лихорадки две тысячи мужей. Но вверившись богу, могущество которого оберегало его в жизни, все еще мучимый лихорадкой, он отправился в путь и, выздоровев в седле, возвратился в Базилию), где во время празднеств в честь божественного Амвросия медиоланского³²⁰ по приглашению архиепископа произнес речь перед синодом о заслугах святого отца, несмотря на возражения теологов, жаждавших этой милости для себя. Но всем им был предпочтен Эней, которого выслушали с необычайным вниманием.

9. О смерти Кесаря Сигизмунда и избрании Альберта; и о заболевании Энея моровой язвой, и чудесном исцелении. Тем временем, после того, как умер Кесарь Сигизмунд³²¹ и на его место был избран Альберт³²², посланный к нему герцогом Медиолана Филиппом епископ новарский Варфоломей, прибыв в Базилию, немалыми мольбами уговорил Энея *сопровождать его* (Verg. A.2.704) в Австрию. Тогда Альберт еще не получил корону из-за сопротивления венгерцев, которые говорили, будто венгерское королевство ему было вверено на том условии, что он не примет императорской власти, даже если она ему будет предложена. Не зная же, как поступить, Альберт посчитал нужным посоветоваться с присутствовавшими послами государей и предоставил им время для раздумий. Между тем Варфоломей получил составленные Энеем предложения, в соответствии с которыми, как было очевидно, и императорская власть могла бы быть обретена, и венгерцы приведены к согласию. Когда он их сообщил на соборе, ему публично была выражена благодарность, и Альберт назвал себя императором не только при согласии, но и по настойчивым просьбам венгерцев.

Эней же, возмущенный обычаями Австрии, которых еще достаточно не знал, оставив Варфоломея в Виенне, возвратился в Базилию с аквилейским патриархом Людовиком, знатным человеком из герцогского рода Дек, не ведая, сколь большая часть жизни будет им впоследствии проведена в Австрии. Никому не следует говорить: "Не пойду туда". *Мудрость божия покрывает будущее непроглядной ночью* (Hor. Carm. 3.29,29sq).

---

³²⁰ День св. Амвросия Медиоланского празднуется 4 апреля. Речь была произнесена в 1438 или 1439 г.

³²¹ 9 декабря 1437 г.

³²² Альберт Австрийский, зять Сигизмунда, король Венгрии и Богемии, избранный 18 марта 1438 г. королем римлян под именем Альберта II.

В этот год³²³ не было у германцев достатка ни вина, ни хлеба. В Байоарии *юноши* вместе с *незамужними девушками* (Verg. G.4.476; A.2.238; 6.307) выпрашивали у проезжих хлеба и как среди собак кинутая кость, брошенные кусочки хлеба меж них вызывали ссоры. И некоторое время спустя последовала жесточайшая моровая язва, поразившая всю Аламанию. Здесь в Базилии она иссушила Людовика патриарха и Людовика³²⁴ римского протонотария, которого называли светочем права, умертвила большое количество прелатов, свалила бесчисленное множество черни. И неистовство смерти было таково, что в один день хоронили более трехсот трупов. И тогда Эней потерял самых сердечных друзей: римлянина Юлиана и тевтона Арнольда, подле коих после того, как они заболели, бесстрашно находился вплоть до последнего вздоха.

Но зараза не пощадила и его самого. Когда он понял, что захвачен ею, приглашенных друзей убедил удалиться, дабы они не заразились, находясь подле того, кому предстоит умереть. Из каковых Яков Церверий, устранившись, из Базилии уехал; Андрей Пинигалий, наиболее преданный дружбе товарищ, несмотря на угрозу смерти, уйти отказался³²⁵. Тогда у него на службе состоял тевтон Иоанн Стейнофий и римлянин Петр, сын Юлиана. Когда им были рекомендованы доктора и он узнал, что в городе есть два знаменитых: один – ученый, но неудачливый парижанин, другой – неученый и удачливый тевтон, Эней науке предпочел удачу, поскольку знал, что от губельного недуга никакое лечение не спасет.

Лечение было таким. Поскольку была поражена правая часть живота, на правой ноге вскрыта вена; после этого в течение всего дня и части ночи был запрещен сон; затем был дан какой-то порошок, состав которого медик не пожелал открыть; на язвы и больное место прикладывались то полные соком ломтики зеленого редиса, то кусочки смоченной белой глины. Усилившаяся тем временем лихорадка вызвала сильнейшую головную боль и состояние недужного стало критическим. Вследствие этого Эней велел позвать к себе священника, и вскоре исповедавшись, причастившись и приняв помазание, некоторое время спустя утратил рассудок и на вопросы отвечал бессмыслицей. И тогда распространилась повсюду молва о том, что Эней умер. Каковое обстоятельство лишило его должности в Медиолане, потому что во владение вступил другой³²⁶, который не мог быть отстранен вследствие разделения церкви. Но поскольку милосердие божие испытывало к нему сострадание, через шесть дней Эней выздоровел. Когда он предложил медику в качестве

---

³²³ Видимо, 1438 г. Чума свирепствовала в Базеле весной и летом 1439 г.

³²⁴ Людовико Понтано, известный церковный деятель и правовед.

³²⁵ Об обоих Эней Сильвий говорит в своих письмах, как о ближайших друзьях.

³²⁶ Леонард Верчелльский, которому эта должность первоначально и предназначалась.

вознаграждения шесть золотых - вера и добросердечие мужа удивительны и для медика, пожалуй, неслыханны - рассудив, что он такой награды не заслуживал, медик сказал: "Если ты действительно хочешь, чтобы я взял эти золотые, вылечу бесплатно шесть больных бедняков". И он связал себя клятвой о том, что это сделает.

Затем, когда вследствие кончины поляка Иоанна Андрея освободились места каноника и пребенда тридентской церкви, собор в знак высшей благосклонности передал их Энею³²⁷, хотя его соперниками были многие далеко не последние люди. Отправившись для того, чтобы вступить во владение ими, ублажив каноников и склонив их на свою сторону, он прогнал некоего тевтона Вилихина, человека сутяжного и лукавого, который сам заполучил их властью капитула.

---

³²⁷ Эней был назначен на освободившуюся должность буллой Феликса V от 26 октября 1442 г.

10. Низложение на соборе Евгения и избрание Феликса; Эней - его секретарь. В это время базилийцы лишили своими декретами папу Евгения верховного понтификата³²⁸ и, заботясь о преемнике, избрали по восемь мужей от каждой нации так, чтобы всего их было тридцать два, каковыми вверили власть выборов верховного понтифика; и когда назначили италиков, назвали Энея. И поскольку было очевидно, что не посвященный в духовный сан, он не может исполнять эту обязанность, ему была дана грамота, в силу которой вопреки срокам, установленным законом, он мог принять должности субдьякона и дьякона вместе с младшим духовным саном в один день. Но Эней не пожелал ради этого принять таинства. Однако на конклаве присутствовал в качестве церемониального клирика и видел церемонию, в которой каждый из базилийцев высказывался за избрание Амедее, герцога Сабаудии, коего нарекли папой Феликсом V. К нему, в то время еще пребывавшему в уединении, Эней направился и им был принят в скриниарий³²⁹, и в Рипалии и в Тононе, и в Гебенне, и в Лаузане, и в Базилии весьма долго ему служил, покуда Фридрих III, король римлян, который наследовал почившему Альберту³³⁰, по дороге во Франкофордию и нижнеаламанские земли у Аквас Грани не получил корону королевства.

11. Поэт Эней, увенчанный императором лаврами, назначается протонотарием; и его величайшее терпение, и различные посольства. Когда к нему направил послов Феликс, он также повелел отправиться туда Энею, каковой, очень часто обращаясь к советникам Фридриха с речами, был удостоен дружбой почтенного и ученого мужа Сильвестра, епископа хиемского³³¹; вслед за тем обрел знакомство и близкую дружбу Якова, архиепископа треверского³³² и имперского выборщика, человека, который соединял в себе знатность и добродетель. А также благодаря

---

³²⁸ Решением от 25 июня 1439 г. участники собора объявили о низложении Евгения IV.

³²⁹ Т.е. стал одним из его секретарей (1439-1442).

³³⁰ Альберт II скончался 27 октября 1439 г. Фридрих III принял титул короля римлян 2 февраля 1440 г. Его коронация в Аахене состоялась 14 июня 1442 г.

³³¹ Сильвестр Флигер, епископ Химзее (1438-1454).

³³² Якоб фон Зирк, архиепископ Трирский (1439-1456).

им снискал кесаря, был награжден лавровым венком и привилегиями поэта³³³ и получил предложение служить при его дворе. Каковому Эней отвечал, что хотя он был рожден за пределами империи, никому не; будет служить более преданно, чем императору, но поскольку имеет должность секретаря у Феликса, считает недостойным перейти во власть другого повелителя без его согласия. И он сказал, что вернется в Базилию и испросит позволения Феликса, и если сможет его получить, с радостью последует ко двору кесаря. Кесарем, намеревавшимся прибыть в Базилию, такой ответ был воспринят как вполне достойный. Эней же, вернувшись к Феликсу, сам не смог получить разрешения на отъезд, но после вмешательства друзей в конце концов с неохотой был отпущен. Присоединившись к Фридриху, когда тот по возвращении из Бургундии направился в Базилию, принятый в секретари, получил место протонотария в римской канцелярии, принес клятву верности императору в Бриксине³³⁴. И там же должность канцлера, каковую прежде имел у кесарей Сигизмунда и Альберта, получил Гаспар Шлик, знатный дворянин, быстрый умом и приятный речами, каковому выпала на долю редкая и даже невиданная слава быть назначенным секретарем трех кесарей.

И когда тот выполнял обязанности кесарева посла в Нюримберге, поручил управление канцелярией Вильгельму Тацу, байоарцу и врагу итальянской нации, который *жесточайше* (Verg. G. I. 447 et al.) преследовал Энея. Тогда он решив, что *зло следует побеждать добром* (Rom. 12.21), как упрямый ослик, на которого *взвалили непосильное бремя* (Hor. S.I.9, 20sq), прижал уши. Поэтому, хотя с ним обходились, как с последним человеком, и он не занимал подобающего места ни в опочивальне, ни за столом, а также испытывая на себе недоброжелательные взгляды, был унижен и осмеян словно еретик или иудей, все смиренно вынес. Среди секретарей, однако, был один, Михаил Фуллендорфий³³⁵, который, поскольку был поклонником умиротворяющих муз и отдавался занятиям словесностью, советовал Энею питать добрые надежды, так как по возвращении канцлера он обретет лучшую участь. И не ошибся, ибо когда Гаспар возвратился и, испытав, на что Эней способен в различных делах,

---

³³³ Церемония состоялась 27 июля 1442 г. Это было первое в истории Германии увенчание лаврами поэта.

³³⁴ В январе 1443 г.

обнаружил в нем даровитого, прилежного и работающего человека, стал его высоко ценить и особо выделять. К этому прибавилось то, что когда во время пребывания там императора Сигизмунда Гаспар приехал в Сиену, он был принят там у почтенного мужа Николая Лоллия³³⁶ и его жены Бартоломеи Птолеми, женщины из знатного рода, тетки Энея по отцу, а также крестил ее племянника, сына Маргариты, которого назвал своим именем, Гаспаром. Из-за всего этого Эней стал Гаспару еще более мил, и когда тот отправился в путь с посольской миссией, он был оставлен главою канцелярии и с тех пор управлял ею всякий раз, когда Гаспар отсутствовал. Вильгельм же, который ранее притеснял Энея, теперь был вынужден его опасаться, так что все могли понять, как смирение легко возвышает, а гордыня еще легче увлекает вниз. Немного времени спустя Вильгельм, побежденный завистью, все же покинул императорский двор, а остальные пришли к согласию с Энеем, каковой у кесаря чем дальше, тем более привлекался к великим и ответственным делам и в конце концов был принят в тайный совет.

Первое его посольство было к тергестинцам, коих он убедил присягнуть на верность кесарю и получил от них клятвенное заверение. Затем, когда в Норимберге император и князья-выборщики пытались прекратить схизму, которая разрослась между Евгением IV и Феликсом V, было решено, чтобы император избрал четырех мужей, каждый выборщик - двух и всякий другой князь - одного, которые, выслушав ораторов Евгения и Феликса, примут решение, как не допустить распространения этой пагубы в христианском мире. Кесарь Фридрих назвал таких: Сильвестра, епископа хиемского, теолога Фому Хасельбахия³³⁷, правоведа Ульрика Сонненбергия³³⁸ и поэта Энея³³⁹, несмотря на то, что до тех пор он базилийским делам и Феликсу более, чем Евгению, благоволил. Ведь его базилийский пыл еще не угас и он еще не разделял тех суждений, на которых основывалась позиция Евгения. И обращенный только в одну сторону, другой пренебрегал, хотя впоследствии к ней постепенно склонился, когда принял решение оставить базилийцев. Следовательно, в Норимберге он всеми силами поддерживал сторонников базилийцев, и благодаря его усилиям предложенные обеими сторонами условия заключения мира оказались менее благоприятными для Евгения, нежели для базилийцев. Ибо если было бы решено для восстановления мира в церкви созвать

---

³³⁵ Михаил Фуллендорф - гуманист, имперский протонотарий, один из самых близких друзей Энея, с которым он участвовал во многих посольствах.

³³⁶ В семье Никколо Лолли Эней жил во время обучения в Сьене.

³³⁷ Фома Эбендорфер фон Хасельбах, близкий к императорскому двору теолог и историк.

³³⁸ Ульрих фон Зонненберг, образованнейший юрист, впоследствии епископ.

³³⁹ Со времени награждения лавровым венком и до принятия сана епископа Эней носит титул поэта и всюду подписывается не иначе, как Aeneas Poeta.

другой собор, с чем и Евгений и базилийцы в принципе согласились, местом собора был предложен город Констанция магунтийской провинции, весьма удаленный от Евгения и близкий к базилийцам.

12. Описание Сарантанской долины и обычаев ее жителей. Тем временем Эней по благорасположению кесаря получил приходскую церковь в Сарантанской долине³⁴⁰, с которой имел пятьдесят золотых в год, расположенную в Альпах, отделяющих Германию от Италии. Эта долина, которая имеет только один проход, находящийся высоко и в труднодоступном месте, три четверти года пребывает в оцепенении покрытая снегами и крепкими льдами. Обитатели этого места всю зиму проводят в домах, искусно изготавливая сундуки и всякие плотницкие поделки, которые летом продают в Бульцане и Триденте. Они тратят большую часть времени на шахматы и игру в кости, и в этом деле удивительным образом искусны. Их не страшит никакая угроза войны, не мучает стремление к почестям, не истощает безмерная *жажда золота* (Verg. A.3.57). Богатство их составляет скот, который зимой выкармливают сеном, и тем живут. И среди них встречаются люди, которые никогда не пили – вместо питья им служит молочная пища. Живущие вдали от церкви умерших в зимнее время помещают под открытым небом и, скованных морозом, сохраняют до лета. Тогда священник, объезжая приход, возглавляет длинную погребальную процессию и, говоря при этом *слова прощания* (Verg. A.6.231), сопровождает на кладбище множество трупов. Они же следуют за похоронным шествием с сухими глазами. Они были бы счастливейшими из смертных, если б обуздали похоть, познав *истинные блага* (Verg. G.2.458), но днем и ночью учиняют разврат и допускают прелюбодеяние без разбора, и никто у них замуж не выходит девственницей. Однако эту церковь Эней вскоре оставил, получив лучшую в Байоарии, святой Марии Асцапенской, недалеко от реки Эн, каковую ему от своего имени предложил Леонард, епископ патавийский³⁴¹, равно известный родовитостью и великими делами, прислав ему в Стирию грамоту о безвозмездном владении.

---

³⁴⁰ Документы свидетельствуют, что Эней не мог получить названный приход, так как одной власти императора для этого было недостаточно. Известия о Сарантанской долине и ее обитателях, вероятнее всего, получены им "из вторых рук".

³⁴¹ Леонард фон Лайминг, епископ Пассау (1424-1451).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Альберти Л.Б. Три книги о живописи // Мастера искусств об искусстве. М., 1937. Т.І.
2. Боккаччо Дж. Декамерон / Пер. Н.Любимова. М., 1970.
3. Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М., 1971. Т.5.
4. Вергилий. Энеида / Пер. В.Брюсова и С.Соловьева. М.;Л., 1933.
5. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М.Л.Гаспарова. М., 1964.
6. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об африканской войне / Пер. и комм. М.М.Покровского. М.;Л., 1948.
7. Инфессура С., Бурдах И. Дневники, документы по истории папства XV-XVI вв. М., 1939.
8. Овидий, Публий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1978.
9. Петрарка Фр. Сонеты, избранные канцоны, секстины, баллады, мадригалы, автобиографическая проза. М., 1974.
10. Пий II. Булла о сохранении памятников древнего Рима / Пер. Н.В.Ревякиной // Возрождение: культура, образование, общественная мысль. Иваново, 1985.
11. Пикколомини, Энео Сильвио. Письмо Владиславу, королю Богемскому и Венгерскому / Пер. Р.Ратгауза // Идеи эстетического воспитания. М., 1973. Т.І.
12. Питти, Бонаккорсо. Хроника / Пер. З.В.Гуковской. Л., 1972.
13. Плутарх. Сравнительные жизнеописания/ Пер. С.Маркиша и др. М., 1961-1964. Т.І-3.
14. Руссо Ж.Ж. Избранные сочинения. М., 1961. Т.3.
15. Он же. Исповедь / Пер. Н.Ф.Устрялова. Спб, 1898.
16. Челлини, Бенвенуто. Жизнь / Пер. М.Лозинского. М., 1958.
17. Caesar, Caius Iulius. Commentarii / Ed. A.Klotz. V.1-2. Lipsiae, 1957. V.I-2.
18. Campanus I. Vita Pii II Pontificis Maximi // Rerum Italicorum Scriptores. Milano, 1734. Т.3, Pars 2.
19. Cellini, Benvenuto. Opere / A cura di B.Maier. Milano, 1968.
20. Giovanni Conversini da Ravenna. Rationarium. Vite / A cura di V.Nason. Firenze, 1986.
21. Petrarca, Francesco. Prose. Milano;Napoli, 1955.
22. Piccolomini, Aeneas Silvius. Chrysis / A cura di E.Cecchini. Firenze, 1968.
23. Idem. De Bohemorum et ex his imperatorum aliquot origine ac gestis historia. Basileae, 1575.
24. Idem. De gestis Concilii Basiliensis commentariorum libri II / Ed. D.Hay and W.K.Smith. Oxford, 1967.
25. Idem. De liberorum educatione / Ed. J.S.Nelson. Washington, 1940.
26. Idem. De viris illustribus. Stuttgartardiae, 1842.

27. Idem. Der Briefwechsel / Ed. R.Wolkan // Fontes Rerum Austriacarum. Vienn, 1909-1918. Bd. 61,62,67,68.
28. Idem. Historia rerum Friderici III Imperatoris / Ed. A.F.Kollar. Vindobonae, 1762. V.I-2.
29. Idem. Opera geografica et historica. Helmstadii, 1700.
30. Idem. Opera inedita / A cura di G.Cugnoni. Roma, 1883.
31. Idem. Opera omnia. Basileae, 1571.
32. Idem. Storia di due amanti e rimedio d'amore. Torino, 1973.
33. Pius II (Aeneas Silvius Piccolomini). Commentarii rerum memorabilium, quae temporibus suis contingerunt. Romae, 1584.
34. Idem. Commentarii... Frankfordiae, 1614.
35. Idem. The Commentaries / Transl. by F.A.Gragg. Intr. & notes by L.C.Gabel // Smith College Studies in History. Northampton (Mass.), 1937-1956. V. XXII,XXV,XXX,XXXV,XLIII.
36. Idem. Memoirs of a Renaissance Pope. The "Commentaries" of Pius II (An abridgment). New York, 1959.
37. Idem. Commentarii. Il primo libro / Testo latino a cura di F.Gaeta. L'Aquila, 1966.
38. Idem. I "Commentarii" / A cura di G.Berneti. Siena, 1972-1976. V.I-5.
39. Idem. Commentarii rerum memorabilium que temporibus suis contingerunt / Ed. A. van Heck. Vaticano, 1984.
40. Idem. I "Commentarii" / A cura di L.Totaro. Milano, 1984. V.I-2.
41. Idem. Decadum Blondi Epitome. Basileae, 1533.
42. Idem. Epistola ad Mahumetem // A cura di G.Toffanin. Napoli, 1953.
43. Idem. Orationes politicae et ecclesiasticae / Ed. D.Mansi. Lucae, 1755-1759. V.I-3.
44. Platina, Bartolomeo. De vitis pontificorum historia. Venezia, 1511.
45. Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV. Firenze, 1859.

Литература

1. Абрамсон М.Л. От Данте к Альберти. М., 1979.
2. Аверинцев С.С. Георгий // Мифологический словарь. М., 1990.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
4. Баткин Л.М. Этюд о Джованни Морелли // Вопросы истории. 1962. № 12.
5. Он же. Ренессансный миф о человеке // Вопросы литературы. 1971. № 9.
6. Он же. Итальянский гуманистический диалог XV в. // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976.
7. Он же. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М., 1978.
8. Он же. Странности ренессансной идеи "подражания" древним. Imitatio или inventio? // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984.
9. Он же. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.
10. Он же. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М., 1989.
11. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
13. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990.
14. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991.
15. Брагина Л.М. Гуманистические традиции в этико-философской концепции Джироламо Кардано // Культура Возрождения XVI века. М., 1997. С.144-157.
16. Она же. Итальянский гуманизм: Этические учения XIV-XV вв. М., 1977.
17. Она же. Социально-этические взгляды гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983.
18. Буркгардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Спб., 1904-1906. Т.I-2.

- 19.Веселовский А.Н. История всеобщей литературы в период Возрождения. Лекция / По запискам слушательниц Высших женских курсов. Читано в 1908/9 гг. (Машинопись. Хранится в ГБЛ).
- 20.Вялова С.О. Письма Энея Сильвия Пикколомини как источник социальной истории средневековой Словакии // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964.
- 21.Гаспари А. История итальянской литературы. М., 1897. Т.2.
- 22.Гаспаров М.Л. Вергилий - поэт будущего // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979.
- 23.Горфункель А.Х. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М., 1977.
- 24.Он же. Философия эпохи Возрождения. М., 1980.
- 25.Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986.
- 26.Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. Л., 1990.
- 27.Он же. "Хроника" Бонаккорсо Питти // Питти, Бонаккорсо. Хроника. Л., 1972.
- 28.Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников: exempla XIII в. М., 1989.
- 29.Он же. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. М., 1991.
- 30.Дератани Н.Ф. Вергилий и его "Энеида" // Вергилий. Энеида. М.;Л., 1933.
- 31.Зарецкий Ю.П. Выборы папы в "Записках" Э.С.Пикколомини // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1993.
- 32.Он же. Папа-гуманист Пий II о самом себе (К проблеме ренессансного самосознания) // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997.
- 33.Он же. Смертный грех гордыни и ренессансная автобиография // Средние века. М., 1992. Вып.55.
- 34.Кон И.С. Открытие "Я". М., 1978.
- 35.Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV-XV вв. Москва; Ставрополь, 1995. Ч.1-2.
- 36.Кудрявцев О.Ф. Античные представления о Фортуне в ренессансном мировоззрении // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984.
- 37.Кудрявцев О.Ф., Уколова В.И. Представления о фортуне в средние века и в эпоху Возрождения // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983.
- 38.Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- 39.Лызлов А. Скифская история. М., 1990.
- 40.Немилов А.Н. Немецкие гуманисты XV века. Л., 1979.
- 41.Пинский Л. Бенвенуто Челлини и его "Жизнеописание" // Челлини Б. Жизнь. М., 1958.
- 42.Подземская Н.П. "Жизнь Бенвенуто Челлини" как литературный памятник позднего итальянского Возрождения // Культура Возрождения XVI века. М., 1997. С.157-163.
- 43.Ревакина Н.В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV - первой половины XV вв. М., 1977.
- 44.Она же. Франческо Петрарка и формирование самосознания новой личности (По трактату "Об уединенной жизни") // Средние века. М., 1986. Вып.49.
- 45.Розанов М.Н. История литературы эпохи Возрождения / Записки слушательниц по лекциям, читанным на Высших женских курсах в 1912/1913 году. М., 1913. Ч.II (Машинопись, хранится в ГБЛ).
- 46.Рутенбург В.И. Автобиография Питти и итальянская литература // Питти Б. Хроника. М., 1972.
- 47.Он же. Титаны Возрождения. М., 1986.
- 48.Соболевский А.И. Эней Сильвий и Курбский. Киев, б.г.
- 49.Стороженко Н.И. История европейских литератур XV и XVI вв. (Эпоха Возрождения). Лекции ординарного профессора Н.И.Стороженко. М., 1889 (Машинопись. Хранится в ГБЛ).

- 50.Фойгт Г. Возрождение классической древности или первый век гуманизма. М., 1884-1885. Т.1-2.
- 51.Хубач В. Биография и автобиография: проблема источника и изложения. М., 1970.
- 52.Ady C.M. Pius II (Aeneas Silvio Piccolomini) the Humanist Pope. L., 1913.
- 53.AHR Forum // The American Historical Review. 1998. No 1. P. 51-124.
- 54.Avesani R. Poesie latine edite e inedite di Enea Silvio Piccolomini // Miscellanea Augusto Campana I. Padova, 1981.
- 55.Bec Chr. Les marchands écrivains. Affaires et humanisme a Florence 1375-1434. Paris, 1967.
- 56.Bernetti G. Ricerche e problemi nei "Commentarii" di Enea Silvio Piccolomini // La Rinascita. 1939. Giugno.
- 57.Idem. Saggi e studi sugli scritti di Enea Silvio Piccolomini, papa Pio II (1405-1464). Firenze, 1971.
- 58.Idem. Introduzione // Pio II. I "Commentarii". Siena, 1972. V.I.
- 59.Boulting W. Eneas Silvius (Enea Silvio de'Piccolomini - Pius II): orator, man of letters, and pope. London, 1908.
- 60.Bruner J. The Culture of Education. Cambridge (Mass.), 1996.
- 61.Burck G. Selbstdarstellung und Personenbildnis bei Enea Silvio Piccolomini (Pius II). Basel;Stuttgart, 1956.
- 62.Burckhardt J. Die Cultur der Renaissance in Italien. Leipzig, 1885. Bd.2.
- 63.Burke P. The historical anthropology of early modern Italy: Essays on perception and communication. Cambridge, 1987.
- 64.Idem. Representations of the self from Petrarch to Descartes // Rewriting the self: histories from the Middle ages to the present / Ed. Roy Porter. London, 1997. P.17-28.
- 65.Cantimori D. Umanesimo e religione nel Rinascimento. Torino, 1975.
- 66.Carli E. Pienza: La città di Pio II. Roma, 1967.
- 67.Idem. The Cathedral of Siena and the Cathedral Museum. Firenze, 1988.
- 68.Carron J.-Cl. Imitation and intertextuality in the Renaissance // New Literary History. 1988. Vol. 19. N 3.
- 69.Ceserani R. Rassegna bibliografica // Giornale storico della letteratura italiana. Torino, 1965.
- 70.Idem. Pio II. Roma;Milano, 1966.
- 71.Chiari S. H. L'edizione del 1584 dei "Commentarii" di Pio II e la duplice revisione di Francesco Bandini (Analisi del libro primo) // Archivio Storico Italiano. 1991. Vol.3.
- 72.Christophe J.B. Pie II écrivain. Lyon, 1865.
- 73.Conclavi de'pontefici romani quali si sono potuti trovare fin a questo giorno. S.L., 1667.
- 74.Creighton M. History of the Papacy During the Period of the Reformation. London, 1882. V.1-2.
- 75.D'Amico J.F. Renaissance humanism in papal Rome: humanists and churchmen on the eve of the Reformation. London, 1983.
- 76.Davis N.Z. Boundaries and the sense of Self in Sixteenth-Century France // Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality and the Self in Western Thought / Ed. Th.C.Heller and others. Stanford, 1986.
- 77.Del Lungo I. Introduzione // Velluti, Donato. La cronica domestica. Firenze, 1914.
- 78.Esch A. Enea Silvio Piccolomini als Papst Pius II: Herrschaftspraxis und Selbstdarstellung // Lebenslehren und Weltenwürfe im Übergang vom Mittelalter zur Neuzeit. Gottingen, 1989.
- 79.Ferguson W.K. The Renaissance in Historical Thought: Five Centuries of Interpretation. New York, 1948.
- 80.Foucault M. What is an Author? // Textual Strategies / Ed. J.V.Harari. Ithaca, 1979.
- 81.Garin E. Ritratti di umanisti. Firenze, 1967.
- 82.Gebel D. Nikolaus von Kues und Enea Silvio Piccolomini. Bilder der aussereuropaischen Welt als spiegelung europaischer Sozialverhältnisse im 15.Jahrhundert. Hamburg, 1977.

83. Goldberg J. Cellini's "Vita" and the conventions of the early autobiography // *Modern Language Notes*. 1974. N 89.
84. Gouwens K. Perceiving the Past: Renaissance Humanism after the "Cognitive Turn" // *The American Historical Review*. 1998. No 1. P.55-82.
85. Gregorovius F. *Le Tombe dei Papi*. Roma, 1871.
86. Guglielminetti M. *Memoria e scrittura: L'autobiografia da Dante a Cellini*. Torino, 1977.
87. Gusdorf G. De l'autobiographie initiatique a l'autobiographie genre litteraire // *Revue d'Histoire litteraire de la France*. 1975. Vol.VI.
88. Guzzoni degli Ancarani C. *La cronica domestica toscana dei secoli XIV e XV*. Lucca, 1920.
89. Hay D. *The Church in Italy in the Fifteenth. Century*. London, 1977.
90. Ijsewijn J. *Humanistic autobiography* // *Studia humanitatis*. Munich, 1973.
91. Kalen G. Aeneas Silvio Piccolomini als Publizist in der "Epistola de ortu et autoritate imperii romani". Koln, 1939.
92. Kitchin G.W. *The Life of Pope Pius as illustrated by Pinturicchio's frescoes in the Piccolomini library at Siena*. S.L., 1881.
93. Klapish - Zuber Ch. *Women, Family and Ritual in Renaissance Italy*. London, 1983.
94. Kristeller P.O. *Renaissance Thought and its Sources*. New York, 1979.
95. Lejeune Ph. *Le pacte autobiographique*. Paris, 1975.
96. Idem. *Moi aussi*. Paris, 1986.
97. Lesca G. *I "Commentarii rerum memorabilium" d'Enea Silvio de'Piccolomini (Pio II)*. Pisa, 1894.
98. Mack Ch.R. *Pienza: The Creation of a Renaissance City*. London, 1987.
99. Maier B. *Svolgimento storico della critica su Benvenuto Cellini scrittore* // *Annali triestini*. 1950-1951. Vol. XX-XXI.
100. *Mercanti scrittori. Ricordi nella Firenze tra Medioevo e Rinascimento / A cura di Vittore Branca*. Milano, 1986.
101. Misch G. *Geschichte der Autobiografie*. Frankfurt am Main, 1907-1969. Bd. I-IV.
102. Mitchell R.J. *The Luarels and the Tiara. Pope Pius II (1458-1464)*. London, 1962.
103. Muntz E. *Historie de l'art pendant la Renaissance*. Parigi, 1889. Vol.I.
104. Paparelli G. *E.S.Piccolomini (Pio II)*. Bari, 1950.
105. Idem. *Enea Silvio Piccolomini. L'Umanesimo sul soglio di Pietro*. Ravenna, 1978.
106. Pascal R. *Design and Truth in Autobiography*. L., 1960.
107. Pastor L. *Geschichte der Papste seit dem Ausgang des Mittelalters*. Freiburg, 1894. Bd.2.
108. *Il Rinascimento: Interpretazioni e problemi*. Bari, 1979.
109. Sprinker M. *Fictions of the Self: The End of Autobiography // Some Versions of Memory – Some Versions of Bios: The Ontology of Autobiography (Essays Theoretical and Critical) / Ed. by J.Olney*. Princeton, 1980.
110. Tenenti A. *Il senso della morte e l'amore della vita nel Rinascimento (Francia e Italia)*. Torino, 1977.
111. Toffanin G. *La religione degli umanisti*. Bologna, 1950.
112. Idem. *Introduzione // Pio II. Epistola ad Mahumetem*. Napoli, 1953.
113. Totaro L. *Pio II nei suoi "Commentarii": Un contributo alla lettura della autobiografia di Enea Silvio Piccolomini*. Bologna, 1978.
114. Ullmann W. *A Short History of the Papacy in the Middle Ages*. London, 1972.
115. Idem. *Principles of Government and Politics in the Middle Ages*. New York; London, 1976.
116. Idem. *The Papacy and Political Ideas in the Middle Ages*. London, 1976.
117. Van Heck A. *Praefatio editoris // Pius II. Commentarii*. Vaticano, 1984.
118. Varese Cl. *Storia e politica nella prosa del Quattrocento*. Torino, 1961.
119. Veit L.M. *Pensiero e vita religiosa di E.S.Piccolomini prima della sua consacrazione episcopale*. Roma, 1964.

- 120.Voigt G. Enea Silvio dei Piccolomini als Papst Pius der Zweite und sein Zeitalter. Berlin, 1856-1863. Bd.1-3.
- 121.Weiland Ch. "Libri di famiglia" und Autobiographie in Italien zwischen Tre- und Cinquecento (Studien zur Entwicklung des Schreibens über sich selbst). Tübingen, 1993.
- 122.Weintraub K.J. Autobiography and Historical Consciousness // Critical inquiry. 1975. Vol.1. No 4.
- 123.Weintraub K.J. The Value of the Individual: Self and Circumstance in Autobiography. Chicago;London, 1978.
- 124.Weise G. L'ideale eroico del Rinascimento e le sue premesse umanistiche. Napoli, 1961.
- 125.Weiss A. Aeneas Silvius als Papst Pius II. Sein Leben und Einfluss auf die literarische Kultur Deutschlands. Graz, 1897.
- 126.Widmer B. Enea Silvio Piccolomini Papst Pius II. Biographie und ausgewählte Texte aus seine Schriften. Basel;Stuttgart, 1960.
- 127.Eadem, Enea Silvio Piccolomini in der Sittlichen und politischen Entscheidung. Basel;Stuttgart, 1963.
- 128.Zimmermann T.C.P. Confessions and Autobiography in the Early Renaissance // Renaissance studies in honor of Hans Baron. Northern Illinois Univ.Press, 1971.